



ЗАМОК
ЧУДЕС

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

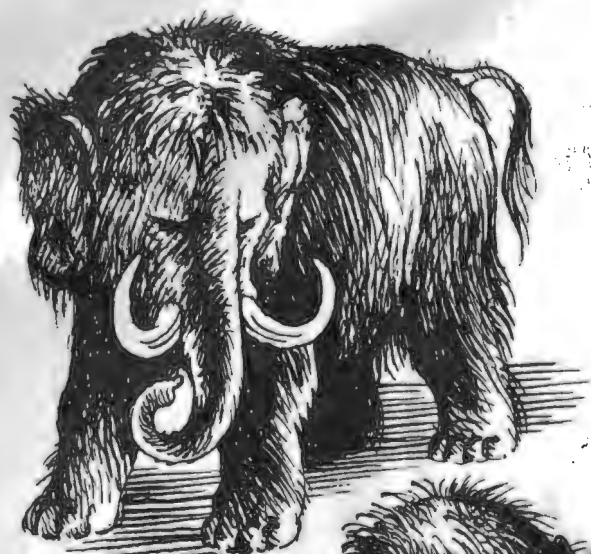


В КОЛТЯХ КАМЕННОГО ВЕКА





ЗАМОК ЧУДЕС
Фантастические и сказочные
повести для детей



ЗАМОК  ЧУДЕС

Дмитрий Емец

В КОУТЯХ КАМЕННОГО ВЕКА

Фантастическая повесть



Художник В. Алексеев

Москва  АРМАДА
1998

УДК 82-312.9 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445я5
Е 60

Наш современник Вася попадает в гравитационную дыру и оказывается в глубоком прошлом — 30 тысяч лет до нашей эры. Там он знакомится с двумя своими сверстниками — изгнанниками из своего времени — и изучает их язык. Друзей преследуют желтые люди, ищущие Дух Огня, упавший с неба.

На самом деле Дух Огня — это корабль инопланетян, когда-то потерпевший крушение и врезавшийся в планету. Ребята долго странствуют по горам и первобытным лесам, сталкиваются с мамонтами, пещерным медведем и саблезубыми тиграми. Наконец, ускользнув от погони, они находят звездолет и становятся обладателями технологий инопланетян — совершенного оружия и защитных жилетов.

Рисунок на переплете
А. Г. Алексеева

Для младшего и среднего школьного возраста

ISBN 5-7632-0671-1

© Емец Д. А., 1998
© Иллюстрации, Алексеев А. Г., 1998
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1998

ОТ АВТОРА

С точки зрения истории планеты несколько тысячелетий — всего лишь миг. По мере того как ты будешь расти, юный друг, ты станешь замечать, что с каждым годом время для тебя летит все быстрее и быстрее, и чем дальше, тем стремительнее, словно ты несешься на санках с горы и разгоняешься во весь дух. Но потом наступит день, когда ты должен будешь вообще покинуть Землю, и это неизбежно. Хорошо, если постарайшься и оставишь после себя на Земле что-нибудь хорошее и светлое: незапятнанное имя, доброе дело и благодарность людей.

Очень скоро наступит такой момент, когда ты поймешь, что сто лет — это совсем немного, и двести лет — не очень много, что почти в каждом лесу можно найти старый дуб или сосну, которые росли еще в эпоху Петра I или Бородинской битвы. Поэтому кажется, что человеческая история плетется медленно, но на самом деле годы летят очень быстро.

И последнее.

Все, что описано в этой книжке — было, хотя, возможно, во многое тебе трудно будет поверить, потому что произошло это много сотен веков назад, когда Земля была не такой, как теперь.

Итак, приготовься к самому невероятному. Впрочем, не будем забежать вперед и начнем все по порядку. Вначале обратимся к истории, чтобы ввести тебя, юный читатель, в курс дела и напомнить о том, что ты, возможно, уже где-то слышал.



НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ

Когда идешь по чужим следам не оглядываясь, не видишь, кто идет по твоим собственным следам.

Пословица пещерных времен

История человека на Земле насчитывает более 2,5 миллиона лет, но нам известны из прошлого в основном события последних 3—4-х тысяч лет, подобно тому как если бы из всей нашей жизни мы помнили только то, что произошло в последнюю секунду.

Нередко ученые приводят такой пример: если всю историю рода человеческого на Земле приравнять к суткам (24 часа), то окажется, что в самом начале суток (в 0 часов) человек научился создавать первые примитивные орудия. Питекантроп, или «человек выпрямленный», жил между 14 и 19 часами, а неандерталец — между 19 и 23 часами 30 минутами.

В 23 часа 55 минут, почти в самом конце суток, начался поздний период каменного века — неолит, а весь известный этап истории — с зарождением государств, письменностью, культурой — возник на некоторых участках Земли (Египет, Вавилон, Ассирия, Китай и пр.) только за 3 минуты до конца суток. Итак, все, что нам известно

об истории Земли,— это только мизерная часть последних тысячелетий, а события остальных миллионов лет окутаны тайной.

Человеческая история, как и все существовавшее на Земле когда-либо, тоже развивалась с ускорением: вначале медленно, потом все быстрее и быстрее.

Самым длительным был *каменный век* — он начался около 2,5 миллиона лет назад и закончился за 3 тысячи лет до нашей эры¹. *Бронзовый век* длился около 2,5 тысячи лет, а приблизительно в середине 2-го тысячелетия до нашей эры наступил *железный век*, в котором живем и мы. Возможно, после нашего железного века будет еще какой-нибудь, например, *космический* или *компьютерный, век*, но он еще пока не стал историей и потому не назван.

В разных районах Земли эти века начинались не одновременно: где-то раньше, где-то позже.

Каменный век — самый долгий период в истории человечества — делится на несколько эпох: древний каменный век, или *палеолит* (2,5 миллиона — 12 тысяч лет назад); средний каменный век, или *мезолит* (12 тысяч — 8 тысяч лет до нашей эры); новый каменный век, или *неолит* (8 тысяч — 3 тысячи лет до нашей эры).

Внешность человека не оставалась неизменной из века в век, а тоже постепенно менялась, причем чем дальше, тем быстрее, пока наконец сейчас, на рубеже 2-го и 3-го тысячелетий, не привела к акселерации, которая выражается не только в том, что современный человек стал более рослым, но и в целом ряде внутренних изменений. Это привело к формированию на наших глазах *человека-футурума*, то есть *человека будущего*, который, возможно, через тысячу-две лет, а то и раньше будет отличаться от нас так же сильно, как мы сейчас отличаемся от питекантропов и неандертальцев. Впрочем, доживем — увидим...

А сейчас внуки не очень похожи на своих бабушек и дедушек, люди XX столетия заметно отличаются от предшественников из XIX, и чем дальше от нас время, тем изменения значительнее. Эти изменения никогда не

¹ То есть как бы 23 часа 35 минут из 24 часов. Почти все сутки!



бывают внезапными, но иногда они происходят очень быстро, всего за несколько столетий или тысячелетий. И опять, что уже отмечалось, — *чем дальше, тем возникают быстрее.*

3,5 — 1,8 миллиона лет назад в степях Африки можно было встретиться с довольно мрачными внешне существами, очень похожими на обезьян. Позднее их назовут *австралопитеками*. И если бы вы подошли к такому существу и сказали бы: «Здравствуй, австралопитек! А я твой в сотой степени потомок», то незнакомец, не проявляя радостных чувств; скорее всего, или убежал бы, или шарахнул вас по голове камнем или палкой, которые он уже научился использовать, обороняясь от диких зверей или чтобы разбить скорлупу ореха. Эти орудия он не создавал, а находил в местах обитания.

Первые каменные орудия люди научились изготавливать приблизительно 2,5 миллиона лет назад. Это были куски твердых пород с острыми краями или сколки. Таким камнем можно было сбить с дерева ветку, снять шкуру с убитого животного, выкопать корень или расколоть кость. Тот, кто научился обрабатывать камни, получил позднее наименование «человек умелый».

«Человек умелый» передвигался на ногах, а руками он уже научился изготавливать орудия. Говорить этот

человек еще не умел и, подобно обезьянам, подавал сигналы криками, жестами, гримасами. Кроме использования растительной пищи «человек умелый» был уже не прочь полакомиться мясом, хотя чаще всего не убивал добычу сам, а криком, воплем и забрасыванием камнями отгонял от пойманной добычи средних хищников.

Около 1 миллиона лет назад появился новый вид — «человек выпрямленный», он же *питекантроп*, или *обезьяночеловек*. Он был немного смышленнее, но все еще покрытый шерстью, с низким лбом и сильно развитыми надбровными дугами.

В эпоху питекантропов начался ледниковый период. Из-за образования ледников понизился уровень Мирового океана, и между участками суши, которые прежде были разделены, появились сухопутные «мосты».

Наши предшественники — питекантропы — были сообразительными существами, спасаясь от ледников и просто мигрируя за стадами животных, они разбрелись почти по всем континентам.

Стоянки первобытных племен возникали на берегах рек и озер, в местах, где обитали большие стада животных. Когда была такая возможность, питекантропы селились в пещерах, впрочем, глубоко они забираться боялись, а предпочитали жить поближе к выходу.

Первобытные люди любили заманивать стада оленей, быков, мамонтов на обрывы, а потом, когда животные срывались со скалы и падали в овраги, добывали их камнями и копьями. Впрочем, иногда, когда охотникам везло меньше, стадо топтало их или поднимало на рога.

К радости историков, питекантропы уже умели говорить и могли рассказать массу интересного. По вечерам после охоты они собирались в пещерах, и начиналась увлекательная беседа: «Бах! Бабах! А этот как наскочит и м-м-муу! А я его — шарах! А он на меня — и бодаться! А я его снова — шарах! А он: бух! Шмяк! Растянулся!» — рассказывал какой-нибудь питекантроп-папа, а его маленькие отпрыски слушали отца внимательно и набирались охотничьего опыта.

Это была первобытная школа, несколько позднее ее усовершенствовали и создали современную систему образования, хотя основные методы получения знаний остались прежними, семинарско-лекторскими.

Питекантропы просуществовали около 1 миллиона лет, пока постепенно их не вытеснила новая разновидность человека — неандерталец. Произошло это около 250 тысяч лет назад. Неандерталец уже мало отличался от современного человека, но у него был низкий лоб и скошенный подбородок.

Неандерталец просуществовал на Земле приблизительно 200 тысяч лет, а потом довольно быстро (по историческому течению времени) был сменен кроманьонцем, который был уже человеком современного типа. Люди, вытеснившие неандертальцев 30—40 тысяч лет назад, уже не были звероподобны: их лоб стал более высоким, руки менее мощными, и у них появился подбородочный выступ. Именно в эту эпоху было полностью завершено заселение всех континентов, начатое еще питекантропами...

Именно к этому времени, примерно к 30-му тысячелетию до нашей эры, и относится то событие, которое описывается в этой книге... Случившееся кажется совершенно невероятным, на самом деле оно научно вполне обосновано, правда, исключительно редкое, настолько редкое, что за всю историю существования человечества произошло лишь однажды...

Глава первая НОВЫЙ ГАРПУН

«Так нечестно! Это я должен на тебя охотиться!» — крикнул пещерный человек, который, отправившись на охоту, вынужден был спасаться бегством от носорога.

Быль пещерных времен

Наукой зафиксировано, что время тянется не линейно, а закручивается по спирали — виток за витком. В качестве примера возьмем катушку с нитками. Вообразите себе, что нитки — это время. Сами по себе нитки прямые и не соединены друг с другом, но, будучи намотаны на катушку рядами, они соприкасаются, оказываются рядом, и муравей, который ползет по катушке, может с легкостью перебираться с витка на виток через многие метры ниток, как если бы они были одним целым.

Иногда в исключительных случаях происходит смещение времени, то есть как бы пересечение его нитей, когда прошлое и будущее на несколько мгновений сливаются воедино, и тогда открывается окно времен. Обычно это не приводит ни к каким особым последствиям, потому что помимо временных координат есть еще и пространственные, и если пространственные координаты в этот момент не совпадают, то дыра времени открывается где-нибудь в сотнях тысяч километров от Земли на ее орбите.

Но совсем редко, возможно, в одном случае из ста тысяч, случается, что пространственные и временные координаты как бы накладываются, то есть Земля в момент пересечения времени оказывается в одном и том же месте на своей орбите. Тогда может произойти так, что внезапно откроется дорога во времени, и физическое тело, случайно оказавшееся поблизости, может быть перенесено из одной эпохи в другую. Но потом нити, которые какое-то время шли параллельно, опять разъединяются, и снова чередой линейной истории движется своим обычным ходом...

Месяц Хода Лосося подходил к концу, когда четырнадцатилетний Агам из племени Камышовых Котов сделал свой первый гарпун. Тот надежный гарпун, который остался от отца и служил много лет, недавно унесла в своей спине крупная рыба, а Агам не смог догнать ее, потому что подрался с Уюком.

Уюк, сильный подросток, который вскоре должен был пройти обряд посвящения в мужчины, невзлюбил Агама и часто дразнил его «лесным человеком» и «большоголовым». Действительно, лоб у него был высоким, не таким, как у многих мужчин его племени, у которых волосы росли сразу над бровями, как, например, у Уюка, но с Лесными Людьми Агам не имел ничего общего.

Лесные Люди — одно из соседних диких племен — были рослыми, покрыты шерстью, как обезьяны, они умели говорить, но чаще общались друг с другом криками и жестами. Лесные Люди имели мощные надбровные дуги, были низколобы, неуклюжи, с длинными до колен руками. Они обладали огромной силой и умели далеко метать камни и копья, но лук и стрелы были им неизвестны. Никаких орудий они не изготавливали, жилищ

себе не строили, а зимой забивались в глубокие норы, которые выкапывали палками в крутом склоне.

Лесные Люди из-за своей неуклюжести часто не могли добыть для себя крупную дичь, плохо собирали корни и поедали зимой своих соплеменников. Они часто утоляли голод слабыми, стариками, а также больными и ранеными, поэтому племя их уменьшалось. А когда к людоедству добавились еще и браки с сестрами, стало ясно, что свою битву в эволюции Лесные Люди проиграли и теперь их племя постепенно вырождается и вымирает.

Женщины Лесных Людей к этому времени могли вырастить только одного ребенка, остальные дети либо рождались слишком слабыми и умирали, либо искра новой жизни вообще не могла вспыхнуть. И так как необходимого для развития притока свежей крови в сообщество не было, то вместо двух человек — мужчины и женщины — воспроизводился только один, и племя Лесных Людей все уменьшалось.

В эволюции этот народ проиграл. Только иногда у Лесных Людей появлялась былая отвага, и тогда они нападали на соседнее племя Камышовых Котов, отбирали добычу, а иногда пытались их убить. Камышовые Коты не были так сильны, как Лесные Люди, но они умели хорошо бросать копья и дроты с помощью приспособлений из кости и рога — копьеметалок, к тому же их каменные топоры были изготовлены намного лучше, чем примитивное оружие Лесных Людей. Прошлой весной в упорной битве племя Лесных Людей было почти полностью уничтожено, и теперь только небольшая часть уцелевших скрывалась где-то в сосновой чаще.

Племя Камышовых Котов жило в глубоких извилистых пещерах, которые выходили к реке. Она пока не имела единого названия, каждое племя давало ей свое имя, только позднее, через 30 тысяч лет, она станет Амуром.

Пока же она была просто Большая Река, этим отличаясь от Маленькой — так племя называло небольшой приток, впадавший в Большую выше по течению.

Заболоченные берега притока и реки густо поросли камышом. В зарослях было очень удобно прятаться, а потом внезапно нападать на оленей и кабанов, прихо-

дивших сюда на водопой. Некоторые самые сообразительные охотники забирались в реку, ныряли и, дыша через полый стебель камыша, могли долгое время проводить под водой, поджидая жертву.

Там же, в болотистых местах, жили небольшие дикие животные с пятнистой шерстью, похожие на рысей, только меньше, — это были камышовые коты. Ловкие охотники, они бесшумно подкрадывались к утке или лебедю и убивали жертву, перекусив ей шею, а когда котов подстерегала опасность, они выгибали спину, шипели и исчезали в густых шелестящих зарослях.

Людей восхищали эти ловкие хищники, и они старались подражать животным в умении незаметно подкрадываться к дичи. На камышовых котов не охотились — в них мало мяса, к тому же колдун утверждал, что тому, кто убьет кота, перестанет везти на охоте и зимой в его пещере погаснет огонь, что считалось дурным предзнаменованием.

Это животное было тотемом племени, и именно от него оно получило свое название — племя Камышовых Котов.

Как-то раз Агам нашел в камыше у берега двух полосатых котят с недавно прорезавшимися глазками. Они потеряли мать, которая могла погибнуть в схватке с кабаном, волком или рысью, а возможно, малыши вывалились из своей норы в дупле старой ветлы.

Котята были маленькими, но нещадно царапались и кусались и изодрали мальчику в кровь все руки. Пожалев их, Агам взял малышей в пещеру и стал кормить бедняг кусочками мяса.

Члены его рода относились к зверькам по-разному. Некоторым, особенно малышам и девочкам, котята нравились, а взрослых воинов и стариков непрерывное мяуканье нередко раздражало, и они хотели их выбросить в реку, но колдун пригрозил проклятием — нельзя убивать священное животное племени! Один из малышей вскоре сдох, Агам подозревал, что кто-то бросил в него камнем. Второй котенок вырос и вскоре убежал в камыши. Он так и не был приручен, хотя Агама не боялся, не прятался от него, а однажды даже позволил забрать у себя задушенную утку.

Племя Камышовых Котов состояло из нескольких родов, связанных между собой сложными родственными узами. В основном роды состояли из матери, отца, их взрослых сыновей с женами, дядьев и их детей. Женщины и незамужние дочери принадлежали к роду отца. После замужества девушка переходила в род к мужу.

Люди жили в десятках пещер, разбросанных вдоль берега. Всего племя насчитывало примерно 80 мужчин-охотников, женщины, дети и старики в расчет не принимались.

Самым сильным в племени считался тот род, в котором было больше всего мужчин-охотников. Довольно часто кто-то из них погибал в схватке со зверем или умирал от болезни. Тогда заботу о его жене и детях брал на себя весь род, хотя, разумеется, упреков, подзатыльников и угроз осиротевшим детям хватало.

Агаму хорошо было известно, каково остаться сиротой. Когда ему было семь весен, а его младшей сестре Омре четыре весны, их отец Яргле неудачно спрыгнул с дерева и сломал ногу. Перелом был очень тяжел, из раны текла кровь, и даже колдун не смог помочь, хотя усердно плевал на рану, кувыркался через костер и посыпал место перелома сухим медвежьим пометом. Через два дня Яргле умер, а его жена Рынна и двое детей остались без защиты кормильца.

Правда у Яргле были братья — дяди Агама и Омры, но у них хватало забот со своими семьями, поэтому они оказывали лишь незначительную помощь, и детям Рынны приходилось рассчитывать только на самих себя.

Может быть, поэтому Агам вырос таким решительным и самостоятельным.

Он быстро научился искать в лесу и на полянах съедобные корни и травы, знал все ягоды в лесу и кормил себя и свою сестру Омру. Иногда ему удавалось поймать на мелководе какую-нибудь небольшую рыбу, и они съедали ее или жаренной на костре, или, если были голодны, сырой.

Когда Агаму исполнилось десять весен, он отцовской остройгой убил первого большого лосося, а потом сделал себе лук и стал охотиться на уток, так как для серьезной охоты на оленей или на диких свиней он был еще слишком слаб. Иногда ему удавалось подстрелить утку, и если его

добычу не отнимали старшие мальчишки вроде Уюка, а в пещерные времена это часто происходило, то он приносил добычу матери и сестре. Жили они впроголодь, но держались.

Теперь же, когда отцовская острога уплыла в спине рыбыны, которую он не смог настичь, их семья оказалась в очень сложном положении. Без остроги крупную рыбу не добыть, тем более что нерест лосося, когда река буквально кипела стаями, уже закончился, и теперь только изредка можно было видеть небольшие скопления рыбин.

Чужую острогу нельзя было взять даже у их сородичей, за такое могли поколотить, причем очень сильно. Любые орудия, особенно остроги и копья, изготавливались с большим трудом и ценились очень дорого. За одну острогу нужно было отдать бусы из медвежьих зубов или два каменных ножа. Но дороже всего ценился кремь, которым высекали огонь. Такой кремь был один на весь род, и за него соседи не пожалели бы трех убитых оленей и двух десятков острог, но никто не согласился бы на такой обмен, потому что искрящийся камень не встречался в этих краях.

Весен десять назад по реке к ним прибило плот с седым желтокожим стариком с узким разрезом глаз и без единого зуба. Старик был еле жив от голода и что-то бормотал на непонятном языке. Должно быть, его несколько дней несло по реке, вздувшейся весной от половодья, а старик был слишком слаб, чтобы добраться до берега вплавь.

Тогда глазеть на незнакомца собралось все племя. Среди Камышовых Котов редко кто доживал до старости, чаще всего умирали, не дожив до седых волос. Вначале мужчины наставили на непрошеного гостя копья, но потом, увидев, что он не опасен, опустили их. Желтый человек что-то повторял на чужом языке и показывал на рот — просил есть.

Яргле, отец Агама, пожалев, накормил старика и пустил его к костру в своей пещере. Тогда был сезон хорошей охоты и дичи было много.

Чужак через несколько недель поправился и научился кое-как изъясняться на их языке. К тому времени к нему привыкли и не возражали, чтобы он остался. Возвра-

шаться в свое племя старик не стал, потому что это было опасно, да и силы у него были не те.

Тогда путешествия были связаны с риском. Вверх по течению жили несколько враждебных племен, которые могли убить незнакомца, да и хищников в прибрежных зарослях хватало. Агам еще помнил этого старика, хотя тот умер за год до отца. Маленьким он проводил с ним много времени. Желтокожий чужак научил мальчика немногим словам из своего родного языка, а также показал, как вырезать фигурки из дерева обломком каменного ножа. Перед смертью старик оставил Яргле кремь, которым можно было высекать огонь.

После того как отец Агама погиб, этот кремь остался в его семье как самая большая их ценность: больше у них ничего не было, кроме пары старых шкур и остроги. Кремь не раз хотели у них отобрать или украсть, но Рынна его спрятала в укромное место.

Как-то Агам, проснувшись ночью, увидел, как мать, тревожно озираясь, разгребла в углу пещеры траву и сунула руку в щель, скрытую сухой травой и камнями. Мальчик догадался, что там она прячет кремь.

Когда острога пропала и они стали голодать, Рынна не ругала сына, а с грустью сказала, что, вероятно, им все же придется обменять кремь и тогда у них ничего не останется в запасе на случай зимнего голода.

Понимая, что лишиться кремня они не могут, потому что без него им не пережить зиму, Агам стал делать новую острогу. Девятилетняя Омра крутилась рядом, пытаясь найти для брата маленькие камешки с острыми краями, необходимые для изготовления зубцов на остроге.

Уже довольно давно люди поняли, что совсем не нужно искать большой кусок подходящего камня, чтобы сделать нож, пилу или гарпун. Большие камни годятся только на охотничий топор, которым оглушают раненую дичь, а для наконечников стрел или кинжалов они не подойдут. Чаще всего Камышовые Коты вообще не делали наконечников, а просто брали прямые стебли сухого прошлогоднего камыша, полые внутри, и вставляли в пустоту для утяжеления небольшие прямые палочки. Вместо наконечника у таких стрел был продольный срез камыша, острый настолько, что, зазевавшись, им можно было проткнуть насквозь ладонь. Правда, такие стрелы легко

ломались и на крупную дичь не годились, но для птицы были в самый раз, потому что летели далеко и прямо.

Отец Агама внешне отличался от соплеменников. Лоб у него был значительно выше, чем у остальных, надбровные дуги, очень развитые у отца Уюка Уа-Аяха, у Яргле были почти незаметны. Он так выглядел потому, что его мать, бабушка Агама, была похищена из далекого маленького племени, расположенного вниз по течению реки. Жен Камышовые Коты обычно выбирали не из своего племени, где все связаны родственными узами — были двоюродными, троюродными сестрами и братьями, а чаще всего воровали их из соседних племен. Впрочем, и соседи не оставались в долгу: только прошлой осенью у Камышовых Котов украли сразу двух молодых женщин, которые собирали корни на дальней поляне.

Возможно, племя, из которого дед Агама похитил свою жену, стояло на полтысячелетия выше по своей эволюции и обладало большими навыками. Эти умения передались Яргле и в какой-то степени его сыну. Мальчик помнил, что раньше отец часто показывал ему, как нужно обтесывать камень или выпрямлять ствол молодого дерева для того, чтобы сделать древко копья или лук.

В это утро после поисков в ближайшем лесу Агам нашел прямую крепкую ветку, негнилую внутри, длиной примерно в пять локтей. Кору с ветки он счищать не стал, потому что знал, что, очищенная, она быстрее высохнет и сломается. Кору он снимет потом, когда острога будет полностью готова, а свежие срезы обмажет специальной вяжущей глиной и высушит над костром, как это делал отец.

— Агам все уже сделал? — спросила Омра. — Агам теперь будет привязывать к остроге камень или рыбью кость?

Мальчик понял, что сестра имела в виду. К наконецнику остроги привязывались или просто защемлялись длинные острые кости большой рыбы, а иногда даже не рыбы, а олени или кабаньи, заостренные, с вырезанными зубцами и прокаленные на костре.

Такое орудие было вполне надежным, но недолговечным. Кости часто ломались, к тому же с ними острога летела бы не так далеко и не точно в цель, потому что кости были слишком легкими. Агам же хотел сделать

совсем другую острогу — хоть и с костяным наконечником, но каменную, такую, как была у его отца. Каменную острогу сделать сложнее, но, если мальчику удастся, орудие будет служить намного дольше.

Теперь предстояла самая ответственная работа — так называемое *скалывание*. Камышовые Коты знали, что, для того чтобы изготовить хорошее орудие, не следует искать один-единственный камень нужной формы. Гораздо выгоднее откалывать от больших камней-ядрищ пластинки требуемой величины и остроты или расщеплять большие ножевидные пластины на мелкие. Полученные мелкие кусочки нужно вставить в костяную или деревянную основу, проделав в ней желобок, а потом укрепив их с помощью смолы. Этот способ, во-первых, сэкономил много времени, а во-вторых, что было удобно, позволял использовать при изготовлении орудий такие прочные и острые камни, как полудрагоценные халцедон и агат.

Агам сел на берегу реки, нашел несколько подходящих камней и, ударяя ими друг о друга, стал отбирать самые острые кусочки, чтобы потом вставить их в древко. Для лезвия гарпуна он нашел крепкую оленью кость, заострил ее и вырезал в ней несколько глубоких борозд, которые, застряв в добыче, не дали бы гарпуну выпасть.

Острога получалась просто замечательной, и даже маленькая Омра, которая все время крутилась рядом и шептала под руку заклинания, подражая колдуну, это понимала. «Чтоб острога была острой, чтобы рыбу убивала, пусть острога будет меткой, чтобы в цель она летала...» — бормотала девочка, и брат усмехнулся, как складно она пела. Разумеется, Агам не знал, что такое рифма, как не ведала об этом и Омра, но он чувствовал, что слова складно перекликаются, и это ему было приятно.

Но неожиданно девочка замолчала на полуслове, а потом вскрикнула. Кто-то сзади крепко схватил ее за перевязанные плетеным ремешком волосы и дернул. Агам и Омра увидели Уюка, который смотрел на них и хохотал. Он весь день слонялся по берегу без дела, приставал к младшим и мешал им. Отец и старшие братья лодыря были хорошими охотниками, мяса в их пещере было много, и Уюку ничего не приходилось добывать самому.

Он не умел охотиться, плохо стрелял из лука и не смог бы сам смастерить даже каменный нож.

Мать Уюка, Гырка, толстая дебелия женщина, очень скандальная и злая, больше всех любила своего младшего сына и держала его под крылышком. Многие проделки сходили Уюку с рук, потому что его род был сильным, в нем было много взрослых охотников и никто из соплеменников не хотел с ними связываться.

В пещерной иерархии самое высокое место занимала та женщина, у которой было больше, чем у других, взрослых сыновей, защищавших ее. Такая женщина часто кричала, ругалась, могла подраться и постоянно оскорбляла других соплеменниц, называя их «пусточревыми», «худобрюхими». «Я толстая, муж и сыновья у меня хорошие охотники, а ты тощая, значит, у тебя в роду плохие охотники!» — часто кричала она кому-нибудь из жен.

Если же у женщины не было защитников — сыновей или мужа, или были одни только дочери, то ее жизнь становилась тяжелой, как у овдовевшей Рынны. Положение ее осложнялось еще и тем, что она тоже была похищена из соседнего племени, а следовательно, не имела среди Камышовых Котов родных братьев и других родственников — мужчин, которые могли бы за нее заступиться.

Ее детей, Агама и Омру, пользуясь тем, что они не могли отвечать, часто обижали и называли «приблудными», «детьми обезьян» и так далее, изоощряясь в зависимости от фантазии обидчиков. «Я вырасту, стану сильным и убью всех наших врагов! Женюсь на их женах и буду приносить тебе и Омре много мяса и дичи», — иногда говорил мальчик, когда видел, как мать плачет от обиды. Рынна улыбалась сквозь слезы и говорила: «Тогда расти скорее, только пока об этом никому не говори, чтобы тебя самого не убили, ты еще не вошел в силу».

Но это было давно. Сейчас Агам был самым сильным и ловким из всех подростков племени, которым уже исполнилось четырнадцать весен. Никто не мог сравниться с ним в умении бегать, плавать и стрелять из лука.

Уюк, на полторы весны старше Агама, массивный и плечистый, как его отец и братья, смотрел, как тот делает острогу, и насмехался над ним:

— Разве эта острога? Это просто сухая палка! Ею не убить даже дохлого рака! Вы как были голобрюхими, так и останетесь!

Мальчик долго сдерживался, ничего не отвечая, ожидая, пока обидчик уйдет. Он знал, что если ответит Уюку, то тот долго не отстанет.

Но Уюк явно нарывался на драку, уверенный в своей силе. Он стал выбивать из рук у мальчика мелкие камни, которые тот вставлял в острогу.

— Агам трус! — закричал он громко, чтобы все слышали. — Агам не осмелится дать сдачи Уюку! Агам трус и сын труса! Его отец не погиб на охоте, как должен погибать настоящий мужчина, а умер у костра!

Почетной смертью у Камышовых Котов считалась только гибель мужчины в бою или на охоте от клыков, рогов и копыт диких зверей. Смерть же от болезни или старости считалась позорной, недостойной воина.

Настоящий мужчина должен умереть с копьем или с каменным топором в руке, потому что Высший Дух, Тот, Кто Зажигает Солнце, говорил колдун, не примет его в свое царство. Поэтому умершим не в бою в руки всегда вкладывался топор или каменный нож, чтобы Высший Дух знал, что это были мужественные воины.

А отец Агама погиб от несчастного случая, сломав ногу, и это считалось непочетным. Хотя все знали, что Яргле был смелым охотником, но помнили, что он умер у костра, а не в схватке со зверем, и это тоже влияло на отношение к его детям и жене.

Видя, что Уюк не собирается отставать, а продолжает дразнить его, Агам встал и, взяв сестру за руку, пошел к лесу. Уюк обогнал их и загородил им дорогу.

— Твой отец был плохим воином и умер как трус!

— Мой отец не был трусом! — твердо сказал мальчик, крепко сжимая руку Омры.

— Твой отец умер у костра! И ты тоже трус, ты даже не сможешь защитить свою сестру! — Уюк схватил Омру за плечо и толкнул ее так, что она упала. Девочка заплакала.

Это переполнило чашу терпения даже спокойного Агама. Он мог еще не обращать внимания на слова, но, если обижали Омру, он сносить не намерен. Все вскипело у него внутри, и перед глазами замелькали красные по-

лосы. А тут еще обидчик стоит напротив и насмешливо смотрит на него. Понимая, что в борьбе ему с ним не справиться, потому что тот больше и тяжелее, Агам ударил его кулаком в живот. Уюк набросился на него, вытянув вперед руки и стараясь схватить его за горло, но мальчик отскочил в сторону и подставил противнику подножку. Тот растянулся на земле носом вниз, но быстро вскочил.

Рядом послышался смех: Роса, четырнадцатилетняя девочка, которая нравилась Агаму, смотрела на них и смеялась. У Росы были длинные светлые волосы, синие глаза и чуть вздернутый нос. Она была сильной и ловкой, хорошо лазила по деревьям и знала много съедобных кореньев. Когда они с Агамом где-нибудь случайно сталкивались, то мальчик краснел и старался не смотреть на нее, а она смеялась, но не уходила, а стояла, наблюдая за ним. Наверное, Агам тоже нравился девочке.

Но Роса нравилась и Уюку. Он иногда часами ходил за ней, надоедая, хвастаясь своими братьями, и говорил, что когда он пройдет обряд посвящения в мужчины, то возьмет ее в жены, а она будет носить за ним его копья и добычу. Но Росе Уюк не нравился: он был грубым и неуклюжим, а вдобавок очень жадным — никогда ничего не дарил ей, даже амулета из волчьего зуба, который ей однажды сунул в ладонь Агам. Теперь этот амулет висел у девочки на шее, и когда она смотрела на него, то вспоминала о скромном приятеле.

— Уюк растянулся на земле, как ствол дерева! — крикнула Омра, у которой был бойкий язычок. — Уюк не воин, а девчонка, которой нужно собирать коренья!

Роса снова расхохоталась. Сообразив, что она смеется над ним, Уюк совершенно рассвирепел. Он схватил с земли какую-то палку и бросился на врага, крича, что переломает ему все кости.

Агам понял, что дело плохо. Конечно, можно было убежать, но тогда Роса и Омра решат, что он трус. Но если он побьет Уюка, тот может пожаловаться матери или старшим братьям, и тогда Рынке придется совсем плохо.

Но решать было поздно: Уюк занес палку над головой Агама. Мальчик резко вскинул вверх руки, держа свою острогу, и палка опустилась на ее древко, а потом сильно ударил противника в плечо тупым, без наконечника, кра-

ем остроги. В нем был небольшой сучок, который зацепил Уюку плечо, оставив на коже неглубокую царапину.

Неприятель оказался трусом и боялся крови. Он выронил свою палку, заплакал и, крича, что Агам хотел заколоть его и что он все скажет матери, помчался в свою пещеру.

— Ты меня еще помнишь! Тебе мои братья череп пробьют! — закричал он, обернувшись.

Роса перестала смеяться. Она очень сочувственно смотрела на растерянного друга.

— Теперь родня Уюка станет вашими врагами,— сказала она очень серьезно.— Тебе не надо было этого делать.

— Я не хотел, просто в остроге оказался сучок. От такой пустяковой царапины никто еще не умирал,— оправдывался Агам. Он понимал, что натворил и какие неприятности ждут его семью.

Неожиданно Роса шагнула, быстро дотронулась своей щекой до щеки приятеля, а потом повернулась и убежала.

— Мне пора отнести коренья! Мама ждет. Нужно кормить младших братьев! — крикнула она.

У Камышовых Котов не были приняты поцелуи, и они просто прикасались щеками в знак доверия. И теперь Агам стоял, покраснев, как сваренный рак, а Омра подпрыгивала рядом, становилась на цыпочки, вертелась и старалась заглянуть брату в глаза.

— Что она сделала? Она тебя укусила? — допытывалась она.

— Нет.

— Раз не укусила, тогда ты ей нравишься, и ты, когда станешь воином, сможешь жениться на ней! — решительно заявила девочка. Она хоть и была маленькой, но постоянно крутилась около взрослых женщин, слушала их разговоры и кое-что начала понимать.

Агам отошел за большой камень в стороне от пещер, где у него была секретная укромная лазейка, о которой знала только Омра, и стал доделывать свою острогу. Он думал об Уюке и о том, что теперь у них с матерью могут начаться серьезные неприятности. Вряд ли, конечно, братья и отец Уюка, взрослые охотники, которые знают, как выглядят настоящие раны от медвежьих когтей или ударов копыт лося, придадут значение ничтожной царапине, но мать Уюка, толстая грубая женщина, которую

боится половина племени и которая нянчится со своим недорослем и не разрешает ему даже охотиться, может всерьез отравить жизнь Рынне.

Агам закончил затачивать острие своего гарпуна и взвесил его на руке — кажется, получилось что надо. Еще несколько зазубрин — и ни одна рыбина не соскочит, будет чем накормить мать и сестру, пока в реке остался лосось. Нужно только проверить, как гарпун полетит и будет ли точным бросок, хорошее ли древко он подобрал и не нужно ли еще больше утяжелить его конец с помощью каменных осколков.

Мальчик выбрался к реке чуть выше стойбища, вплавь добрался до большой коряги, находившейся в нескольких десятках метров от берега — очевидно, корень ее зацепился за дно, и замер неподвижно, держа наготове острогу. Он знал, что идущий вверх по течению лосось ничего не видит вокруг себя, движимый слепым инстинктом продолжения рода. Несмотря на это, охотник не должен шевелиться, а казаться как бы продолжением коряги, чтобы не спугнуть рыбину.

Ждать ему пришлось не очень долго, вскоре рядом в воде показалась тугая горбатая спина рыбы. Агам размахнулся, перехватил гарпун за середину древка и бросил его в лосося. Он попал в цель, и рыбина рванулась, вспенивая хвостом воду. Мальчик видел, как древко гарпуна торчит в рыбе, мечущейся из стороны в сторону. Вскоре обессилевший лосось перестал биться, и Агам, прыгнув в воду, вплавь добрался до остроги и вытащил рыбу на берег. Она была тяжелая и большая — около трех локтей в длину. Вполне хватит на сегодняшний обед и даже на половину завтрашнего дня, если запечь ее в углях костра.

Довольный сделанной острогой, которая его не подвела, Агам пошел к их пещере, неся гарпун, а сзади Омра с важным видом, подражая женщинам, которые сопровождают мужей и братьев с удачной охоты, тянула на плече рыбину, хвост которой бил ее по спине.

— Рынна, я сделал новую острогу и добыл лосося! — крикнул мальчик, заглядывая в пещеру.

Но мама почему-то не ответила, а продолжала, сидя у костра, раскачиваться.

Лицо ее распухло от слез.



— Здесь только что была Гырка. Она заявила, что мой сын хотел убить Уюка острой и сегодня вечером на совете племени, когда мужчины вернутся с охоты, она будет требовать, чтобы моего сына изгнали из племени.

— Но я ударил его не острием остроги, а только древком! Царапина пустяковая! — возразил Агам.

— Род Уюка имеет большой вес на совете, они вполне могут настоять, чтобы тебя изгнали, хоть ты еще и не прошел обряда посвящения в мужчины. Все будет зависеть от того, чью сторону примет вождь, а ведь его жена — родная сестра Гырки, — сказала Рынна.

Мальчик вспомнил, что существует закон, по которому члены племени не могут применять друг против друга оружие. Правда, закон этот нередко нарушался, и взрослые мужчины убивали друг друга в стычках, но если победитель храбр и силен или принадлежит к влиятельному роду, то закон, разумеется, обходят и все делают вид, что никакого кровопролития не произошло, а убитый сам случайно натолкнулся лбом на каменный топор или

нечаянно упал на копье. Но если применивший оружие из слабого рода или если вождь примет сторону потерпевшего, то напавший может быть наказан смертью или изгнанием.

Обычно взрослые снисходительно относились к дракам мальчишек и не считали ссадин, но тут случай особый. Оба, и Агам и его мать, знали, что вождь — двоюродный брат Гырки, а его жена — сестра, а мать Уюка очень мстительна. К тому же она давно ополчилась на Рынну за то, что та не отдала ей кремь и спрятала его. Гырка не раз врывалась к ним в пещеру, когда в ней никого не было, и хотела украсть кремь, но найти его не могла.

Теперь она и ее ноющий отпрыск, конечно, сделают все возможное, чтобы уговорить вождя изгнать Агама из племени, а вождь стар и, чтобы удержаться у власти, избегает ссор с влиятельными родами, делая все по их указке, не говоря о том, что с Гыркой его связывают родственные узы.

Агам понимал, какие серьезные тучи над ними сгустились.

— Ты должен пойти к колдуну и поговорить с ним! Если он захочет, отдай ему кремь,— твердо сказала Рынна и вложила мальчику в руку высекающий огонь камень.— Если колдун сегодня вечером не примет твою сторону, тебя изгонят из племени, а это почти верная смерть.

Мать говорила сдержанно, но сын понимал, что она волнуется. В пещерные времена человек относился к смерти спокойно, так как она всегда была где-то рядом. Почти каждую зиму мор и голод уносили до четверти всего племени, и самые слабые, чаще всего дети, женщины и старики, умирали. Мужчины же погибали на охоте или от полученных ран, на них часто нападали соседние племена или охотники за женами, и тогда в междоусобных стычках многие воины находили свою смерть.

Редко кто доживал до сорока весен, а если кто-нибудь успевал достичь сорока пяти или пятидесяти весен, то это считалось редкой удачей.

Самым старым в племени был колдун, ему было более пятидесяти весен, и никто даже не помнил, когда он родился. Некоторые говорили, что колдун общается с

Духами Огня и Воды, что он разговаривает с медведями на их языке и сам иногда превращается в медведя. Кто-то в это верил, кто-то нет, но все побаивались его и приходили к нему с подарками и подношениями, когда кто-нибудь заболел или долго не было добычи.

Колдун нашептывал заговоры, прыгал вокруг костра, давал больным какие-то травы, от которых они иногда поправлялись, а иногда нет. Если они умирали, то колдун говорил, что Дух Смерти взял свое, и при этом важно хмурил брови и оглядывался куда-то в темный мрачный угол своей пещеры, где лежали черепа — волчьи, медвежьи, оленьи, человеческие — и висели пучки сухих трав.

Колдун умел предсказывать погоду, и когда начнется нерест лосося. Если рыба долго не шла, то опять шли к колдуну, он крутил над головой камень на веревке, издававший свистящий звук, надевал вывернутую медвежью шкуру и что-то кричал, призывая Духа Реки послать им рыбу. Иногда после этого лосось действительно появлялся, и тогда это была заслуга колдуна. Если же рыбы не было, то все знали, что Дух Реки прогневался на племя за то, что ему давно не приносили жертв.

Колдун жил в верхней пещере, в которую долго нужно было подниматься по горной тропинке. Он не охотился и жил один, но почти каждый день кто-нибудь из племени приносил ему еду и добычу, стараясь задобрить или заручиться его поддержкой в чем-либо.

— Иди к колдуну! — повторила Рынна. — Иди или сегодня вечером тебя изгонят! Расскажи ему все и попроси его спуститься на совет и поддержать тебя.

И она вытолкнула сына из пещеры. Солнце давно перевалило за полдень, и диск его стал красноватым. Должно быть, ночь будет холодной.

Еще раз оглянувшись на свою пещеру, где рядом с матерью стояла Омра, и увидев, что они машут ему, Агам быстро пошел к верхней пещере.

Когда он уже входил в лес, то оглянулся на стойбище, над которым поднимались дымки костров, и ему почему-то стало грустно.

Неожиданно из леса донесся волчий вой и злобное рычание. Волки гнали добычу где-то совсем близко, и Агам насторожился, приготовившись влезть на дерево,

чтобы не быть разорванным разгоряченными хищниками или не попасть на рога преследуемому стаей лосю, который в таких случаях несется, ничего не видя вокруг...

Глава вторая

ПЕЩЕРА КОЛДУНА

Был только один шанс из двухсот миллиардов, что такое может произойти. И вот этот шанс выпал. Петля времени стягивалась, расстояние между двумя противоположными ее концами суживалось. Звезды приняли то единственно возможное для перемещения положение, которое бывает раз в сто тысяч лет, и созвездие Ориона словно раздвинулось, еще больше сблизив кольца спирали. Теперь требовалось только совмещение пространственных координат, и то, что должно было произойти всего только один раз за историю человечества, случится...

Вася Матвейщиков возвращался с тренировки по айкидо. Принято считать, что в айкидо нет атакующих действий, а есть только использование силы противника против него самого, когда сам противник бывает побежден собственным натиском. На самом деле в айкидо есть и атакующие приемы, есть захваты и броски, просто большинство из них строится на контратаках.

Но часто начинающие спортсмены, вроде Васи, забывали об этом и начинали в спаррингах размахивать кулаками. Вот и сейчас на скуле у Матвейщикова набухал средних размеров синяк — подтверждение, что не всегда ловкость побеждает силу, иногда бывает и наоборот.

Впрочем, Вася Матвейщиков относился к синякам философски, гораздо более спокойно, чем его родители. Мама когда-то мечтала сделать из сына музыканта, потому что сама в детстве играла на фортепиано, а папа хотел приобщить отпрыска к науке, так как сам был физиком, но Вася не оправдал их надежд. Музыкальную школу он бросил, не желая учить скучные гаммы, а из физики помнил только, что существует закон тяготения, из-за которого предметы падают на землю, и что какого-то

Ньютона шархнуло по голове яблоком, после чего он создал этот закон.

Васе Матвейшикову было тринадцать лет, и он учился в седьмом классе. К поступлению в институт его было еще рано готовить, и родители смирились с тем, что сын не станет великим музыкантом или гениальным физиком, и следили только за тем, чтобы количество троек в его дневнике хотя бы примерно равнялось количеству четверок. Пятерка же была у нерадивого ученика редкостью, а если он и получал иногда высший балл, то это была случайность.

И вообще Вася был довольно заурядным мальчиком. Он не побеждал на математических олимпиадах, не писал блестящих сочинений, да и в спорте не делал особенных успехов, о чем свидетельствовал фингал под глазом.

Автор был удивлен, когда Вася стал героем его книги, но героев не выбирают. Именно этот семиклассник, и никто другой, вскоре оказался в центре удивительных и необъяснимых событий, и с ним случилось такое, что не происходило *никогда ни с одним* мальчиком в мире, будь тот хоть тридцать тысяч раз отличником и гением.

Тренировка закончилась в половине шестого, но Васе не хотелось сразу идти домой, потому что он знал, что мама немедленно засадит его за уроки, а папа, если уже вернулся с работы, захочет заглянуть в дневник сына и будет неприятно удивлен, увидев две тройки подряд по своей любимой физике. А когда отец убеждается, что его наследник — лентяй, то может устроить хорошую взбучку.

Одним словом, домой Вася решил пока не спешить, тем более что на улице стоял уже конец апреля и темнело позже. Вначале он забрался на чердак пятиэтажного дома, где внизу, на первом этаже, размещался загс, и смог сверху окинуть взглядом окрестности своего родного города Уфалея.

Обычно герои книжек живут почему-то в столице, в Москве или, во всяком случае, в Петербурге, и может создаться впечатление, будто во всех остальных городах не происходит ничего интересного. На самом деле странные и невероятные события происходят везде, и надо только суметь их увидеть, а для этого необходимо оказаться *в нужное время в нужном месте*.

На этот раз невероятным событиям суждено было произойти в уральском городе Уфалее, и случилось это 25 апреля примерно в восемь часов вечера... Впрочем, обо всем по порядку.

Вася побродил немного по чердаку, где было полно всякого мусора и голубиного помета, и поглазел сверху на длинную свадебную «Чайку», которая в эти минуты привезла в загс очередных новобрачных и их принаряженных свидетелей.

Мальчику захотелось сделать что-нибудь необычное, например, сбросить им на головы наполненный водой пакет, но он раздумал, во-первых, потому, что у него не было пакета да и воды тоже, а во-вторых, за это вполне могли отлупить.

Вася спустился с крыши и побродил по двору. Там он наткнулся на своего одноклассника Игоря Семенова, который играл «в ножички» ржавым напильником. Занятию этому, хотя и не высокоинтеллектуальному, предавались с увлечением мальчишки всех поколений, и наш герой, разумеется, присоединился к приятелю. Каждый начертил себе «землю», а потом они стали, втыкая напильник, прочерчивать себе шлюпки и завоевывать друг друга.

В этот день Васе везло, и он проявлял просто чудеса меткости. Он вонзал напильник всеми возможными способами: и «солдатиком», и «парашютиком», и «танком», и с колена, и с закрытыми глазами — и довольно скоро захватил такой кусок земли Игоря, что тот не мог поместиться на ней даже на цыпочках, а это значило, что он проиграл.

— Эх ты, шляпа! — покровительственно сказал Матвейчиков, метким броском вонзая напильник в деревянный забор. — В пещерные времена такого, как ты, сразу бы убили.

— Тебя бы еще быстрее убили, очень уж ты нарываешься, — обиженно сказал Семенов.

Надо сказать, что Игорь тоже не отличался какими-либо выдающимися способностями, хоть и учился на четверки и пятерки.

— Меня бы убили? — обиженно воскликнул Вася. — У меня коричневый пояс, и я сумел бы справиться с любым нападающим. Главное не сила, а ловкость и бы-

строта реакции. Я бы сумел увернуться и от копья, и от палицы, и от нападения хищника и использовать силу противника против него самого.

— А синяк у тебя откуда, если ты такой мастер? — ехидно спросил Игорь, считая свой аргумент неотразимым.

— При чем тут синяк? Просто ситуация была такая, — пожал плечами Вася. — Мы с Лешкой отрабатывали прямой удар кулаком в голову и уклон. Он должен был ударить на счет «три», а я — уклониться и блокировать. А он ударил неожиданно на счет «два». Вот я и не успел отклониться.

— А дикарь с дубиной или тигр тоже, по-твоему, будут нападать на счет «три»? Они тебя прихлопнут так быстро, что ты и до одного не досчитаешь! — поддел собеседника Семенов, и на его лице была такая злорадная ухмылка, что Васе захотелось опробовать на нем парочку приемов.

Но он сдержался только потому, что увидел на противоположной стороне улицы Ленку Григорьеву, девочку из своего класса, которая, не глядя в их сторону, шла куда-то вместе с мамой. Васе нравилась эта девочка, хотя пока его симпатия проявлялась лишь в том, что однажды он окатил ее из водяного пистолета, а потом заявил: «Лен, а Лен, а ты в меня влюбилась!» — на что та ответила холодным и презрительным молчанием.

Матвейшиков хотел и сейчас крикнуть ей что-нибудь этакое и выразить свое внимание вопросом, например: «Эй, Ленка, куда ты потащилась?» — но, так как девочка была не одна, а с мамой, он только проводил их взглядом. Игорь Семенов куда-то исчез, и Вася не стал его разыскивать. Домой ему идти все еще не хотелось, и он направился на большой пустырь на склоне холма недалеко от своего дома.

Уфалей стоит у подножия двух гор в своеобразном каменном мешке, и это приводит к тому, что в безветренную погоду дым от заводов плотно висит над городом. Зато, в качестве компенсации, если ваш дом расположен где-нибудь около горы, то можно наблюдать, как из-за ее верхнего склона внезапно появляется, словно выкапывается, оранжевое солнце.

Если бы Вася пошел сейчас домой, а не на пустырь, на котором валялись обломки кирпичей, старые автомо-

бильные шины, битые стекла и прочие следы человеческой цивилизации, то ничего не случилось бы и не было не только этой истории, но и нашей книги.

Но мальчик уселся на пустыре, внизу склона холма, у весеннего ручья, который, журча, нес талые воды. Думая о Ленке, о занятиях айкидо, он вспомнил и об уроках, которые ему, как это ни грустно, все-таки придется сегодня делать. Вася размышлял о том, как хорошо жилось когда-то много тысяч лет назад, когда не нужно было ходить в школу, не было этих противных училок и дневников с тройками. Сиди себе спокойно где-нибудь в засаде и поджидай пещерного медведя или саблезубого тигра, а надоест — лови рыбу. Рыбы-то тогда было навалом, не то что теперь, когда в реках почти один мазут.

Внезапно, это произошло действительно неожиданно, мальчик увидел, как пространство перед ним, где звенел ручей, как бы сместилось и прямо в воздухе открылось окно. Ручей наложился на какую-то скалу с торчащим из нее чахлым кустом. Если вы когда-нибудь сняли случайно два изображения на один кадр, то можете представить себе, что получится на фотографии.

Вася от удивления едва не свалился с бревна, на котором сидел. Что-то непонятное продолжалось несколько мгновений, а потом пространственное окно как бы заколебалось и начало сворачиваться.

Но раньше, чем оно совсем закрылось, мальчик почему-то встал и сделал шаг вперед, оказавшись в самом центре образовавшейся дыры. Вася не почувствовал ни удара, ни толчка, его не закружило на месте и не сбило с ног, просто мгновенно он ощутил легкое сопротивление пространства, будто прошел сквозь какое-то прозрачное зеркало и оказался по другую его сторону. Впрочем, длилось это всего секунду, а потом ощущение преграды пропало. Окно сомкнулось за спиной Васи, и то, что могло случиться в человеческой истории лишь однажды, произошло...

Наш герой оглянулся, не понимая, почему перед ним вдруг выросла скала, неизвестно откуда возникшая. Он оглянулся, надеясь увидеть свой пятиэтажный дом, но тот исчез. Теперь внизу, петляя, текла широченная река, а сам Вася стоял на узкой полоске молодой травы у подножия высокой скалы.



Совершенно ошеломленный, он сделал несколько шагов вперед. Неожиданно из-под его ног выскочил молодой рыжевостый лисенок и метнулся в густой кустарник. Вася успел только заметить, что в зубах у лисы был суслик.

«Ну и ну! Ни фиги себе!» — подумал мальчик, поражаясь, как в его городе могла появиться лиса. А вдруг это не Уфалей? И куда исчезли их две горы, и почему в уральском городке, который он знал как свои пять пальцев, неожиданно возникла река невероятной ширины?

«Час от часу не легче, куда это меня занесло?» — растерянно размышлял он, оглядываясь вокруг, впервые видя и эту реку, и склон горы, и пещеры в отдалении, около одной из них клубился синий дымок костра.

«Как бы не потерять сумку, а то завтра в школу, да и от родителей влетит. Разве они поверят про дыру в пространстве?» — встревожился Вася, прижимая к себе сумку с кимоно и учебниками.

Где-то в чаще завывали волки, гнавшие добычу, в реке плескался лосось, а какое-то крупное животное — то ли медведь, то ли кабан — с треском продиралось через заросли краснотала к воде.

Если бы только мальчик знал, что до открытия первой школы в Древней Греции еще добрых двадцать семь тысяч лет, а до его рождения почти тридцать тысяч лет, или триста веков, что бы он тогда сказал?

К облегчению Агама, волки погнали добычу стороной, он успел только заметить среди стволов сосен, как промелькнул бок лося-самца, а за ним в отдалении промчался десяток крупных волков. Лось бежал не спеша, уверенный в своей силе, да и волки преследовали его не очень настойчиво, держась на почтительном расстоянии от его мощных копыт, одним ударом которых лось мог рассечь даже бурого медведя. Агам знал, что самец уходит к болоту, по которому он сможет легко проскочить на своих широких копытах. Скорее всего, охота волков закончится безрезультатно, и им придется искать себе другую, более слабую добычу: молодую олениху или дикую свинью с выводком жирных поросят.

По-иному произойдет зимой, когда лось потеряет силы от голода и увязнет по брюхо в глубоком снегу, тогда он станет легкой добычей для волков, которые набросятся на жертву большой стаей, а потом несколько дней будут пировать.

Нередко зимой охотники из племени Камышовых Котов криками, копьями и камнями отгоняли волков от только что убитого хищниками лося или оленя, а потом, торжествуя, волокли тушу к пещерам по замерзшему руслу реки. Но подобные удачи случались редко, и чаще всего зимой людям приходилось жить впроголодь, потому что река, укрывшись толстым слоем льда, переставала давать им пищу, а глубокий снег мешал пойти далеко в лес на охоту. Тогда приходилось питаться заготовленными с осени ягодами или вяленой рыбой, но этих запасов хватало обычно лишь до середины зимы, а потом племя голодало...

Хоть зима была тяжелым временем, о ней подростку сейчас думать не хотелось. Он шел к колдуну. Для того

чтобы попасть к нему, Агам должен был пересечь перелесок, а потом по крутой насыпи подняться на склон горы к верхней пещере. Насыпь образовалась лет десять тому назад от обвала, когда земля стала содрогаться и выбрасывать из проломов камни и пепел, своды одной из пещер осыпались и завалили людей.

Позднее колдун объяснил это тем, что Дух Земли разгневан, так как ему давно не приносили жертв, и он мстит за то, что осенью, незадолго до обвала, один из охотников бросил копье в священного камышового кота. Впрочем, тогда Духа Земли удалось задобрить, бросая туда, где кипела лава, мясо и соты с медом диких пчел. Люди отнеслись к извержению довольно спокойно. Они часто ссорились то с Духом Земли, то с Духом Реки, то даже с Тем, Который Зажигает Костер Солнца.

С тех пор как отступил последний ледник, прошло около пятидесяти лет и климат стал значительно мягче. Но те, которые пришли издалека и были в дороге несколько месяцев, рассказывали, что с севера наступает новый ледник и движется, каждый год приближаясь на десяток локтей, вырывая с корнем столетние дубы и сосны.

А это означало, что скоро добычи станет меньше, и тогда Камышовым Котам или, вероятно, их внукам, в зависимости от того, с какой скоростью подойдет к их территории ледник, придется покинуть пещеры и отходить от ледяного наступления, вплавь или на плотах переправляясь на другой берег реки. Но до этого еще было далеко, и о несчастье редко задумывались. Главное — пережить сегодняшний день и ближайшую зиму, а там будет видно.

Агам поднялся по крутой насыпи, а потом по тропинке, петлявшей вдоль склона горы, и оказался в нескольких метрах под пещерой колдуна. Он понял, что сейчас увидит его, потому что из пещеры доносилось бормотание, прерывавшееся периодическими вскриками. Колдун Торах, тощий старик со сросшимися седыми бровями, совершенно лысый, в одежде из лисьих и волчьих шкур, хотя было тепло, ходил вокруг костра, шепча что-то и бросая в костер клочья шерсти. Шерсть обугливалась, распространяя неприятный запах паленого.

— Торах, Агам здесь, Агам пришел! — робко крикнул подросток, подойдя к пещере и осторожно заглядывая в нее.

— Кто пришел? А ну подойди ближе, я не разгляжу! — потребовал старик.

Он бросил в огонь щепотку какой-то травы, мешочек с которой висел у него на поясе, и костер вдруг ярко вспыхнул белым. Агам от неожиданности отшатнулся, убеждаясь в том, что колдун привык общаться с Духом Огня.

— Это ты, мальчишка? — прошамкал Торах. — Чего тебе надо? Из какого ты племени?

Он пристально смотрел на пришедшего своими колкими глазами и недовольно шевелил пустыми губами.

— Я из племени Камышовых Котов, меня зовут Агам, сын Яргле и Рынны.

— Я тебя узнал, Агам, — сказал колдун, подслеповато шурясь. — Это ты тогда приручил камышового котенка?

— Да. Это был я.

— И что стало с котенком? Он умер?

— Нет, он вырос и убежал.

— Зверь, рожденный свободным, должен жить свободным, так хочет Дух Земли, — сказал Торах и что-то забормотал. Потом он сел на камень и нахохлился, как ворон. Его лысина отражала пламя костра.

— Я тоже когда-то пробовал приручить волчонка, — сказал старик. — А потом он вырос, и однажды Дух Земли позвал его. Я пробовал удержать его и вот...

Колдун вытянул правую руку, и Агам увидел, что на ней нет указательного пальца. Мальчик посмотрел на свою правую руку, на которой выделялись два глубоких шрама: один — от острого камня, другой — от укуса выдры.

Но пальцы у Агама все целы, их было два, два и один. Пещерные люди умели считать только так: один, два и много... Все, что больше двух, неопределенно называлось: много. Когда нужно точно сосчитать количество тех или иных предметов, например, сколько убито на охоте оленей, то число или показывали на пальцах, или говорили, если, скажем, оленей было семь: одна ладонь, один и один. Одна ладонь означала пять.

— Зачем ты пришел, Агам? — спросил колдун.

Пещерные люди всегда говорили просто, без затей. Главным для них были не слова, а суть разговора. Скажем: «Дай мне свою жену!» — «Не дам!» — «Тогда я тебя убью, а ее заберу!»

Пройдут века, но люди изменятся не так уж и значительно. Пролетят двадцать пять или двадцать шесть тысяч лет, и мушкетеры станут изъясняться в такой ситуации примерно так: «Сударь, не будете ли Вы так любезны разрешить пригласить Вашу даму на танец?» — «Это моя дама, и она будет танцевать со мной!» — «В таком случае, сударь, Вы невежа! И как это ни грустно, я буду вынужден вызвать Вас на дуэль».

— Торах, сегодня после заката на совете меня могут изгнать из племени. Гырка, мать Уюка, пригрозила нашептывать вождю, — сказал Агам. — Я пришел за твоей помощью, колдун.

Старик строго посмотрел на мальчика и нахмурил брови.

— Что ты такого натворил? Украл у них добычу из их ловушки? Помешал в охоте?

— Я ударил ее сына Уюка острой.

— Поднял оружие на своего! Убил?

— Нет, я ударил его не острием гарпуна, а древком. Я только поцарапал Уюку плечо.

— Сильно?

— Заживет за одну луну, даже следа не останется... — сказал Агам.

Колдун встал и завертелся на месте, так что волчьи и лисьи хвосты на его одежде описывали в воздухе круги. Он что-то забормотал, плюнул в костер, а потом с потрясающей ловкостью, удивительной для такого старого человека, перекувырнулся через огонь, не опалив ни шкур, ни своего лица. Агам со страхом смотрел на прыгающего Тораха, думая, что он или вошел в связь с Духом Огня, прося у него совета, или рассудок колдуна помутился от долгих весен жизни.

Но вдруг старик перестал бормотать и сказал внятно, и по этому мальчик понял, что тот соображает очень хорошо.

— Род Гырки — очень влиятельный род. Вождь делает то, что ему говорят. Ударив Уюка, ты подул на огонь и разжег пламя вражды.

— Ты pomoжeшь мне? Твое влияние очень велико.

Торах подпрыгнул к Агаму и дотронулся до искусно выточенной из оленьей кости пряжки, которая поддерживала одежду подростка, грубо сшитую из старых шкур костяными иглами.

— Кто это сделал?

На пряжке была вырезана сцена охоты на оленей. Охотники, расставляя ловушки, загоняли животных к обрыву, заставляя их срываться с горы. Сделана пряжка была очень искусно, олени и фигурки охотников были как живые.

— Кто это сделал? — еще раз спросил колдун.

— Агам сделал, — ответил мальчик.

Пещерные люди часто называли себя в третьем лице, хотя в языке их уже начали появляться местоимения.

Торах гневно нахмурился и сжал руку в кулак.

— Агам лжец. Он говорит неправду! Он бы не смог это вырезать!

— Агам всегда говорит правду. Желтолицый старик научил его, когда Агам был еще ребенком. Нужно вырезать картинки маленьким острым осколком камня, но только пока кость еще молодая. Потом она высушивается на костре так, чтобы не слишком раскалилась и не стала ломкой.

Но колдун продолжал недоверчиво смотреть на подростка. Он подскочил к куче шкур в углу и бросил мальчику плоское оленьё ребро, на котором еще осталось мясо. Очевидно, кто-то из Камышовых Котов принес его совсем недавно, или колдун попросту «одолжил» часть мяса из последнего жертвоприношения.

— Этот олень бегал две луны назад, кость совсем молодая. Сделай на ней рисунок, и Торах узнает, что ты не врешь.

Агам понял, что если сейчас откажется, то старик решит, что он лгун. Поэтому мальчик стал оглядывать пещеру.

— Что ты ищешь? — насмешливо спросил колдун. — Думаешь, я поверю, что ты действительно умеешь резать по кости? Из Камышовых Котов это никто не умеет делать. Резьбой по кости занимаются только те народы, которые живут по левую руку от Того, Кто Зажигает Костер Солнца. Ты или украл эту пряжку, или для тебя



вырезал ее тот желтолицый старик, который умер несколько весен назад.

— Агаму нужен острый камень или нож с тонким лезвием,— спокойно сказал мальчик.— Агам умеет делать фигурки, но не может вырезать на кости голыми руками. Если колдун хочет, они с Агамом сходят в пещеру к Рынне, и Агам возьмет тот нож, которым он делал эту пражку.

— У Тораха достаточно острых ножей.

Старик подошел к выдолбленному в скале углублению и достал из него несколько разной величины ножей.

— Можешь выбрать из них любой, чтобы Агам не мог соврать, что у него нет ножа для резьбы,— сказал колдун.

Мальчик внимательно рассмотрел ножи, больше всего ему понравился самый маленький, в деревянный черенок которого был вставлен кусочек острого камня — агата. Такие камни встречались редко, но они были намного прочнее, чем обычные, и легко резали дерево и кость.

— Агам возьмет этот нож!

Подросток, скрестив ноги, присел около костра, очистил оленью кость от остатков мяса, задумался на несколько минут, что ему изобразить, а потом стал работать.

Он вырезал на кости нескольких оленей, а рядом — пещеру с костром, около которого прыгал колдун с разбегающимися хвостами на одежде.

Хоть у мальчика было совсем немного времени, рисунок получился неплохо, потому что острый агат резал кость намного легче, чем тот затупившийся каменный нож, который был у него в пещере.

Всю последнюю зиму и предыдущую, когда свирепствовал мороз, а вход в пещеру занесло снегом и нельзя было из нее никуда выйти, Агам сидел у костра, поддерживая огонь запасенными поленьями, и вырезал по кости, вспоминая, как это делал желтолицый старик. А Рынна потом выменивала на фигурки, женские украшения и пражки со сценами охоты, сделанные сыном из кости, немного еды.

Работа была еще не завершена, оставалось подсушить кость на огне, чтобы она не крошилась, когда колдун вырвал пластинку у Агама из рук и стал рассматривать ее. Видимо, он хотел разоблачить мальчика, что тот об-

манывал, но неожиданно глаза старика округлились, и он едва не выронил кость, но потом сжал ее крепче и стал жадно всматриваться в рисунок, поднеся его к свету костра.

— Этот человек в шкурах — Торах? — восхищенно спросил он.— У Тораха такие же волчьи хвосты, он здесь как живой! А это костер, дым от него поднимается вверх, уходя к Духу Огня! А там кто? Олени? Я вижу одну олениху и одного оленя. Он с рогами и настороженно поднял голову, охраняя самку, а она наклонила морду к земле и пасется,— радовался колдун, как ребенок.

Он что-то бормотал, забыв о мальчике, словно волшебная кость приковала его внимание.

— Я не успел еще закончить оленей,— сказал Агам.— Их надо вырезать еще глубже, а потом я хотел еще изобразить олененка и охотника, который целится из лука.

Тут только старик вспомнил о мальчике и уставился на него пораженно, будто тот тоже был колдуном. Но потом он взял себя в руки и, чтобы не уронить достоинства и не выглядеть потрясенным, сказал спокойно:

— Агам и в самом деле умеет вырезать по кости. Теперь Торах верит ему. Оставит ли Агам колдуну эту кость? Ведь эта кость принадлежала Тораху до того, как он отдал ее Агаму.

«Вот хитрый старик!» — подумал мальчик, но с достоинством ответил:

— Агам дарит Тораху эту кость вместе с рисунком на ней. У колдуна очень хороший нож с острым камнем, им легко резать по кости. Агам может показать колдуну, как резать. Он сможет его научить.

Старик вначале обрадовался, но потом покачал головой:

— Торах слишком стар, чтобы сделать такой рисунок. Глаза его устали и плохо различают мелкие детали. У Тораха нет пальца на правой руке, и он не сможет крепко держать нож.

— Тогда Агам будет вырезать фигурки из кости для Тораха, если Агама не изгонят из племени,— сказал мальчик, решив, что наступил удачный момент, чтобы напомнить о своей просьбе.

Колдун задумался. Он пытливо посмотрел на мальчика и на дымки стойбища у реки. Их было несколько,

и это означало, что мужчины уже вернулись с охоты с добычей, а женщины коптят на огне оленину и кормят детей. Пока рано запастись на зиму сушеное мясо, так что еды сегодня всем будет вдоволь. А когда воины отдохнут после охоты и насытятся, начнется совет племени. А если так, то нужно спешить: вниз путь неблизкий.

— Так что ты скажешь, колдун?

— Торах придет сегодня на совет,— сказал старик.— А пока уходи!

Агам вышел из пещеры и, не оглядываясь, стал спускаться по насыпи. Темнело, он знал, что если сейчас поскользнется о какой-нибудь камень, то сорвется с восьмиметровой высоты на острые скалы вниз.

За спиной мальчик слышал бормотанье и вскрики колдуна, потом костер снова ярко вспыхнул белым — наверное, Торах опять что-то бросил в огонь.

«Хорошо, что я не отдал ему кремень»,— подумал Агам и, внимательно глядя себе под ноги, направился вниз.

Глава третья

СОВЕТ ПЛЕМЕНИ

Вася никак не мог сообразить, где же он очутился, когда шагнул в дыру в пространстве. Он спустился по крутой насыпи к лесу и стал искать какую-нибудь тропинку, чтобы выйти к реке. «Хоть бы кого-нибудь встретить, я бы спросил, где нахожусь»,— подумал он. Мальчик крутил головой по сторонам, но, если не считать небольшого дымка, который был виден где-то у реки, ничто вокруг не говорило о присутствии людей.

Вася не раз бывал в лесу и привык, что даже в самой глухой чаще можно наткнуться на подтверждение, что здесь был человек: остатки кострища с брошенным в него мусором и консервными банками; линии электропередач, асфальтовая или грунтовая дорога, срубленные деревья, вонючие бочки из-под солярки...

Этот лес выглядел как-то странно, все здесь было непривычно: чистый воздух, отсутствие мусора, изобилие

зверья и птиц, крупных и мелких, из которых мальчику была известна лишь одна треть.

С писком в ветвях промелькнула молнией рыжая белка, спасаясь в дупло от погони хищного и узкого горностая. В небе, зорко высматривая добычу, парил орел, невдалеке, пытаясь полакомиться тетеревом, прыгнула рысь, но промахнулась и скрылась в валежнике. А совсем рядом вечный труженик дятел долбил сухой ствол. Издали доносился волчий вой.

Продираясь сквозь бурелом и поваленные стволы старых деревьев, между которыми уже поднималась ввысь молодая поросль, мальчик натолкнулся на широкую тропу. А раз есть тропа, да еще и такая широкая, то, как догадался Вася, она наверняка куда-то ведет. По ней идти было быстрее и приятнее, чем пробиваться сквозь чащу, и он стал спускаться по направлению к петлявшей в низине реке.

Неожиданно где-то позади раздался треск, кто-то шел по тропинке следом за ним.

— Эй, я здесь! Эй! — обернувшись, закричал Вася, решив, что это охотник или лесник, и побежал в сторону доносившихся шагов. Тропинку с обеих сторон окружали заросли деревьев и кустов, поэтому обзор был плохим: мальчик видел всего в двух метрах перед собой.

Треск становился все громче, до Васи донеслось чье-то хриплое дыхание и тяжелая поступь, а потом совсем близко раздался глухой короткий рев.

По тропе навстречу ему шел саблезубый тигр-махайрод, до полутора метров в холке и весом около семисот килограммов. Шерсть животного была светлее, чем у современных тигров, и без полос. Махайрод принадлежал к древнему, но уже вымирающему роду. На загривке у тигра были мощные мышцы, и, хотя голова хищника была опущена к земле, Вася увидел его длинные желтые клыки.

Услышав шаги, тигр удивленно остановился и издал предупреждающий рык. Он был сыт, убил накануне оленя, расправлялся с добычей весь вечер, насытившись проспал всю ночь и часть утра, потом опять поел и, оставив шакалам и волкам объедки, шел теперь к реке на водопой. Живот его раздулся от сытости, и тигру было лень даже прыгать, он шел не спеша, ломая сухие ветви.

Увидев зверя, Вася метнулся в сторону и буквально взлетел на дуб. В те времена, около тридцати тысяч лет назад, основные леса Евразии были дубовыми, и нередко можно было встретить тысячелетний дуб, ствол которого не обхватили бы и сорок мужчин, взявшихся за руки. Но дерево, на которое забрался сейчас Вася, не было старым, это был молодой дуб, за широкую ветку которого мальчик сумел ухватиться и взобраться на нее.

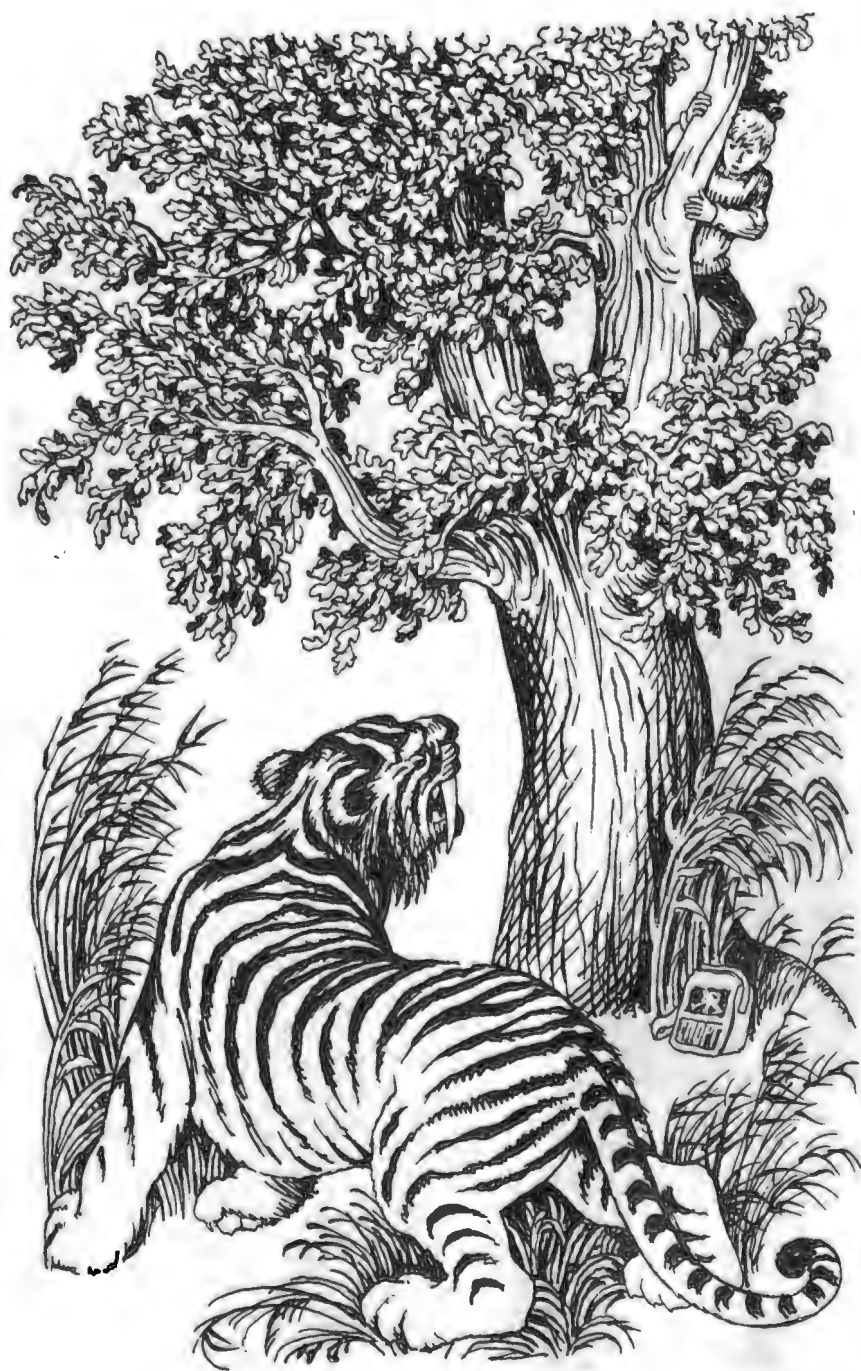
Хищник опять рыкнул и, глядя на странное существо желтыми глазами с узкими зрачками, подошел к дубу. Строение лап саблезубых тигров позволяло им лазать по деревьям и устраивать в ветвях над звериными тропами засаду, но, видимо, сейчас мальчик его не прельщал. Махайрод понюхал брошенную под деревом сумку, толкнул ее носом, потом ударом огромной когтистой лапы сорвал со ствола большой кусок коры. Вася дрожал, соображая, сможет ли он, если понадобится, забраться еще выше.

Но тигр, зарывав и вернувшись на тропу, не оглядываясь, пошел к реке. Вероятно, запах мальчика и строение его туловища напомнили хищнику обезьян-бабуинов и тех двуногих созданий, которые жили в пещерах у реки и всегда уступали ему дорогу, опасаясь его смертельных клыков.

Саблезубый тигр, контролировавший эту территорию десятков весен, уступал дорогу только мамонтам, которые порою появлялись здесь. Однажды махайрод убил человека, который бросил в него дротиком, оцарапав плечо, но это было давно, и тигр помнил об этом смутно. Хищники обычно убивают, потому что голодны или когда кто-нибудь пытается напасть на них.

Даже после того, как саблезубый тигр скрылся и треск сучьев смолк вдали, Вася долго не решался спуститься с дерева. Из передачи «В мире животных» мальчик знал, что крупные хищники обычно контролируют каждый свою территорию и один махайрод является хозяином двадцати—тридцати квадратных километров. Поэтому второго саблезубого тигра поблизости быть не должно, но лучше не рисковать: ведь там, где есть такой страшный зверь, наверняка должны быть и другие хищники.

Просидев некоторое время на ветке и сообразив, что не стоит ждать, когда тигр вернется от водопоя, мальчик



спустился с дерева и углубился в лес. Постепенно стало смеркаться.

Пока Вася только мог догадываться, где он оказался. Ведь такого многообразия растительных и животных видов, а тем более саблезубых тигров в его мире быть не могло. Он вспомнил, как накладывалось пространство на пустыре, вспомнил, что почувствовал, когда шагнул в образовавшееся окно, и догадался, что переместился куда-то еще, но вот куда? Неужели в прошлое? Похоже, что в очень далекое прошлое.

По тропинке он уже идти не решался, опасаясь наткнуться еще на какого-нибудь зверя, который будет более агрессивен и голоден, чем саблезубый тигр, и поэтому дальше пошел уже сквозь чащу, ориентируясь на дымок костра. Время от времени, чтобы разглядеть этот дымок, мальчик взбирался на деревья.

Вася давно не ел, да и школьный рюкзак не был легким. Мальчик испытывал искушение забросить эту тяжесть подальше, но опасался, что, если потом сумка ему понадобится, он не сможет ее найти.

Вскоре он вышел к притоку реки. Топкий берег густо порос камышом, из которого доносилось криканье уток. Стоило мальчику сделать несколько шагов, как утки встревожились, косяком поднялись из камышей и, хлопая крыльями, стали носиться над водой.

Впрочем, не утки сейчас привлекли внимание Васи. На другой стороне притока он увидел скалу из мягкого известняка, а в скале — целый ряд пещер. Возле одной из них золотисто мерцал огонек, а около него были крошечные человеческие фигурки.

«Туристы? А вдруг не они?» — встревожился мальчик. После встречи с саблезубым тигром он теперь ни в чем не был уверен.

Уже стемнело, и над лесом появился полный диск луны. Это несколько успокоило Васю: увидев луну, такую знакомую и родную, он окончательно убедился, что находится на Земле, и на него дохнуло домом.

Когда он подошел к костру, было совсем темно, и мальчика, спрятавшегося за разветвленным стволом старой ивы, никто не заметил. То, что Вася увидел, осторожно выглянув из-за дерева, заставило его моментально отпрянуть и несколько раз глубоко вздохнуть. Он почув-

ствовал, как сердце у него тревожно забилося. Потом, все еще не веря в открывшееся его глазам, мальчик присмотрелся внимательнее.

От большого костра, который со всех сторон, чтобы не задувало, был обложен закопченными камнями, доносился запах жареного мяса. Это был не простой костер, а *пиршественный* костер племени. Огонь в нем поддерживался даже зимой и в дождь — считалось, что он не должен никогда погаснуть, иначе Дух Огня обидится на племя Камышовых Котов.

Над костром, придерживаемая двумя мощными рога-тинами из цельных стволов дерева, на копье была насажена туша оленя. Время от времени женщины переворачивали ее, чтобы туша прожаривалась более равномерно.

Пещерный человек в еде не знал умеренности. Привыкший к зимнему голоду, летом он ел почти через силу, от пуза, сколько влезет. К осени женщинам и мужчинам нужно было набрать максимальный вес, потому что зимой они худели до такой степени, что кожа обтягивала ребра. И пока не начался нерест лосося, когда река бурлила от красных спин рыбин, люди голодали.

Большинство мужчин и женщин племени так наелись сейчас, что не могли даже встать. Некоторые из них, самые жадные, терлись животами о камни, чтобы освободиться от избытков пищи и потом снова приняться за еду. Способ этот, хоть и не особенно эстетичный, потом будет применяться древними римлянами, утопавшими в роскоши, и чукчами, которые, возвратясь с многодневной охоты на моржей, потом наедаются до отвала.

Теперь у костра голодными остались только старики и женщины из слабых родов, вроде Рынны, или больные и раненые, которые начинали восстанавливать силы. Пока ели более сильные роды, их не подпускали, а теперь они, озираясь, подсакивали к костру, под насмешливые крики воровато отрезали себе от оленьей туши кусок мяса побольше, а потом спешили исчезнуть в укромном уголке пещеры.

Так же поступила и Рынна: она отрезала прожаристый кусок мяса и унесла его в пещеру, где ее ждала Омра. Агам все еще не вернулся, и Рынна волновалась, что сына так долго нет, не сорвался ли он со склона в темноте. Она вспомнила, что в прошлом месяце, когда двое охот-

ников возвращались ночью с горы, один из них неосторожно наступил на камень, поскользнулся и разбился насмерть, упав в пропасть. «Дух Гор не любит тех, кто крадется ночью в темноте как вор!» — назидательно сказал тогда шаман.

Сам Торах хорошо знал эти места и свободно передвигался по горам даже ночью, изучив скрытые тропинки и спуски.

— Эй, Рынна! Где твой сын? Не думай, что я все забыла! Сегодня на совете я сделаю так, что его изгонят из племени в лес, и дикие звери сожрут его кости, а дух его присоединится к духам изгнанников! Не видать тебе продолжения твоего рода! — кричала Гырка, рядом с которой Уюк, икая от насыщения, ел кусок оленины, и жир стекал по его щекам.

— Агам не ранил твоего сына. Агам только защищался! Всем известно, что твой Уюк обижает всех детей племени, кроме тех, которые родились в одно лето с ним и старше. Их он боится! Уюк трус, хоть и кажется большим! — ответила, не выдержав, Рынна.

— Да как ты смеешь так говорить! Мой сын почти настоящий мужчина, он никого не боится... Твой сын ранил его в спину, подкравшись к нему, когда он спал после охоты! — рассердилась Гырка и, схватив тлеющий уголь, бросила его в Рынну.

— Это ложь! И все это знают! Уюк никогда ни на кого не охотился! — крикнула мать Агама, уворачиваясь от летящего в нее угля. — Твой сын никогда не попал копьём даже в дохлую лягушку.

— Потому что Уюк очень болезненный! Он родился в голодный год! — Гырка прижала к себе своего толстого и неуклюжего отпрыска, всего измазанного оленьим жиром.

Разозленный парень, которому не нравилось, что мать роняет его престиж перед подростками племени, схватил уголь и швырнул его в выглянувшую из пещеры Омру, но промахнулся и попал в одного из мужчин, спавшего у костра. Воин, которому углем обожгло кожу, вскочил и, размахивая топором, гневно заорал, что выпустит кишки тому, кто это сделал.

Уюк быстро спрятался за широкую спину матери и сделал вид, что он здесь совершенно ни при чем.



Вася, осмелев, уже не прятался за ивой, а, скрытый в тени дерева, наблюдал за происходящим с расстояния двадцати метров.

Он видел освещенных светом костра, одетых в шкуры или прикрытых набедренными повязками мужчин, женщин и детей, заметил их деревянные длинные копья с каменными наконечниками, топоры и прислоненные к скале тяжелые луки, на которые вместо тетивы были натянуты бычьи жилы. Искусство изготовления луков и стрел в то время только начало зарождаться, потому наиболее опытные охотники предпочитали им надежные копья и палицы. Хотя, соглашались они, стрела и летит дальше, чем копье, но она не остановит ни хищника, ни оленя, а только разозлит его, заставив или убежать, или перейти в атаку. Стрелы были хороши только при охоте на мелкую и среднюю птицу, хотя такой промысел взрослые мужчины презирали, считая, что он хорош для подростков, не прошедших еще обряда посвящения в мужчины, и недостойн настоящего воина.

Вася различал отдельные голоса, вслушивался в смех и крики людей. Язык их был, разумеется, совершенно непонятен мальчику, потому что, конечно, первобытное племя не говорило по-русски.

— Пещерные люди,— пробормотал он.— Ну и дела! Куда это меня занесло?

Вася когда-то видел кино про перемещение во времени, но там, чтобы попасть из одной эпохи в другую, нужна была машина величиной с дом, открывавшая вход в другое измерение. Но ведь он не пользовался никакой машиной времени? А что, если...— от этой мысли мальчику даже стало страшно,— что, если то самое окно в пространстве, которое открылось тогда у ручья, тот прямоугольник, сквозь который просвечивала неизвестная скала, и был входом в иное время?

Теперь Вася уже в этом не сомневался. Итак, он попал в прошлое, причем неизвестно, в какое далекое. Сколько лет еще должно пройти до его рождения? Десять тысяч, пятнадцать тысяч или больше лет? Впрочем, это уже не важно. Как любил шутить его папа, «столько не живут даже черепахи».

Мальчик замерз и проголодался, и ему хотелось выйти к костру, но он не знал, можно ли это сделать и не

полетят ли в него камни и копья. Неизвестно, как пещерные люди относятся к чужакам и не каннибалы ли они? Хотя, с другой стороны, они ведь уже поели...

Где-то недалеко от него загорелись несколько пар желтых глаз и раздался короткий резкий лай. Учувя запах мяса, к костру собирались гиены и шакалы. Они поскуливали и прижимали уши, боясь, что люди закидают их камнями, но голод манил их к костру. На людей эти звери не нападали — опасались, и теперь, когда до них донесся запах Васи, они отбежали от него подальше и залаяли, предупреждая друг друга об опасности. То, что шакалы и гиены его испугались, немного успокоило мальчика, который вначале, увидев их желтые глаза, решил, что вернулся саблезубый тигр.

Кто-то сидящий у костра, раздосадованный протяжным шакальим воем, швырнул в них тлеющий сук, и падальщики трусливо отбежали на безопасное расстояние.

Во время удачной охоты целые стаи шакалов держались поблизости от людей, рассчитывая на объедки с их стола и кости. По ночам, когда племя засыпало, самые смелые шакалы иногда пробирались в пещеру и крали кусок копченого мяса или кость. Случалось, они хватали даже малышей, но громкий детский плач пугал хищников, и они убегали, бросая добычу. Матери на всякий случай на ночь разводили у входа в пещеру костер и прижимали маленьких детей к себе.

Но соседство со стойбищами первобытных племен стаи шакалов было людям даже выгодно. Если какой-нибудь крупный хищник, вроде пещерного льва, медведя или саблезубого тигра, вздумал бы пробраться к становищу незамеченным и унести сонную добычу, шакалы, встревоженные его появлением, подняли бы такой вой и лай, что люди сразу проснулись бы и взялись за оружие.

Так постепенно начиналось приручение шакалов. Пройдет еще тысяча или две тысячи лет, и люди начнут подбирать шакальих детенышей, и со временем они станут первыми собаками, но еще долго они будут дикими и не осмелятся близко подойти к костру. Приручение волков начнется намного позднее, а совсем нескоро потомки прирученных волков и шакалов начнут скрещи-

ваться. До сих пор среди многообразия собачьих пород есть такие (например, сибирские лайки, восточноевропейские овчарки и др.), дальние предки которых — волки, другие же произошли от шакалов.

Агам вернулся с горы, когда луна взошла на два локтя над вершиной сухой сосны. Совет племени должен был вот-вот начаться. Мужчины, отдохнувшие после охоты и сытно поевшие, собирались вокруг костра. Представители каждого рода держались вместе, а женщины и дети стояли за спинами мужчин.

В племени было двенадцать родов, и каждый род имел своего главу, обычно самого сильного и влиятельного мужчину, имевшего много сыновей и братьев, которые поддерживали его. Этот воин имел в совете право голоса и сидел на особом камне, которых всего вокруг костра было двенадцать — по одному на род. Женщины и дети, а также юноши, не прошедшие обряда посвящения в мужчины и не проявившие себя на охоте, голоса не имели.

Совет племени собирался обычно один раз в полную луну, и на нем решались самые важные вопросы: стоит ли сменить стоянку, напасть на соседнее племя или дать ему отпор, какие роды будут делать ловушки и частокол для загонной охоты на оленей и рыть ямы с острыми копьями на дне для мамонтов, если они снова придут сюда летом. На совете решались и более мелкие вопросы: какую девушку определенному воину племя отдаст в жены, при этом во избежание надувательств здесь же при всех пересчитывались раковины, ожерелья, каменные ножи и гарпуны, за которые жених выкупал у отца девушку, после чего она становилась полной его собственностью и он мог даже поколотить ее, если бы захотел.

Впрочем, такая жестокость проявлялась крайне редко. Племя Камышовых Котов не было очень жестоким, а если кто-то и хотел наказать жену, то не должен был забывать, что у нее есть братья, которые отомстят за обиду. Исключение составляли женщины, украденные во время военных действий у соседних племен. Те были

беззащитны и не могли рассчитывать на помощь своего рода.

Рядом с двенадцатью камнями, в стороне от костра, лежали еще два больших камня, в которых были вытесаны углубления, напоминавшие сидения кресел. Эти камни предназначались для вождя и колдуна. Тот, кто осмелился бы на совете занять эти места, бросал вызов вождю и прожил бы ровно столько, сколько летит брошенное копьё.

Вождь племени Медвежий Клык получил это прозвище, когда пятнадцать весен назад один убил огромного пещерного медведя. Это был приземистый, широкоплечий, но уже стареющий мужчина, утративший свою мощь. Он оставался у власти только благодаря поддержке сильных родов, которые опасались, что с приходом нового, более влиятельного вождя они потеряют собственное могущество.

Медвежий Клык, одетый в вывернутую новую волчью шкуру, с ожерельем из тигриных зубов (почти все племя знало, что тигр этот не был убит вождем в бою, а был растоптан мамонтом прошлой весной), вышел из своей пещеры и, остановившись у камня, поднял вверх руку.

За Медвежьим Клыком следовала его жена, маленькая костлявая женщина с хитрыми глазами, украшенная ожерельями и раковинами. Все знали, что вождь никогда не принимает никаких решений без нее и что в действительности племенем правит его жена, а не он сам.

Тотчас все голоса смолкли, и слышно стало, как на руках у одной из женщин плачет грудной ребенок. Как только Медвежий Клык вышел из пещеры, к нему подбежала Гырка и стала что-то шептать, злобно показывая на Рынну и Агама. Вождь нетерпеливо выслушал ее, а потом оттолкнул и сделал ладонью знак замолчать, как бы говоря: погоди, сейчас есть более важные дела. Но Гырка не унималась, продолжая шептать, и тогда вождь кивнул ее мужу Уа-Аяху, чтобы он увел жену, что тот и поспешил сделать, оттащив ее за волосы.

— Начинаем совет племени! — громко сказал Медвежий Клык. — Все ли племя здесь?

— Все, кроме Ястреба и Дурри. Они пошли в дальний лес за лечебной смолой и еще не вернулись! — крикнул кто-то.

— А где Торах?

Медвежий Клык оглянулся на камень колдуна, но тот был пуст. Колдун пока не появился, и вождь нахмурился — всегда этот Торах опаздывает, но они не будут ждать и начнут без него.

— Охотники говорят, что видели в горах воинов из племени Лесных Людей! — начал Медвежий Клык. — Они снова появились, их два раза по ладони и еще одна ладонь. Вполне возможно, что они опять хотят напасть на нас. На этот раз Лесные Люди не одни, с ними еще человек из желтого племени.

— Кто это сказал? — крикнул Уа-Аях, муж Гырки и глава одного из сильнейших родов. — Кто видел их? Возможно, его язык лжет!

— Их видел я! Язык Родраха никогда не лжет! — В круг вступил высокий мускулистый охотник со шрамом, пересекавшим лоб. — Тот, кто говорит, что Родрах лжет, бросает вызов, и палица Родраха проломит ему голову!

Все знали этого воина, главу рода Куниц, и верили ему. Он всегда охотился в одиночку, далеко от пещер и никогда не возвращался без добычи. Если Родрах говорил о чем-то, то он не мог врать.

— Уа-Аях верит Родрагу, — примирительно сказал муж Гырки. — Но если Родрах бросает ему вызов, он примет его. Уа-Аях никого не боится!

— Родрах убьет Уа-Аяха! — И смелый воин, вращая палицей, стал приближаться, держась пока на расстоянии.

Уа-Аях приготовил копье и покачивался из стороны в сторону, готовый увернуться от палицы, чтобы самому перейти в атаку. За каждым вождем встали все мужчины его рода, и эта схватка вполне могла перерасти в войну родов.

Жена вождя что-то быстро шепнула ему.

— Хватит! Замолчите и сядьте! Самые сильные роды племени не должны ссориться! — крикнул Медвежий Клык, встав между воинами.

Те опустили оружие, они давно уже ждали, когда их остановят. На самом деле они и не собирались сражаться, просто ни один не желал отступить первым, чтобы не уронить свой престиж и не потерять уважения племени.

— Что ты видел, Родрах? Расскажи всем! — потребовал вождь.



— Я видел Лесных Людей, с ними не было женщин и детей — только взрослые воины. Значит, они вышли на тропу войны. Они сидели у костра и отдыхали после охоты на наших землях. С ними сидел желтый человек — у него были лук и стрелы с наконечниками из какого-то странного блестящего камня.

— Они не заметили тебя?

— Вначале нет, я спрятался за скалой. Родрах смел, но даже ему не справиться с таким количеством Лесных Людей. Родрах решил, что должен вернуться и рассказать остальным о том, что видел. Но потом под ногой у Родраха сорвался камень. Лесные Люди ничего не услышали, но желтый человек уловил, уши у него очень чуткие, и схватил свой лук. Стрела ударила в скалу близко от Родраха, он даже не знал, что стрелы могут лететь так далеко. Родрах схватил обломки стрелы и скрылся. Лесные Люди погнались за ним, но он бежал быстрее и лучше знал эти горы.

Вождь и старейшины родов внимательно выслушали воина.

— Где эта стрела? Ты принес ее? — спросил Медвежий Клык.

— Вот она.— Глава рода Куниц достал стрелу из шкуры и протянул вождю.

Тот рассмотрел обломок и поднял его над головой, чтобы все видели. Наконечник был из неизвестного Камышовым Котам материала — блестящего, хрупкого, но очень острого. Это был не камень, но что — этого никто не знал. Послышались удивленные восклицания.

— Теперь все верят Родрахе? — спросил Медвежий Клык.— Верят, что Лесные Люди хотят напасть?

— Все верят! — откликнулось племя.— Мы готовы победить их! Камышовых Котов намного больше, чем Лесных Людей. Мы сражались с ними две весны назад и прогнали их с позором и сейчас тоже победим. Уши и руки наших врагов станут игрушками детей и прославят доблесть воинов!

— Хорошо. Если мы не хотим лишних жертв, то теперь женщины и дети не должны далеко отходить от стойбища. Его будут постоянно охранять мужчины из двух родов, пока остальные охотятся. Самые храбрые воины завтра смогут собраться, и Родрах поведет их за собой туда, где

видел в последний раз Лесных Людей,— сказал вождь и сел на камень.

Племя единомушно загудело. Нападения соседей в те времена не были редкостью и проходили почти каждую весну. Они были настолько привычны, что не пугали даже женщин и детей. Пока племя сильно и едино и в нем много воинов, никто не сможет уничтожить его.

Камышовые Коты не были исключением. Время от времени молодые неженатые воины и часть женатых, которые хотели захватить добычу, собирались группами по три и более ладоней и отправлялись, иногда спускаясь на плотках, далеко вниз по реке. Они отсутствовали порой по несколько недель и даже месяцев, но потом воины возвращались с добычей и пленницами, хотя каждый раз примерно треть их гибла от копий, камней и стрел.

Добыча не всегда была большой. Порой Камышовые Коты вообще возвращались без нее, это зависело от того, сумели ли воины застать соседние племена врасплох, когда большинство его взрослых мужчин было на охоте. Если же они были в становище и готовы к сражению, то, как правило, нападавшим приходилось с боем отступать.

Жена вождя снова что-то зашептала ему на ухо, и тот отмахнулся от нее, как от осы. Но она продолжала что-то нашептывать мужу, то и дело показывая то на Гырку, то на Уюка.

Наконец Медвежий Клык кивнул, видимо соглашаясь с ней, и снова встал со своего каменного кресла.

— С Лесными Людьми все решено и хватит об этом! — заявил он, властным движением руки восстанавливая тишину.— На этом совете нам нужно решить еще один важный вопрос. Один из членов племени поднял оружие на другого и ранил его. Это грубое нарушение закона Камышовых Котов, и нарушивший его должен приговариваться к смерти либо к изгнанию.

— Кто нарушил закон? — загудели голоса.— Кто ранен?

— Ранен Уюк, сын Уа-Аяха и Гырки, а закон нарушил Агам, сын Рынны и Яргле. Выйди сюда, Агам, и ты выйди, Уюк.

Агам, опустив голову, шагнул в круг племени к костру, чувствуя устремленные на него взгляды всех собравшихся.

— Да он же подросток, ему еще две весны до обряда посвящения в мужчины! — раздалось удивленное и сочувственное восклицание какой-то женщины.

— Его отец умер не на охоте, а у костра! — прошипел кто-то из родственников Гырки.

— Яргле был храбрым воином, он в одиночку убивал зубра! — крикнула Рынна. — Он умер у костра, потому что сломал ногу, вы все это помните!

Многие действительно это помнили, но не решались выступить против вождя и мстительного Уа-Аяха, который хотел изгнания Агама.

Гырка дернула Уюка за руку и вытащила его в круг. Тот икнул и покачнулся от обжорства, держась на живот.

— Помогите, люди добрые! Бедный мой мальчик, он едва жив после ранения! — запричитала злая толстуха. — Род мой едва не пресекся сегодня, когда Агам поднял оружие на моего сына, серьезно ранив его. Только Дух Реки, которому я приношу в жертву оленьи кости, не допустил его гибели.

Уюк снова икнул и глупо улыбнулся. Жирному недорослю было неловко стоять в центре круга перед всем племенем, когда его каждую минуту дергала за руку мать.

— А ну не улыбайся, осел! Плачь! — зашипела она на него и, размазывая по лицу слезы, толкнула Уюка локтем в живот. — Покажи им свою рану!

Она подтолкнула Уюка к вождю, повернув его раненым плечом. Царапина была пустяковой, хоть Гырка и велела сыну не вытирать засохшую кровь и даже специально раздавила на ране несколько красных ягод. Но мужчины племени, неплохо разбиравшиеся в ранениях, посмеиваясь, переглядывались, понимая, что от такой царапины не умер бы даже грудной младенец, не говоря уже о мальчике шестнадцати весен, который вскоре должен пройти обряд посвящения в воины.

Но жена вождя, переглянувшись с сестрой, опять зашептала что-то мужу, и тот важно сказал:

— Да, рана серьезная, Уюк мог лишиться руки. Ее нужно прижечь. Возьмите кто-нибудь горящий уголь!

— Прижечь? Не хочу! — завопил парень, вырываясь из рук матери и, сопровождаемый смехом, убежал в пещеру. Уа-Аях нахмурился, недовольный, что его сын показал перед всеми свою трусость. Настоящий воин не

должен бояться смерти и боли, если он хочет оставить после себя славную память.

— Где же шаман? Почему он еще не пришел, если обещал защитить тебя? — прошептала Рынна сыну.

— Агам не знает, почему его нет. Шаман сказал ему, что придет на совет,— ответил мальчик.

Медвежий Клык повернулся к нему:

— Агам, сын Рынны, что ты скажешь в свою защиту? Это правда, что ты угрожал Уюку острой и хотел убить его?

— Это неправда. Агам не хотел убивать Уюка, просто в руках у Агама была острога. Уюк лжет.

— Сын Уа-Аяха не может лгать, скорее лжешь ты, щенок! — повысил голос отец Уюка. — Я требую изгнания Агама! Он не должен жить вместе с Камышовыми Котами, пусть ищет себе другое племя.

Медвежий Клык задумался, он все еще колебался, чувствуя, что вина Агама не так уж серьезна, но боялся вызвать недовольство могущественного рода Уа-Аяха и своей собственной жены. Стоит ли какой-то жалкий мальчишка, чтобы уменьшилась его власть? Лучше позволить племени изгнать его, все равно Агам умрет от голода зимой.

— Посадите моего сына! Не изгоняйте его! — закричала Рынна, бросаясь на колени перед вождем, но братья Яргле, подчиняясь знаку Медвежьего Клыка, оттащили ее.

— Кто хочет выступить в защиту Агама? — спросил вождь. — Если кому-нибудь есть что сказать, пускай говорит сейчас!

Но все племя молчало, вдруг...

— Агам не виноват! Агам не бил Уюка острой, а только нечаянно поцарапал сучком! — раздался звенящий девичий голос.

Агам поднял глаза и увидел Росу, выглядывающую из-за спины своего отца.

— Замолчи, девчонка! — закричала Гырка. — Никто не поверит твоим словам. Я требую изгнания Агама из племени. Сегодня он едва не убил моего сына, а завтра убьет еще нескольких детей. Мы должны изгнать его, пока не поздно.

Мальчик видел, что Роса, сочувственно относившаяся к нему, еще хотела что-то добавить, но ее отец, опасавшийся вражды рода Уа-Аяха, схватил дочку за руку и утащил ее, гневно шепча что-то.

— Если Агам не будет изгнан, то мы убьем его сами! — крикнул кто-то из взрослых братьев Уюка, подстрекаемый матерью, и угрожающе занес копьё.

Жена вождя снова прошептала что-то мужу. Тот отмахнулся, потом встал на камень и громко сказал, обращаясь ко всему племени:

— Медвежий Клык решил! Агам должен завтра утром уйти и больше никогда не возвращаться. Если он вернется, его убьют.

— Агама хотел защитить колдун! Сегодня Агам был у колдуна! — вне себя от горя крикнула Рынна.

Вождь насторожился. Ему бы не хотелось портить отношений с могущественным шаманом.

— Если колдун хотел защитить Агама, то где Торах? — спросил он. — Почему его нет на совете? Быть может, Рынна говорит неправду, чтобы защитить сына?

В этот момент послышался крик, и в свете костра показался один из отсутствовавших на совете охотников. Следом за ним еще два воина несли что-то, завернутое в шкуру.

— Беда, вождь, беда! — крикнул он. — Торах убит. Мы нашли его в лесу на полпути сюда. Голова у него была раздроблена палицей, а в сердце торчала стрела.

Воины внесли шкуру в круг костра, и все увидели, что из нее торчит рука колдуна. Кто-то из женщин завизжал.

— Около тела мы нашли вот это! — сказал охотник и протянул вождю кусок оленьей кости с вырезанными на ней фигурками.

Агам понял, что это та кость, на которой он сам сделал рисунок несколько часов назад. Вождь знал, что только сын Рынны из всего племени умеет резать по кости. Он шагнул к мальчику.

— Это твое? — спросил он грозно.

— Агам делал это для колдуна.

— Тогда, может быть, Агам и убил колдуна? — крикнула Гырка.

— Агам не мог убить колдуна, Агам слишком слаб и юн, чтобы нанести такой удар палицей. Это мог сделать только кто-то из Лесных Людей,— сказал Родрах, и все согласно закивали.

— Тогда Агам вместе с этой костью передал колдуну злого духа! — не унималась Гырка.— Смотрите, здесь на кости у костра изображен сам колдун! Мальчишка, изобразив Тораха, заговорил его и колот это изображение ножом, как сам шаман заговаривал оленей перед охотой. Агам виноват в его смерти!

Это высказывание для пещерных людей звучало более убедительно. Все они верили в колдовство и в то, что с помощью изображения на кости или деревянной фигурки можно заговорить дух своего врага и убить его. Люди племени с ужасом отступили от Агама, и мальчик оказался словно в кругу отчуждения. Только Рынна, Омра и Роса верили, что он невиновен, но кто послушает женщину и двух девочек?

— Агам должен уйти завтра утром или его убьют! — объявил вождь, бросив кость в костер, потому что Дух Огня, как верили Камышовые Коты, очищает предметы от злых заговоров.

Потом Медвежий Клык повернулся и пошел в свою пещеру, не обращая внимания на вопли Рынны и плач Омры.

Мужчины племени этой ночью спали только по очереди с оружием наготове. Утром они собирались отправиться на поиски Лесных Людей и желтого человека, убившего колдуна. Тело Тораха осталось у костра; утром, с первыми солнечными лучами, его сожгут на большом костре, чтобы дух колдуна мог отправиться к Тому, Кто Зажигает Костер Солнца.

Всю ночь Рынна, плача, готовила сына в дорогу, она не надеялась больше увидеть его. Изгнание в те времена, когда вокруг было полно хищников и враждебных племен, означало почти верную смерть. Даже если каким-то чудом Агаму удастся продержаться до осени, то холодная зима все равно убьет его. Плохо, очень плохо было теперь матери, ее сердце разрывалось от тоски..

Сама Рынна не могла пойти с сыном, потому что понимала, что будет обузой для него, да и Омра не вы-

держит долгой дороги, а оставлять ее одну в племени было нельзя. Гырка нашла бы повод отомстить девочке.

Утром, с первыми лучами солнца, когда пламя костра унесло ввысь дух колдуна, Агам взял копье, каменный топор, оставшийся от отца тупой нож и, в последний раз оглянувшись на пещеры племени, пошел вниз по течению реки вдоль камышей.

Глава четвертая

ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ

— Иногда меня спрашивают, почему я такой храбрый, умный и красивый? А я не могу ответить, потому что к тому же я еще и скромный.

Из историй о фон бароне де Капускинде

Агам решил найти несколько бревен, связать из них плот и отправиться на нем по течению реки, добывая себе пищу с помощью остроги и лука. Возможно, ему удастся отплыть достаточно далеко от родного становища и от всех соседних племен, враждующих с Камышовыми Котами, и он сможет найти себе другое племя, которое примет его к себе. Может быть, это будет то племя, из которого были родом его мать и бабушка, или какое-нибудь другое.

Мальчик не забыл, что Камышовые Коты когда-то приютили спускавшегося вниз по реке желтолицего старика, не принадлежавшего ни к одному из известных им племен, и вполне возможно, что другое племя так же приютит его самого.

После непродолжительных поисков Агам нашел одно сухое бревно, потом второе и подтащил их друг к другу. Но для того чтобы связать устойчивый плот, бревен должно быть не меньше двух ладоней, и подросток это хорошо понимал.

В поисках остальных бревен Агам зашел в прибрежный лес, но все стволы, которые он там нашел, были слишком массивными, и подросток не смог даже сдвинуть их с места. Но наконец усилия были вознаграждены: почти все бревна, необходимые для строительства плота, Агам нашел. Осталось только скатить их к реке, положить

поперек палки потоньше и связать их надежно веревкой, чтобы бревна не раскачивались. Гвоздей в то время еще не было, но без них успешно обходились с помощью веревок, сплетенных из трав и длинных полос молодой коры.

Неожиданно из камышей недалеко от того места, где Агам возился с плотом, послышался тревожный крик, и взлетела утка. Привыкший к языку природы, подросток понял, что птицу кто-то спугнул — значит, в камышах еще кто-то был. И скорее всего, это — человек, потому что, если бы утка спасалась от ястреба или коршуна, она постаралась бы укрыться от этих быстрых хищников в камышах.

Подросток перехватил копье и приготовился к обороне. Ему показалось, что в камышах мелькнула, а потом сразу скрылась чья-то голова. Агам подумал, что его выследили родичи Уюка и теперь хотят свести счеты. Или же это мог быть кто-то из Лесных Людей, которые вчера убили Тораха.

Мальчик понимал, что ему не справиться в одиночку со взрослым воином, и так как спустить на воду плот он уже не успевал, то решил метнуть во врагов копье, а потом прыгнуть в воду и постараться спастись вплавь. Плавал он отлично и неплохо нырял, впрочем, как все из племени Камышовых Котов, жившие у реки. Правда, ныряя, Агаму пришлось бы оставить на берегу каменный топор и все припасы, которые дала ему в дорогу мама, и сохранить только каменный нож.

Камыши зашевелились, и Агам занес уже руку, чтобы метнуть копье, но тут из камышей показалась светловолосая голова Росы. Девочка, запыхавшись, бежала к нему, неся небольшую плетеную корзину. Подросток опустил копье, дрожа от мысли, какое несчастье могло произойти..

— Агам возьмет Росу с собой? — спросила девочка.— Роса бежала за Агамом и едва нашла его. Хорошо еще, Роса догадалась, что Агам может быть возле реки. Роса взяла с собой ягод и березовой коры для растопки огня. Еще у нее есть иголка из рыбьей кости, чтобы зашивать одежду, и нож.

— Роса в самом деле хочет идти вместе с Агамом? — не поверил подросток.— Агам не знает, что будет с ним

завтра. Агам даже не уверен, сумеет ли он в одиночку защитить Росу, если на них нападет дикий зверь или Лесной человек.

— Роса все равно пойдет вместе с Агамом,— решительно тряхнула головой девочка.— Росе нравится Агам и не нравится Уюк. Она не хочет оставаться в племени. Уюк ей отвратителен.

— Уюк? При чем здесь Уюк?

— Росу хотят отдать замуж за Уюка, когда он пройдет обряд посвящения в воины. Росе сегодня утром сказал об этом глава ее рода. Мой отец уже дал свое согласие. Но Росе не нравится Уюк, она хочет уйти вместе с Агамом. Если она останется, ее заставят стать женой Уюка.

— Но Агам еще молод, если Роса станет его женой, он не сможет пока приносить Росе добычу и обеспечивать кровом жену и детей,— сказал юноша. Пещерные люди не умели лицемерить, они всегда говорили, о чем думали, и делали, что обещали.

— Роса будет с Агамом. Если Агам не возьмет Росу, тогда она пойдет одна.— И девочка решительно повернулась, чтобы уйти, но подросток удержал ее за руку.

— Роса может пойти с Агамом,— сказал он очень торжественно и потерся своей щекой о щеку девочки, как всегда делали пещерные люди из племени Камышовых Котов, произнося клятву.

— Агам обещает, что никогда не оставит Росу и никогда не бросит ее в беде. Если Агам погибнет, его дух будет охранять Росу и после его ухода в Верхний мир. Он будет защищать Росу от саблезубых тигров и волков и добудет ей мамонта, чтобы у Росы зимой было много мяса.

Неожиданно девочка рассмеялась:

— У Агама такой важный вид! Можно подумать, Агам в самом деле верит, что сможет один справиться с мамонтом и саблезубым тигром!

Юноша прищурился, посмотрев вверх, как это делали взрослые мужчины из его племени.

— Нам пора плыть,— решил он.— Тот, Кто Зажигает Костер Солнца уже развел большой огонь. Скоро костер солнца будет на середине неба.

Агам и Роса погрузили свои нехитрые пожитки на плот и стали вдвоем, раскачивая массивное бревенчатое

сооружение, сталкивать его на воду. С собой они взяли два каменных ножа, копье, гарпун, лук и три стрелы, лукошко девочки со съедобными травами и несколько вяленых рыбин, которые дала сыну Рынна. И с такой немудреной поклажей они отправлялись в плавание навстречу неизвестности.

Когда плот уже спустили на воду и Агам собирался оттолкнуться копьем от берега, неожиданно вершушки камышей заколыхались.

— Погоня! — испуганно воскликнула Роса. — Я могла привести за собой погоню!

— Отталкивайся! Плыдем! — крикнул подросток и, передав подруге копье, схватил лук и натянул тетиву.

Но это была не погоня. К ним, неуклюже продираясь через камыши с таким шумом, какого не бывает ни от одного пещерного медведя, мчался и размахивал руками незнакомый мальчишка, примерно одних с Агамом лет.

Он был совершенно безоружен и очень странно одет в какую-то непонятную многоцветную шкуру (свитер), на ногах были — ткань, перепоясанная широкой веревкой (брюки), и что-то вроде зимних снегоступов неизвестной формы (кроссовки). Волосы у мальчишки были очень короткие, не такие, как у пещерных людей, которые не стриглись всю жизнь, а только изредка, когда волосы уж очень мешали, рубубали их острым краем каменного топора. В руках у мальчишки был непонятный мешок из кожи с рисунком на ней белой краской, изображавшим дикаря с бумерангом и какими-то таинственными знаками (сумка с надписью «ХОККЕЙ» и нарисованным вратарем).

Беглец что-то кричал на непонятном языке и все время оглядывался назад, будто за ним кто-то гнался. Из леса доносился треск сучьев, а потом из него выскочили несколько воинов из племени Камышовых Котов и среди них Уа-Аях. Отец Уюка бросил копье, но мальчишка был слишком далеко, и оно вонзилось в землю в нескольких метрах за его спиной.

Увидев плот, а на нем — будущую невестку рядом с изгнанником, Уа-Аях гневно закричал что-то воинам, показывая на ребят. Воины рассыпались на несколько групп, как при загонной охоте, и помчались через камыши.

Агам опустил лук. Кем бы ни был этот мальчишка, он был безоружен, и у них были общие враги. Если Уа-Аях догонит незнакомца, то убьет его, как прикончит и самого Агама, а Росу утащит в племя и заставит стать женой своего жирного сына. «Враг моего врага — мой друг», — вспомнил пещерный подросток, проникаясь к беглецу сочувствием.

Тем временем мальчишка с безумными от страха глазами подбежал к берегу, а потом плюхнулся животом на плот, оттолкнув его тем самым от берега. Вероятно, он решил, что его ровесники более безопасны, чем настигавшие воины, явно желавшие заколоть его копьем и не собиравшиеся считать до трех прежде, чем проломить ему голову дубиной.

Не сговариваясь, все три подростка стали отталкивать плот от берега: кто копьем, кто просто руками. Нужно было отплыть как можно дальше, чтобы плот вынесло на быстрое течение, а дикари, с треском пробирающиеся сквозь камыши, не смогли бы добросить копье или выпустить стрелу.

Уа-Аях выскочил на берег с тремя мужчинами из своего рода и заорал что-то, размахивая топором. Копья их не смогли бы уже долететь до ребят: расстояние было слишком большим, и воины Камышовых Котов это поняли. Но можно еще догнать беглецов вплавь, это воины и попытались сделать. Они забежали на сотню метров вперед по течению и бросились в воду, стараясь доплыть до плота.

Времени, чтобы скрыться, почти не осталось. Успеет ли плот ребят, только разогнавшийся по течению, проскочить опасный участок раньше, чем преследователи доберутся до него?

Пока мальчишка из неизвестного племени и Роса загребали воду ладонями, стараясь хоть как-то ускорить движение плота, Агам схватил лук и, натянув тетиву, прицелился в отца Уюка, плывшего впереди всех.

— Возвращайся назад, Уа-Аях, или, клянусь своим отцом, я всажу стрелу тебе в лоб! — закричал Агам изо всех сил. — А вам, воины, если вы полезете на плот, мы проломим головы топором, и я найшу на вас злых духов! Один злой дух уже здесь! — И он показал на странно одетого мальчишку, чувствуя, что, хотя дикари и гнались

за ним, они боятся незнакомца, как боялся его и сам Агам.

Так как все Камышовые Коты верили в колдовство и в то, что Агам вчера проклял могущественного Тораха, а значит, он и сам колдун, воины повернули назад. Тем более что, бросаясь в реку, все свое оружие они оставили на берегу. Только один Уа-Аях, не знавший страха, преследовал теперь плот, и Агаму пришлось, чтобы остановить его, выпустить стрелу, которая просвистела у того совсем рядом с ухом.

— Уа-Аях не получит Росу для своего сына, как он не получит и мою голову! — крикнул подросток.

Отец Уюка приостановился и, скрежеща зубами, под прицелом следующей стрелы, зная, что на таком расстоянии мальчишка не промахнется, позволил плоту проплыть мимо.

— Я выслежу тебя, Агам, клянусь тебе! Ты не доживешь до зимы! Сегодня же я отправлюсь за тобой в погоню на плоту и перехвачу тебя на перекатах! — разъярился воин.

И Уа-Аях, не откладывая надолго свою угрозу, поплыл к берегу, крича своим сородичам, чтобы они бежали в племя и взяли один из уже готовых плотов.

А Агам вдруг вспомнил, что все то время, пока он целился в Уа-Аяха, неизвестный мальчишка был у него за спиной и вполне мог бы, если б захотел, столкнуть его в воду или ударить каменным ножом. Юноша резко повернулся к чужаку, приготовившись дать ему отпор, но тот и не думал нападать. Он довольно спокойно стоял на плоту и смотрел на него.

Роса все еще сидела на корточках и загребала ладонями воду, время от времени испуганно поглядывая на удаляющегося Уа-Аяха. Она знала, что не пройдет и трети дня, как он, а с ним и несколько ладоней воинов из его рода устремятся за ними в погоню, и тогда им придется туго.

Неизвестный мальчишка был на голову выше Агама, но в плечах примерно такой же ширины и вряд ли сильнее. Он смотрел на сверстника так же настороженно, как и тот рассматривал его, и каждую минуту готов был, если понадобится, схватиться с ним.

Агам положил на плот лук и стрелы и показал незнакомцу пустые ладони — так дикари выражали дружелюбие. Пройдет еще несколько тысяч лет, и значение этого жеста забудется, хотя люди по-прежнему будут протягивать и пожимать друг другу руки, как бы доказывая, что у них в ладонях не зажат ни нож, ни камень, и они не собираются нападать.

Мальчишка недоуменно посмотрел на его руки, а потом, повторяя жест Агама, показал свои, хотя тот и так уже заметил, что у чужака нет оружия.

— Ты кто? — спросил пещерный житель.

Мальчишка ответил ему что-то на неизвестном языке и развел руками, показывая, что не понимает.

Агам не удивился, он знал, что у каждого племени свой язык, а если мальчишка так странно одет, значит, он издалека и язык его не похож на язык Камышовых Котов. Но почему мальчишка один и почему он так далеко оказался от своего племени? Может быть, он тоже такой же изгнанник, как и сам Агам, или племя его погибло?

— Я Агам, Агам! — повторил он медленно и ткнул пальцем себе в грудь. — А она Роса, Роса, — и показал на девочку.

Мальчишка усмехнулся, мол, чего тут непонятного, и повторил:

— Агам, Роса...

Потом он ткнул пальцем в свою грудь и представился:

— Вася.

— Ава-са? — переспросила Роса, повторяя звуки незнакомца языка.

— Вася. Ва-ся. Имя такое... А вы, стало быть, пещерные люди, хотя и сами-то небось не знаете, что пещерные... Еще бы узнать у вас, какой сейчас год, да откуда вам знать? Пещера, одним словом.

Теперь пора рассказать, как случилось, что Вася оказался на плоту.

Так и не решившись вчера подойти к дикарям, мальчик заночевал на широкой ветви дерева в лесу, но почти не спал, прислушиваясь к таинственным ночным звукам, наполнявшим лес: отрывисто выли гиены, раздавался вдалеке призыв оленя-самца, раскатывался рык тигра, по-

том — резкие крики неизвестных птиц. Каждую минуту Вася ожидал, что на него сейчас набросится какой-нибудь зверь, но, к счастью, все обошлось, хотя утром он заметил под деревом, на котором провел ночь, отпечатки чьих-то больших лап.

Утром мальчик отправился к реке, чтоб хотя бы напиться, но натолкнулся на дикарей. Ему еще повезло, что они заметили друг друга почти одновременно. Один из дикарей что-то завопил и бросил в него палицей, которая пролетела совсем рядом, после чего у Васи сразу пропало желание налаживать с ними контакт. Он развернулся и помчался к реке так быстро, как только мог.

У реки преследователи стали нагонять его, но тут он заметил плот и бросился к нему. А что произошло дальше, вы уже знаете.

Когда беглецам удалось продолжить путешествие, Вася немного успокоился. Во всяком случае, в ближайшие полчаса ему никто не угрожал. К юным попутчикам, с которыми он познакомился, подросток относился немного покровительственно, его забавляли их жесты и то, как они вслушивались в непонятную для них речь. Девочка, кстати, довольно симпатичная, робко подошла к нему и дотронулась до его свитера.

— *Арногкуа оргну кырыз?* — спросила она. Во всяком случае, именно так прозвучали для Васи ее слова.

— Свитер мой понравился? — догадался Вася. — Можешь его пока поносить, все равно мне жарко. Только потом, чур, отдашь!

Он снял с себя свитер и набросил его на плечи Ресе. Та вначале испугалась, но потом радостно заулыбалась, закуталась в свитер, ощупывая неведомый материал, а вскоре с изумлением стала разглядывать пуговицы на рубашке мальчика.

— Хочешь оставить меня без последней рубашки? Ну уж фиг тебе! — пожадничал Вася, но потом вспомнил, что у него есть еще кимоно.

Агаму не понравилось, что Реса с таким интересом и любопытством разглядывает мальчишку и его одежду. А когда тот отдал ей пятнистую шкуру неизвестного зверя, у Агама появилось желание отобрать ее у девочки и швырнуть в воду. По закону племени Камышовых Котов муж может убить свою жену, если она без его разрешения

принимает подарки от других мужчин. Но, во-первых, Роса пока не была его женой, а во-вторых, она смотрела на Агама так умоляюще, что он смягчился.

Подросток даже снял с себя старую шкуру — единственное, что у него было, если не считать короткой набедренной повязки из грубой ткани, и протянул ее мальчишке в знак своего дружелюбия. Тот подержал шкуру в руке, показывая, что принимает подарок, но потом, когда он увидел блох, которыми она просто кишела, поморщился и положил шкуру на настил плота. Вася не отличался особенной чистоплотностью и не менял носки, пока мама не напоминала, но шкура с блохами вызвала у него брезгливое чувство.

Неожиданно плот вздрогнул. Они забыли, что им нужно управлять, и он врезался в какое-то притопленное бревно, зацепившееся за дно. Вася и Агам едва не упали от толчка, но удержались и успели подхватить Росу.

Это напомнило пещерному изгнаннику, что за ними вот-вот отправится погоня, и, если он не хочет, чтобы Уа-Аях осуществил свою угрозу и еще до наступления вечера бросил под ноги Рынне его голову, они должны поспешить.

Знаками показав Васе, что нужно вытолкнуть плот на стремнину, где течение было самым быстрым, Агам отцепил плот от коряги.

Потом он показал на свое копье, на берег, потом на плот и сделал страшное лицо, проведя рукой себе по горлу, как будто туда уже вонзилась стрела. Вася догадался, что подросток имел в виду: их преследуют и, если поймают, отрежут головы.

Проверяя, правильно ли понял, он повторил жест Агама, в ответ тот закивал. Диалог жестов был налажен.

Плот выплыл на стремнину и, сделав пару кругов, поплыл вниз по течению. То и дело справа и слева от них мелькали спины идущего на нерест лосося, а иногда рыба билась даже о дно их плота. Вася был поражен таким обилием лосося и, любя рыбалку, то и дело показывал на острогу, мол, давай поохотимся!

«Если уж попал в прошлое, то нужно получать хоть какие-то удовольствия», — думал Вася.

Но Агам покачал головой. Они не могут сейчас терять ни минуты. Скоро им придется перетаскивать плот через

перекаты, и если они не сумеют этого сделать и застрянут, то погоня настигнет их. Он вспомнил угрозу Уа-Аяха нагнать их у перекатов и понимал, что это не пустые слова.

Постоянно мальчик оглядывался на реку: не появились ли преследователи. Вскоре он заметил вдали на неровной глади воды крошечное пятнышко.

Через некоторое время оно приобрело очертания плота. Большой плот быстро приближался к ним, потому что на веслах сидели взрослые воины, на плоту ребят весел не было, да и мускулы подростков намного уступали силе и ярости их преследователей. Вскоре зоркие глаза Агама рассмотрели на плоту Уа-Аяха, подгонявшего гребцов криками и ударами древка копья. И отец Уюка заметил мальчика, потому что поднял над головой руку, в которой была зажата его боевая палица,— одним ударом он мог расколоть любую голову, как пустой орех.

— Мне страшно! — воскликнула девочка.— Он убьет тебя, Агам! Пускай тогда он убьет и Росу, она не хочет становиться женой его сына Уюка.

— Прежде чем убить, пусть вначале догонит! — сказал подросток.

Вася что-то крикнул, показывая вперед. Сразу за изгибом реки он увидел перекаты — несколько огромных валунов перегораживали реку, образуя небольшой водопад. После недавнего половодья и весеннего разлива реки за валуны зацепились бревна, ветки и все это, нагромоздившись друг на друга, создало непреодолимое препятствие.

Плот ребят уткнулся носом в валун и задрожал, дно его завибрировало от напряжения бурлящей воды, спешившей протиснуться в узкие щели между камнями. Река в этом месте разлилась и далеко выходила из берегов. Огромные рыбы лосося, не жалея хвостов, шли против течения, перескакивая через перекаты и взбираясь буквально по отвесным камням.

Это была извечная особенность лососей — они плыли из океана по рекам против течения к родным водоемам в быстрых каменистых протоках, чтобы, войдя через несколько месяцев в тихую заводь почти обессиленными, отложить икру и умереть, закончив таким образом жизненный цикл.

Вася знаками показал Агаму, что им не перенести плот через перекааты, для этого им пришлось бы разбирать его по бревнам, а потом собирать с другой стороны скал, на это уйдет слишком много времени, и погоня настигнет их. Впрочем, Агам и сам это понимал, он кивнул на лес.

Нужно бросать плот и уходить в чащу, где они могли затеряться среди деревьев и бурелома. Правда в лесу были звери, которые могли напасть на ребят, но Уа-Аях и воины из его рода были куда опаснее любых хищников.

Схватив с плота оружие, Вася при этом не забыл и свою сумку, беглецы стали перескакивать с камня на камень, пока не оказались на твердом берегу. Роса не отставала от них, проявляя не меньше ловкости, чем мальчики. У самого берега Вася поскользнулся на влажном камне и бултыхнулся с головой в воду. Девочка засмеялась над ним, а Агам протянул конец копья, помогая выбраться.

Вася, злясь из-за собственной неловкости, отказался от помощи и выбрался на берег самостоятельно. Плот преследователей был уже близко. Через несколько минут они настигнут ребят. Зная об этом, все трое бросились в лес. Роса и Агам, хорошо ориентировавшиеся в чаще, мчались первыми, пробираясь через самые густые заросли. Васе стоило большого труда не отставать от них.

Такой сумасшедший бег продолжался около получаса, и в конце пути городской житель, не привыкший к таким нагрузкам, весь обливался потом и задыхался. А его спутники выглядели совершенно свежими и готовы были бежать еще несколько часов.

Пещерные люди — жители равнин — привыкли к загонной охоте и бегали очень хорошо, не уступая волкам. Чтобы загнать дичь, им порой приходилось пробегать в день по несколько десятков километров, сменяя друг друга. Не давая зверю остановиться, они гонят его день и ночь, пока загнанное животное, не привыкшее к такому продолжительному бегу, не упадет под ударом их копья.

Агам повернулся к мальчику из неизвестного племени, удивившись, что тот тяжело дышит и совершенно не умеет бегать. Агам знал, что им удалось оторваться от погоня, но ненадолго. Уа-Аях и его воины, привыкшие читать следы и знавшие эти леса, будут выслеживать их шаг за шагом, пока не настигнут. А тут еще этот маль-

чишка тащится еле-еле, словно не понимает, что его жизнь теперь висит на волоске, и если он будет жалеть себя и свои ноги, сбитые в кровь, то ему не дожить до завтрашнего утра.

И Агам стал петлять по лесу, путая следы. Он надеялся, что скоро наступит ночь, а в темноте Уа-Аях не сможет читать следы и остановится на привал. Ночью он будет высматривать дымок от их костра, зная, что им придется развести его, чтобы не стать добычей хищников.

Понемногу смеркалось. Тот, Кто Зажигает Костер Солнца, очевидно, устал и подбрасывал дрова реже и реже. Солнце спускалось за край леса.

Вася был удивлен спешкой Агама и Росы, ведь погони не видно, но понимал, что ребятам лучше знать, что делать. Он очень устал и переставлял ноги с огромным трудом, тем более что пришлось идти по бурелому и густым зарослям, каждую минуту нужно было подлезать под сухой ствол или перебираться по поясу в воде через неглубокое озерцо, оставшееся после половодья.

Вася давно чувствовал, что ему не помешал бы привал, но, так как Роса все еще шла довольно бодро впереди, ему было стыдно признать себя слабее этой первобытной девчонки. Она может, а он нет?

После нескольких часов ходьбы лес заметно поредел, и ребята вышли на равнину. Так как местность в этих краях была гористой, то это была скорее не равнина, а небольшой замкнутый каньон, упиравшийся одним боком в лес, а другим — в гору. Вдоль горы протекал быстрый ручей, который несколькими тысячами локтями ниже впадал в реку.

Какое-то время Агам вел Васю и Росу вдоль ручья по мелководью, зная, что только так они смогут замести следы. Разумеется, Уа-Аях догадается, что раз следы исчезли, то они пошли по воде, но не будет знать, вверх или вниз по течению и насколько далеко им удалось уйти. Теперь нужно было как можно ближе подойти к горе, потому что на равнине все легко просматривалось, и если сейчас преследователи показались бы из леса, то смогли бы увидеть их.

Через некоторое время, завернув за изгиб горы, Агам показал рукой куда-то вверх. Роса рассмотрела на высоте примерно ста локтей над ручьем длинное углубление в

скале, напоминавшее пещеру. Со стороны леса эта щель была незаметна, и Агам надеялся, что когда стемнеет, вход в пещеру станет совершенно невидимым.

— Агам, Роса и Вася должны подняться в пещеру и переночевать там! — сказал он и, чтобы мальчишка из другого племени лучше его понял, показал наверх.

Вася поморщился. Чтобы попасть в пещеру, нужно было карабкаться по скале. Хотя в ней и были глубокие трещины и она не была совершенно отвесной, но это было равносильно тому, чтобы подняться по стене кирпичного дома на четвертый этаж. Вася подумал, что если он сорвется, то его придется довольно долго соскребать с камней вниз.

Он покачал головой и замахал руками, показывая, что никуда не полезет, а останется внизу у ручья. В ответ Агам пожал плечами, а потом показал рукой в сторону леса и спокойно провел по своему горлу ладонью.

Жест этот был настолько красноречивым, что Вася на всякий случай обхватил руками свою голову, будто она вот-вот свалится, а потом резво перескочил через ручей на противоположную сторону и вскарабкался к пещере раньше Агама и Росы.

— Человек из племени Носящих Короткие Волосы хорошо лазает по скалам, — сказала Роса.

— Но плохо бегают, — добавил Агам. Ему было труднее всех подниматься на скалу, потому что пришлось еще нести лук, топор, копье и гарпун. Хорошо еще Вася, добравшись до пещеры, догадался немного спуститься вниз и протянул руку, чтобы взять у Агама оружие и помочь ему.

Подросток замешкался, глядя на протянутую ему навстречу руку. Для пещерного человека отдать свое оружие другому или просто повернуться к незнакомому спиной — знак величайшего доверия. Отдавая свое оружие, ты становишься беззащитным, и чужак вполне может проткнуть тебя твоим же копьем или проломить голову твоим топором.

Но Вася этого не понимал. Он только удивленно смотрел на Агама, а тот крепко вцепился в свое копье и топор, хоть они и мешали ему лезть на скалу. Наконец Агам решил и протянул мальчику из неизвестного пле-

мени топор и копье, но гарпун, лук и каменные ножи на всякий случай оставил себе.

Взобравшись на скалу, он первым делом забрал свое копье, а когда Вася хотел отдать ему и топор, великодушно покачал головой и знаками показал, что тот пока может оставить топор у себя, потому что, вполне возможно, им придется еще защищаться.

Дождавшись Росу, ребята осторожно вошли в пещеру. В ней, уходившей на много метров в глубь скалы, как будто никого не было, но Агам чувствовал стойкий, уже немного выветрившийся запах зверя, а под ногами валялись кости лося. Очевидно, эта пещера зимой служила берлогой пещерному медведю, примерно в два раза превосходящему по размерам современного медведя и окончательно вымершему десять — пятнадцать тысяч лет назад.

Пещерный медведь был одним из самых сильных и опасных хищников того времени. Весил он около двух тонн. Его длинных двадцатисантиметровых когтей и мощных клыков боялись даже саблезубые тигры и ягуары.

Только стада мамонтов, уверенных в своей силе и мощи, не уступали пещерному медведю дороги. Впрочем, стычки между ними случались очень редко. Мамонты паслись в основном на богатых равнинах севернее, а сюда, в скалистые ущелья, приходили редко, спасаясь от наступления ледников или в период засухи, когда вся растительность выгорала и озера пересыхали. Здесь же, вблизи реки и под прикрытием леса, трава и зелень оставались сочными и могли прокормить большое стадо мамонтов в течение одного-двух месяцев.

В этих местах пещерный медведь был полновластным хозяином. Агам не решился бы бросить вызов этому мощному хищнику, который одним взмахом лапы сломал бы даже самое крепкое копье, а его толстую шкуру не пробила бы ни одна стрела.

Но весной медведь редко возвращается в свою зимнюю пещеру, только на время затяжных дождей. Почти все дни он проводит в лесу, там он либо охотится, прячась рядом с тропами на водопой и подстерегая лосей или оленей, либо в период нереста лосося на мелководье с ловкостью выбрасывает рыбу на берег ударами своих мощных лап. Бывало, желая полакомиться, медведь разоряет

улья диких пчел, а потом спасается от их мстительных обитательниц в реке, так что только его нос выглядывает из воды.

— Ну и запах здесь, как в зоопарке,— поморщился Вася, разглядывая обглоданные кости лося и клочья вылинявшей медвежьей шерсти, которые валялись всюду.

Агам надеялся, что сегодня медведь не будет ночевать в пещере, так как не показывался в ней несколько предшествующих ночей. Мальчик прошел вглубь на несколько десятков локтей и убедился, что пещера пуста.

— Давай разведем костер, я замерзла,— предложила Роса.

— Опасно. Могут заметить.

— А если очень маленький? Мы не дадим ему разгораться и будем просто подкармливать угли. Мы могли бы подсушить рыбу и сами согреемся.

Агам подумал немного и согласился. Сейчас на равнину ляжет тяжелый сырой туман от реки, поэтому во мгле огонек их костра, скрытый в пещере, не будет замечен, а дым его смешается с туманом. Конечно, не исключено, что Уа-Аях и его воины почувствуют запах дыма, но для этого они должны находиться совсем близко, да к тому же пещера расположена высоко над уровнем равнины, так что дым не будет стелиться по земле, а сразу взлетит ввысь, к Тому, Кто Зажигает Солнце, и к Верхнему миру, куда сегодня утром отправился дух колдуна Тораха.

Агам сложил стопкой березовую кору, которую захватила Роса, и стал ударять кремнем о камень, высекая искры. Но кора была чуть влажноватой и не хотела загораться. Мальчик не терял надежды, что рано или поздно у него получится.

Вася некоторое время следил за его тщетными усилиями высечь искры, а потом вытащил из школьной сумки зажигалку. У них в классе почти у каждого мальчишки была зажигалка не потому, что все курили, а просто для хвастовства.

— Эх ты, пещера! — небрежно сказал Вася.— А ну дай-ка мне!

Он отодвинул Агама от березовой коры, потом решительно вырвал из своего дневника последний лист с четвертными отметками. Вначале он, конечно, поколе-

бался немного, но потом решил, что раз попал в пещерные времена, то какая теперь разница, сожжет он свои тройки или оставит их на память пещерным людям, чтобы те высекали их на камне, а через тридцать тысяч лет археологи нашли бы этот камень и поняли, что первый путешественник в прошлое был абсолютным троечником.

Агам удивленно смотрел на тонкий кусок бересты с непонятными знаками заклинаний на ней, которая была у мальчишки в левой руке, и на маленький незнакомый предмет, который был в правой.

Тот крутанул что-то большим пальцем, и неожиданно кусок бересты вспыхнул у него в руке сам собой. Роса испуганно вскрикнула и упала на колени.

— Он из рода колдунов, которые воспламеняют взглядом! — прошептала она.

Вася протянул Агаму горящую страницу, показывая, что она сейчас сгорит и нужно спешить. Хоть тот и был порядочно напуган, но все же сумел подложить догорающий лист под бересту и, когда она разгорелась, добавил сверху несколько тонких веток, припасенных заранее. Вскоре в пещере, согревая ребят, запылал маленький костер.

Роса все еще не осмеливалась встать с колен. Она была твердо уверена, что странно одетый мальчишка — колдун и Дух Огня подчиняется ему. Не разуверив ее в этом, Вася несколько раз шелкнул зажигалкой, высекая все новые и новые язычки пламени.

Потом, видя, как это поражает девочку и даже парень посматривает на него с суеверным ужасом, хоть и старается не показать, что напуган, Вася решил еще больше упрочить свое положение и продемонстрировать им содержимое своей сумки.

И чего в ней только не было! Кроме, разумеется, учебников и кимоно, там были перочинный нож, два гвоздя, водяной пистолет, связка взрывающихся петард, ключи от квартиры и много прочей ерунды. Однако для пещерного человека все эти обычные для нас предметы были настоящим сокровищем.

Больше всего понравился Агаму перочинный нож. Вначале он долго крутил его в руках, не понимая, что это такое, но потом нечаянно нажал на пружинку, и из ножа выпрыгнуло стальное лезвие. Агам едва не выронил

его, твердо уверенный в том, что он заколдован. Потом, справившись со страхом, дикарь ощупал лезвие перочинного ножа, сделанного не из камня, а из какого-то неведомого ему материала. Желая проверить, остро ли он заточен, Агам дотронулся до его острия пальцем и ойкнул. На пальце появился неглубокий порез. Это значило, что заколдованный нож был такой острый, что легко мог пробить даже шкуру гигантского носорога.

Теперь сомнений не оставалось — мальчишка, которого они спасли от Уа-Аяха, и в самом деле был из племени колдунов. А тут еще Роса, любопытство которой пересилило страх, взяла одну маленькую петарду, показавшуюся ей самой безобидной из всех вещей колдуна, и нечаянно уронила ее в костер.

Внезапно петарда оглушительно взорвалась и разлетелась сверкающими искрами. Роса и Агам упали на пол, закрыв руками головы и дрожа от страха. Васе кое-как удалось их успокоить, но прошло еще немало времени, прежде чем они пришли в себя.

Впрочем, уже через полчаса пещерные ребята, продолжая с опаской коситься на своего спутника, уплетали вяленую рыбу из своих запасов. Увидев, что юный колдун облизывается, Роса догадалась, что он голоден, и нерешительно протянула ему половину рыбины.

Вяленая рыба была очень вкусной, хотя показалась Васе слегка сыроватой. Он пожалел, что у него нет соли, но, видимо, люди этих мест, где не было своих солевых месторождений, не знали ничего о ней и не могли использовать ее при копчении продуктов. Чтобы рыба как можно дольше сохранялась, Камышовые Коты старались сберечь ее от влаги, много дней держали на солнце, периодически подсушивая на костре.

Зимой же, когда выпадал снег, они выкладывали рыбу на лед, и она настолько замерзала, что становилась твердой, как бревно, и ее приходилось долго оттаивать на углях.

Впрочем, Вася был так голоден, что ел жадно и с аппетитом. Только потом, когда ничего не осталось, он вспомнил, что красная рыба, да еще к тому же и с икрой, считается деликатесом и в таких количествах ее немногие могут себе позволить.

После рыбы Вася почувствовал сильную жажду. Он видел, как Агам и Роса подставляют ладони и набирают в них капли воды, которая стекала с влажного потолка пещеры тонкими струйками. Мальчик последовал их примеру, надеясь, что от такой воды у него не заболит живот.

После еды Агам подбросил в костер несколько сучьев потолще, проследив, чтобы они не были влажными и не дымили. Потом он расстелил у костра свою старую шкуру (заметив, что мальчик-колдун не собирается ею пользоваться, Агам давно с чистой совестью снова забрал ее себе), вытянулся на спине и через несколько минут уже спал. Роса прилегла рядом с ним, положив голову ему на плечо, и тоже заснула.

Видя, что его пещерные друзья спят, и понимая, что завтра им снова предстоят нелегкие испытания, Вася растянулся у костра и закрыл глаза. Но, привыкший спать дома в мягкой постели, он, сколько ни ворочался, так и не смог заснуть на каменном полу пещеры. То ему спину колот камешек, то голове было жестко, то вдруг костер стал чадить, и мальчику стало душно. А когда он подбросил в костер пару поленьев, то одному его боку стало жарко, а другой замерз.

Но злоключения этой ночи не закончились. Когда усталость навалилась на мальчика и он готов был заснуть, неожиданно снаружи раздался какой-то странный звук, хриплый и прерывистый. Как будто кто-то карабкался по скале к пещере, тяжело дыша.

Вначале Вася решил, что ему почудилось, но звук не прекращался, а становился все громче и отчетливее. Тогда, сообразив, что к ним кто-то лезет, мальчик вскочил и, торопясь, растолкал крепко спящего Агама.

Проснувшись, тот первым делом схватился за каменный топор, недоумевающе трясая головой и не понимая, зачем его разбудили. Вася дотронулся до его плеча, привлекая внимание, а потом показал рукой в направлении раздававшегося звука, который стал громким.

Агам схватил из костра пылающий сук и шагнул к выходу из пещеры, сжимая копье. По склону к ним двигалось большое темное пятно: хозяин пещеры — огромный медведь — возвращался к себе домой. Увидев человека, зверь зарычал и приостановился, но потом стал карабкаться быстрее.

Свалявшаяся шерсть на боках медведя была влажной — должно быть, он долго шел по ручью или глушил на мелководе лосося. Когти на его лапах были слегка сточены, а зубы — желтые: это подтверждало, что зверь уже старый.

Агаму еще не приходилось даже издалека видеть пещерных медведей такого размера. Оказавшись на ровном месте склона, зверь, чтобы лучше разглядеть тех, кто вторгся к нему в пещеру, встал на задние лапы — в высоту он был около восьми локтей, то есть около трех метров, а в его пасти вполне могла поместиться человеческая голова.

Медведь, видимо, был сыт, но обнаружить у себя в гостях посторонних не входило у его планы, и он глухо заревел, определенно собираясь напасть. Агам знал мощь этого зверя и понимал, что силы их не равны, но и отступить из пещеры, пока ее хозяин преграждает дорогу, они не смогут.

Мальчик стал размахивать пылающим суком, пытаясь испугать медведя, а затем швырнул в него раскаленным углем. Стрелять из лука было опасно — от боли он мог рассвирепеть, а извечный страх диких животных перед огнем подействовал.

Агам бросил еще несколько углей — зверь остановился и заревел. Он понюхал уголь и отдернул морду. Медведь уселся в нескольких метрах ниже пещеры и потом разлегся во всю длину, явно собираясь караулить, пока в его владениях не погаснет огонь. А костер уже едва теплился. Почти все ветки и поленья прогорели, и набрать новые, пока медведь перегораживал путь, было невозможно.

Агам разбудил Росу, и девочка испуганно прижалась к нему, а потом стиснула в руке кремневый нож, готовая, если понадобится, защищаться до последнего. Подросток повернулся к Васе и показал ему вначале на медведя, а потом на его сумку. Тот догадался, что Агам просит его использовать заклинания из волшебных книг для того, чтобы прогнать медведя. Но так как искать заклинания в учебнике алгебры и литературы было бы глупо, Вася, не долго думая, поджег свой дневник и, подождав, пока он разгорится, сбросил его вниз на медведя. Запахло паленой шерстью.

Хищник заревел, вскочил на задние лапы и опрометью бросился вниз по склону, но, пробежав несколько десятков метров, снова остановился и разлегся, не сводя своих маленьких глаз с пещеры. Он явно собирался караулить добычу до победного конца. Агам знал, что зверь был сыт и вполне мог ждать их так несколько дней. Нужно прогнать его скорее, потому что, если погаснет костер, медведь сразу нападет на них.

— Во вляпались-то, и в зоопарк не нужно ходить,— сказал Вася, размышляя, как будет смешно, если он попадет в желудок к этому вымершему пещерному чудовищу.— А интересно, он жрет людей или просто убивает?

И, пытаясь объяснить вопрос Агаму, он показал рукой вначале на свой рот, а потом на медведя.

— Что он спрашивает? — спросил Агам у Росы.

— Мальчик-колдун говорит, что хочет съесть медведя,— решила девочка.

— Как ты думаешь, он и в самом деле сможет это сделать?

— Колдуны все могут,— убежденно ответила она.— У них растягиваются животы, как бурдюки из оленьих желудков.

— Тогда пускай мальчик-колдун съест медведя,— согласился Агам.— Мы тогда сможем выбраться из пещеры, пока не рассвело, и Уа-Аях со своими воинами не схватит нас.

И он показал рукой вначале на Васю, а потом на зверя, делая при этом жующие движения губами. Он предлагал ему съесть животное, но тот решил, что Агам объясняет, что если кого-то из троих медведь и захочет сожрать, так только его, потому что он самый толстый.

А так как медведь в эту минуту поднялся и, приблизившись на десяток шагов к пещере, встал на задние лапы, уставившись прямо на него, Вася поспешно отпрыгнул в глубь пещеры.

— Роса была не права. Мальчик-колдун не может съесть медведя,— грустно признал Агам.— Он боится его, как и мы.

Костер почти погас, и только несколько сучьев тлели еле-еле. Зверь подбирался к пещере все ближе. Дикие животные при столкновении с чем-то необычным всегда осторожны, так и хозяин пещеры пока еще не решил,

нападать ему на людей или нет. Он и раньше встречал их у реки и однажды даже погнался за ними, но люди убежали, а медведь так и не понял, являются ли эти существа его добычей или нет.

Но сейчас он чувствовал, что люди меньше и слабее его и справиться с ними будет не так сложно. Никакой особой необходимости возвращаться в пещеру у медведя не было, он делал это скорее из любопытства, потому что, когда вышел из леса на равнину, его чуткий нос почуял со стороны своих владений человеческие запахи и дым.

Видя, что зверь пока в нерешительности, но если он нападет, то его уже не остановить, Агам понял, что им придется первыми напасть на медведя и постараться испугать его. Он схватил тлеющий сук, а второй сунул Васае, потом, громко крича и размахивая разгоревшимся суком, побежал навстречу медведю.

Когда-то его отец Яргле рассказывал, что хищники привыкли нападать, когда добыча убегает от них, но если бежать им навстречу, делая вид, что ты сам нападаешь, то не очень уверенный в себе зверь не станет рисковать и поспешит убраться восвояси.

Но этот медведь не привык кого-то бояться, и в лесу не было животного, способного напугать его. Последние десять или пятнадцать весен он был единственным хозяином этих мест, и даже саблезубый тигр уступал ему тропу. Поэтому зверь просто стоял и смотрел, как человек бежит к нему, размахивая пылающим суком.

Но чем ближе подступал мальчишка, тем беспокойнее становилось медведю, и он не сводил глаз с горящей палки. Когда-то еще медвежонком в засуху он попал в лесной пожар, и ему опалило задние лапы. Тогда он еле-еле сумел скрыться в обмелевшей реке, и даже сейчас, когда видел огонь, то испытывал ужас.

И зверь стал пятиться от пылающего сука по склону горы, а Агам продолжал приближаться к нему.

— Агам не боится медведя! — кричал мальчик. — Агам может убить десяток медведей! Если медведь не уберется, Агам опалит ему нос!

На самом деле, конечно, ему было страшно, и этими угрозами он укреплял в себе уверенность. Но случилось непредвиденное: когда медведь уже решил убраться и с



ревом повернулся, мальчик вдруг зацепился ногой за корень на склоне горы и, чтобы не скатиться вниз и не разбиться, вынужден был бросить факел и ухватиться руками за край склона. Сук мерцающей красной точкой полетел в пропасть и с шипением погас, упав в ручей.

Когда Агам подтянулся и выбрался на склон, он увидел медведя совсем рядом, всего в трех или четырех локтях. Подросток замер неподвижно, зная, что, если он сейчас побежит, тот убьет его. Зверь медленно приближался, и бедняга подумал: «Конец Агаму! У Агама в руке нет даже копья, чтобы умереть, как мужчине».

Но внезапно что-то прокатилось между медведем и мальчиком. Потом послышался оглушительный треск, и во все стороны полетели разноцветные искры. Это Вася, видя, что у Агама дела обстоят неважно, догадался бросить петарду. Следом за первой он запалил вторую, и на склоне горы возник самый настоящий салют с яркими вспышками и искрами.

Испуганный медведь, никогда не сталкивавшийся ни с чем подобным, поспешил убраться восвояси и стал быстро спускаться вниз по склону, то и дело оборачиваясь

и рыча. Можно было понять его ужас — животные всегда с опаской относятся ко всему незнакомому.

Даже Агам и Роса, уже слышавшие раньше взрывы петард, были вновь поражены и закрыли уши руками.

— Как хорошо, что мы встретили мальчика-колдуна! — воскликнула девочка. — Хоть он и не смог съесть медведя, но прогнал его с помощью грохочущих камней.

Внезапно гора над ними загудела, и вниз полетели камни. Очевидно, взрывы петард вызвали обвал, и ребята поспешили укрыться в пещере. Вниз скатились крупные валуны и с плеском упали в ручей. Если бы медведь не убежал, его бы расплющило одним из этих камней. Довольно скоро обвал прекратился, он не был сильным и не завалил вход в пещеру, чего так боялся Агам.

Начинало светать. Сквозь утренний туман было видно, как Тот, Кто Зажигает Солнце, который, по верс Камышовых Котов, всю ночь собирал дрова, теперь стал подбрасывать их в костер.

— Нужно идти! — сказал Агам. — Уа-Аях мог слышать обвал. Тогда он скоро будет здесь.

И пещерный мальчик стал спускаться вниз по склону. Роса и Вася следовали за ним. Камни преградили путь ручью, и теперь вода спешила найти себе новое русло. Возможно, пройдет десять тысяч лет, и на этом месте возникнет быстрая горная река, подумал Вася, а возможно, ничего не будет, если кора земли сместится.

На равнине, по которой они шли к реке, было множество камней разного размера: от небольших до огромных осколков скал. Вася удивился, кто их сюда принес, и приятель жестами объяснил ему, что это сделала гигантская гора льда, которая, по рассказам Рынны и Яргле, прошла здесь не так много весен назад и теперь возвращалась.

Агам собирался добраться до реки и, пока Тот, Кто Зажигает Костер Солнца еще не развел большое пламя и сохраняется утренний влажный туман, построить новый плот, чтобы уплыть как можно дальше по течению реки.

Из того места, где они сейчас находились, можно было выбраться только через реку, так как по обеим ее сторонам тянулся труднопроходимый массив гор из ра-

кушечника, оставшийся здесь с той далекой поры, когда три миллиона лет назад эта равнина была дном океана.

Но когда ребята, надеясь, что им никто не угрожает, уже почти добрались до реки, внезапно в болотистой протоке реки, в камышах, громко закричала выпь, и сразу оттуда вспорхнули утки.

Вася не обратил на это внимания, но Агам насторожился.

— Здесь кто-то есть! — крикнул он. — Бежим!

И, потянув Росу за руку, он бросился к горам, где можно было занять оборону или попытаться скрыться за одним из валунов. Вася, не понимая, что именно их испугало, замешкался, но тут камыши расступились, и из них выскочили Уа-Аях и четыре воина. Они были от подростка всего на расстоянии полета камня и с каждым мгновением приближались.

— Эй, подождите меня! — заорал Вася и метнулся за друзьями, боясь отстать. На бегу он пытался вытащить оставшиеся петарды, надеясь рвануть их и испугать пещерных людей. Он мчался изо всех сил, буквально спиной ощущая, как ему вдогонку сейчас полетит копье.

Но судьба распорядилась иначе, и спасение пришло, когда ребята его совсем не ждали.

Глава пятая

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ

Будь смелым, ловким и сильным, мой мальчик, метко стреляй из лука и бросай копья или тебя съедят. Пусть у тебя будет много храбрых сыновей или придут сыновья других племен и убьют их! Береги женщин своего племени, чтобы они не стали женами чужих воинов и дети их не стали бы врагами твоих детей. Всегда держи наготове свое копье или век твой будет недолог на этой земле и род твой пресечется! Если нужно будет умереть — умри с топором в руке, чтобы духи предков гордились тобой.

Калыбельная пещерных времен

Внезапное появление Уа-Аяха и его сородичей объяснялось довольно просто. Еще с вечера они затаились в камышах у реки, догадываясь, что рано или поздно подростки пройдут здесь, направляясь к реке. Им бы

удалось захватить беглецов врасплох, если бы один из воинов неосторожно не спугнул чуткую выпь, а та не всполошила бы уток.

Пещерный человек, наученный с детства понимать язык природы, знает, что у нее нет случайных звуков. Ни одна птица не закричит просто так и ни одна сухая ветка не треснет, если ее не задела.

Теперь, преследуя ребят, удалявшихся в сторону гор, ни Уа-Аях, ни его воины не торопились, бережно расходуя силы. Они знали, что беглецы почти у них в руках. Горы тех мест образовали узкий каменный мешок, огражденный с трех сторон отвесными скалами, и ребята не смогут скрыться.

Уа-Аях, опустив копье наконечником вниз, бежал первым, неторопливо и ровно, как преодолевали расстояния почти все охотники его племени.

Он видел, что чужой мальчик совсем не умеет расходовать свои силы, мчится нервно, рывками, то и дело спотыкаясь о камни и часто в ужасе оглядываясь назад. Такой бег его не спасет, и Уа-Аях был уверен, что вскоре сможет добросить до него копье.

Пещерные люди не были сентиментальны. Убить подростка в четырнадцать неполных весен из враждебного или неизвестного племени они не считали особым преступлением, хотя голова мальчика не была таким ценным трофеем, как голова взрослого врага.

Ребята и их преследователи уже вбежали в узкий каменный мешок каньона, и Уа-Аях даже поднял руку с копьем для броска, как вдруг откуда-то сверху, из-под навеса, просвистела стрела, и воин, бегущий вторым, упал лицом вперед и прокатился по камням. Стрела пронзила ему горло, и Уа-Аях увидел, что ее наконечник сделан из неизвестного материала, похожего на тот, который показывал вчера на совете Родах.

Почти одновременно с горы были сброшены несколько крупных камней, Уа-Аях успел увернуться, но в одного из его родичей камень попал, и правая рука воина повисла, как плеть.

Преследователи, увидев, что встретились с серьезным противником, решили выбираться из ущелья на равнину, где было больше пространства для маневра, но оказались в окружении.

Из-за камней навстречу им выбежала группа из десяти Лесных Людей, рослых, коренастых, вооруженных массивными палицами и камнями. Эти воины были неповоротливы и медлительны, но силой намного превосходили воинов племени Камышовых Котов. Один только Уа-Аях мог еще сравниться с любым из них, а его родичи значительно уступали противнику. За спинами Лесных Людей прятался маленький желтолицый охотник. Это стрела из его лука торчала в горле убитого воина. Не теряя времени даром, желтолицый человек вновь натягивал тетиву.

Уа-Аях понял, что у них остался лишь один шанс — прорываться вперед сквозь отряд Лесных Людей, или желтый пигмей перестреляет их, и они не смогут вырваться из кольца врагов. С громким воинственным кличем глава рода устремился вперед. Три его оставшихся сородича, один из них со сломанной рукой, следовали за ним на расстоянии одного прыжка. Лесные Люди ждали их приближения, вращая палицами. Просвистела стрела из лука, но Уа-Аях успел отклониться, и она едва не коснулась его лица. Он закричал от ярости и метнул копье, вонзившееся в живот одному из врагов. Потом он прыгнул на другого Лесного человека и, прежде чем тот замахнулся палицей, расколол ему череп ударом каменного топора.

Ряд Лесных Людей на мгновение расступился, и Уа-Аях ринулся вперед. Его щеку зацепило камнем, плечо задело палицей, но ему удалось прорваться из окружения и отбежать на расстояние полета стрелы. Только тогда он издал боевой клич, сзывая своих сородичей, и оглянулся. Но за его спиной никого не было. Ни один из сопровождавших его воинов не вырвался живым из ущелья.

Трое из Лесных Людей тоже погибли, двух из них убил Уа-Аях, и один был ранен. Воины племени Камышовых Котов погибли как мужчины, с оружием в руках, и их предводитель был уверен, что души родичей прямой дорогой отправились в Верхний мир, к Тому, Кто Зажигает Костер Солнца.

Лесные Люди погнались было за Уа-Аяхом, но тот бежал намного быстрее и сумел скрыться в зарослях. Он спешил принести своему племени печальную весть о ги-

бели воинов и вернуться сюда с подкреплением. Лесных Людей он не боялся: если сейчас им удалось победить, то только потому, что они внезапно напали из засады и с ними был желтый человек, метко стрелявший из лука.

Этот желтый воин был для Уа-Аяха загадкой. Откуда он взялся? Почему Лесные Люди не убили его и подчиняются всем его приказам? Ведь они были слишком тупыми, чтобы подготовить в каньоне такую продуманную засаду. Успех операции, безусловно, осуществлен под влиянием желтого человека, об уме и боевом опыте которого свидетельствовали изготовленные острые стрелы из неизвестного материала. Он умел посылать их на расстояние, равное двум полетам стрел Уа-Аяха.

Лесные Люди, сами не ведая того, оказали Агаму, Росе и Васе большую услугу, избавив их от погони. Впрочем, они, вне всякого сомнения, убили бы ребят, расправившись со взрослыми воинами, если бы Агам не нашел между двумя смыкающимися скалами узкую щель, в которую могли протиснуться только подростки, но не взрослые мужчины.

Когда Камышовые Коты погнались за ними, они нырнули в эту щель и, оцарапавшись немного, оказались с другой стороны каньона. Чуть позже узкий, естественно образовавшийся тоннель раздвинулся, и ребята оказались у начала горной тропинки. Перед ними тянулась невысокая, но трудно преодолимая горная гряда.

Кое-где в скалах сохранились еще отпечатки древнейших раковин, морских растений и скелетов кистеперых рыб, навеки слившихся с камнем. Вася подумал, что ученые из его времени могли бы найти здесь много следов, рассказывавших о вымерших видах животных.

Через несколько часов пути ребята остановились в тени большой горы на привал.

— Лесные Люди следили за Уа-Аяхом и его воинами точно так же, как он следил за нами,— сказал Агам.

— Погибла почти ладонь воинов из нашего племени,— грустно добавила Роса.— Но если бы они не погибли, то убили бы Агама и мальчика-колдуна, а Росу заставили бы стать женой Уюка.

— Роса не станет женой Уюка,— подросток стиснул каменный топор.— Тот, Кто Зажигает Костер Солнца жалует Росу и Агама. Наверное, мальчик-колдун умилился его своими заклинаниями.

А Вася тем временем занимался очень интеллектуальным занятием — отдирал подошвы от своих кроссовок. Настроение у него было неважное. Если бы неделю назад ему сказали, что он попадет в первобытные времена вместо того, чтобы ходить в школу, он бы, наверное, подпрыгнул от восторга, а сейчас, когда он оказался в прошлом, ему захотелось вернуться в свое время. Хотя в школу ходить и не очень весело, а порой даже невыносимо тоскливо, но там, во всяком случае, не швыряются копьями и каменными топорами, да и пещерные медведи не пытаются тебя сожрать.

Вася отодрал подошвы, которые и так уже почти отвалились, только мешая при ходьбе, и встал с камня. Теперь сверху его ноги были как будто в кроссовках, а на самом деле он стоял босиком. Агам и Роса переглянулись, пораженные причудами мальчика-колдуна.

Девочка нерешительно присела и, взглянув на него, подняла с земли отодранную подошву. Она приложила ее к своей ступне и, обнаружив, что та повторяет ее по форме, удивленно засмеялась.

А Вася снял с себя совершенно грязную, порвавшуюся от карабканья по скалам рубашку и надел кимоно. Оно было прочным, из плотной ткани, предназначенной и для бросков, и для захватов — короче, именно то, что нужно в пещерные времена. Мальчик потуже затянул пояс, ощущая на себе восхищенные взгляды пещерных ребят.

— Зачем мальчик-колдун сменил шкуру? — спросила Роса у Агама.

— Не знаю,— пожал тот плечами.— Наверное, это одежда для заклинаний. Торах тоже надевал другую шкуру, когда вызывал дождь.

— Как ты думаешь, он разрешит мне взять свою старую шкуру? — спросила девочка, глядя на брошенную Васей рубашку. Роса была очень хозяйственной, у нее ни одна вещь не пропадала.

Мальчик-колдун кивнул, соглашаясь, и через некоторое время увидел, как его рубашка перекочевала к де-

вочке вслед за свитером и подошвами от кроссовок. Роса надела рубашку поверх свитера и восхищенно стала рассматривать пуговицы. Одну из них она лизнула, но та оказалась невкусной, и девочка поморщилась.

«Ну и дела! — подумал Вася. — А эта пещерная девчонка с хваткой. Так скоро и мое кимоно у нее окажется».

Раз уж он оказался в кимоно, то встал в стойку и провел несколько ударов, а потом сделал дыхательные упражнения из айкидо, которыми они начинали каждую тренировку. Ребята смотрели на него с интересом, предполагая, что это какой-то колдовской танец. Агам даже попытался ему подражать: запрыгал на месте, застучал кулаком по груди и замахал над головой каменным топором.

Уверенный, что победит, Вася хотел предложить дикарю побороться и показать ему парочку приемов, но потом вспомнил, что Агам ко всему относится слишком серьезно и может стукнуть топором, и поэтому передумал.

Увидев, что мальчик-колдун уже не танцует, пещерный подросток и сам перестал прыгать. Он прищурился на солнце, а потом показал на горную тропинку. Если они хотят снова выйти к реке, минуя ущелье, в котором остались Лесные Люди и тела погибших воинов, то должны перейти через горы. Возможно, это займет не один день, но другого выхода у них нет.

Был уже почти полдень, когда они поднялись на вершину первой горы и остановились передохнуть. Отсюда, с высоты около двух сотен метров, Вася смог окинуть взглядом тот край, куда он волею судеб попал и где теперь, возможно, ему предстоит остаться навсегда. Впереди тянулись бесконечные хребты гор; слева, под обрывом, текла река, к которой нельзя было спуститься из-за отвесных скал. Позади расстилалась огромная лесистая равнина, на ней паслись бесчисленные стада оленей, лоси, косули, сайгаки; поодаль бродили древнейшие белые носороги, в тени деревьев отдыхали гигантские кошки-ягуары, саблезубые тигры, пещерные медведи и сотни других видов животных, вымерших впоследствии. Над головами ребят в небе реял огромный кондор с размахом кожистых крыльев около трех метров.

Вася помнил из какого-то фильма, что эти птицы живут в основном недалеко от океанов, но иногда могут



улетать от них за сотни километров. К концу XX века кондоры встречались только в Южной Африке, хотя этот вид существовал еще во времена поздних динозавров и пережил многих из них.

Дикая, не тронутая еще разрушительным вмешательством человека природа была прекрасна, и мальчику даже стало обидно, когда он подумал, что через несколько десятков тысяч лет все это изобилие животных и птиц сократится, некоторые полностью вымрут, некоторые переселятся в зоопарки и на страницы Красной книги. Всего коснется железная рука цивилизации и оставит после себя только ямы, котлованы, вырубки и асфальтовые петли дорог.

Пока Вася сокрушался, что через двадцать пять тысяч лет кондор почти исчезнет, хищная птица вдруг сложила крылья и устремилась вниз. Мальчик подумал, что она хочет схватить одного из них, но птица не считала их достойной добычей. Она пронеслась мимо, пикируя на соседний уступ, на котором замер зазевавшийся горный баран. Кондор столкнул барана вниз, на скалы, а когда животное прокатилось по камням, вонзил в него когти

и, тяжело взмахивая крыльями, поднялся в воздух. Теперь он летел низко — ноша была нелегкой.

Птица пролетела так близко от ребят, что Вася увидел ее голую голову и шею, почувствовал дуновение ветра от ее крыльев. Он замер, пораженный величиной кондора.

Агам что-то крикнул и махнул ему рукой: мол, ты идешь с нами или собираешься остаться на этой скале совсем? Роса подбежала к мальчику-колдуну и потянула его за рукав. Сообразив, что нужно торопиться, Вася повернулся и стал спускаться вслед за своими спутниками.

Прошло семь дней. Месяц Хода Лосося уступил место месяцу Древесных Соков. Вася стал более выносливым, хоть ноги его и стерлись вначале в кровь, но потом раны зажили, и кожа на ступнях затвердела. Теперь мальчик легко мог идти босиком по каменистым уступам, но остерегался наступать, как Агам, на угли костра, так как еще ощущал при этом боль.

Всю неделю день за днем они шли по горам. Никакие крупные хищники им не угрожали, да и Лесных Людей они больше не видели. Только однажды на скале над ними послышался рык и показалась желтоватая спина барса, прижавшегося животом к камням, приготовившись к прыжку.

— Мы не твои враги и не твоя добыча, барс! — крикнул ему Агам и взмахнул каменным топором.— Возможно, ты и убьешь нас, но и сам будешь ранен и потом умрешь! Пропусти нас!

Барс еще раз зарычал, потом, не сводя с них взгляда, попятился и исчез за изгибом скалы. Это был еще молодой хищник, никогда не встречавший людей. Очевидно, он поджидал в засаде горных винторогих козлов, но, рассмотрев, что это совсем другие существа, поспешил на всякий случай удалиться.

За неделю, проведенную с Агамом и Росой, Вася научился понимать язык пещерных людей и даже сам стал немного говорить на нем. Языку его научила в основном разговорчивая девочка, юноша же был молчуном, и порой

целыми часами от него нельзя было услышать ни слова. Он только кивал и говорил «угу».

Кожа на щеках у Агама обветрилась, он заметно похудел, а его плечи и спина обгорели, потому что, забравшись на горы, они приблизились к костру Того, Кто Зажигает Солнце. Роса и Вася выглядели не на-много лучше.

Воды в горах было мало, и только пару раз им удалось найти в расщелинах скал небольшие ручейки и источники. Но вся беда состояла в том, что им некуда было запастись водой. Правда, у девочки была фляжка, выдолбленная из дикой тыквы, но она подтекала, и воды в ней помещалось совсем немного.

Запасы рыбы тоже подходили к концу, осталось только полрыбины на троих. Но однажды на их глазах два винторогих козла на скале начали бодаться в борьбе за самку, и один из них сорвался вниз на камни. В тот день ребята уже никуда не пошли, а развели костер и коптили мясо, пополняя запасы продовольствия.

Потом Роса нечаянно уронила наполненную водой фляжку, и тыква треснула, поэтому пришлось ее выбросить, и девочка заплакала.

Произошло это в самом конце седьмого дня. Вася вел дням счет, хотя иногда ему казалось, что он сбился.

— Роса разбила тыкву. Теперь Агам, Роса и мальчик-колдун умрут от жажды. Это Роса виновата,— грустно сказала девочка.

— Мы не умрем от жажды, пусть Роса не ругает себя,— успокоил ее приятель.— Сегодня утром Агам смотрел со скалы, горы скоро закончатся, и мы снова выйдем к реке.

— Ты видел со скалы реку? — не поверил Вася, с трудом подбирая слова.— Почему не сказал?

— Агама не спрашивали,— коротко ответил подросток, повернулся спиной и продолжил путь. В XXI веке этот ответ показался бы невежливым, а Агам — чрезмерно скрытным, но для пещерного времени это было нормально.

К вечеру того же дня горы наконец закончились, и ребята вышли на просторную лесистую равнину, на которой паслись огромные стада оленей и зубров. Справа, широко разлившись в пологих берегах, неторопливо несла свои воды Большая Река.

— Как думает Агам, живет тут какое-нибудь племя, которое могло бы принять нас к себе? — спросила Роса. Она долго разглядывала необъятную равнину, но так и не увидела ни одного дымка от костра, который бы свидетельствовал, что где-то рядом есть стойбище.

— Если здесь есть олени и зубры, значит, есть на кого охотиться. Если есть на кого охотиться, значит, много еды, а раз так, то и люди должны быть, — ответил Агам. — Там, где много еды, люди всегда есть.

Он порой высказывал мудрые, хоть и простые истины. Вася вспомнил, что его бабушка, жившая в поселке под Уфалеем и приютившая большую дворнягу Кузьку, любила говорить: «Был бы таз с костями, а собака всегда найдется».

Вечером они разложили у реки большой костер, а потом Агам сбросил с себя шкуру и прямо с берега, разбежавшись, нырнул в воду. За ним последовала Роса. Вася некоторое время колебался, а потом снял с себя кимоно и тоже прыгнул в реку. Прохладная вода приятно холодила кожу. Агам и Роса, плававшие намного лучше мальчика-колдуна и только чуть хуже, чем рыбы, дразнили его, ныряя и дергая снизу за ноги, так что Васина голова скрывалась под водой. Тот возмущенно вопил, колотил кулаками по воде, брызгал в них, но это только больше подзадоривало расшалившихся дикарей.

За ту неделю, что они провели втроем, Агам и Роса перестали бояться мальчика-колдуна, особенно после того, как почти все его книги с заклинаниями послужили на растопку для костра. Вася сохранил только учебники по физике и географии, пожалуй впервые оценив пользу знаний. Если ему предстоит остаться здесь навсегда, то эти учебники будут очень ему полезны. Возможно, знание географии поможет ему определить, в какой точке Евразии он оказался, а учебник физики, в котором описывались десятки полезных опытов и приводились чертежи рычаговых машин, тоже пригодится, ведь практически все, начиная с колеса, придется изобретать заново.

Пока они купались, к реке на водопой пришло большое стадо зубров. Похоже, ребята не совсем удачно выбрали место для отдыха. Зубры, стремясь к воде, затоптали их костер, все оставленные на берегу вещи и оружие. Вася хотел выскочить, но Агам крикнул ему, что это

опасно — огромные зубры могли затоптать и его. По краям стадо охраняли взрослые сильные самцы, а в центре, мыча, сбились в кучу самки и детеныши — лакомая добыча для любого хищника.

Стадо было огромным — около трехсот взрослых животных — и занимало большую часть берега. Поневоле Агаму, Васе и Росе приходилось оставаться в реке.

Зубры пили воду долго, со вкусом, наполняя ею свои забитые травой желудки. Животные не спешили, они все делали медленно и обстоятельно. Время от времени они отрывали от воды свои мокрые морды со стекавшими каплями и грозно ревели. Вожаки были огромных размеров, самый крупный и старый — ростом примерно с носорога. Пока стадо утоляло жажду, вожаки охраняли его покой. Они стояли чуть в стороне и низко ревели, задрав кверху морды. Их шеи раздувались, как трубы, а ноздри с тонкой перемычкой втягивали воздух.

Вожак был около десятка, они с неподвижными, налитыми кровью зрачками, буграми мышц на спине и холке, бородатыми мордами выглядели устрашающе. Широкие дугообразные рога самцов загибались спереди и имели острые отполированные концы, которыми можно было насквозь проткнуть тигра или вспороть живот и подбросить наглого волка.

С краю, вспахивая берег копытом, стоял главный зубр — вожак вожakov, самый крупный и сильный, именно ему подчинялось все стадо, и у него было больше всех самок и детенышей.

Зубры считали себя хозяевами равнины, находясь в стаде, они могли справиться и с саблезубым тигром, и с пещерным медведем, и с волками, и с красными львами, и тем более с мелкими хищниками.

Более уязвимы были детеныши и стельные самки. Именно их в первую очередь хищники старались отбить от стада, но чаще всего все их попытки пресекались, и путь им преграждали рога взрослых самцов, которые бросались в атаку, заставляя хищника отступить.

Стада зубров никому не уступали дороги. Они боялись только мамонтов, намного более крупных, чем зубры, с громадными острыми бивнями, но мамонты появлялись в этих краях исключительно редко, только если их вытеснял ледник или на северных пастбищах была сильная засуха.

Около получаса ребятам пришлось провести в воде, пока зубры неторопливо пили, зайдя в реку по брюхо. Наконец вожаки замычали и погнали стадо на равнину. Эти животные паслись и днем, и по ночам по шестнадцать часов в сутки. Для того чтобы набить травой огромные желудки и восстановить потерянный зимой вес, требовалось много времени. К тому же в эту пору начался новый брачный сезон (те зубрята, которые находились сейчас в стаде, были годовалые), и между самцами постоянно происходили схватки из-за самок. Многие из «женихов» украшали раны на плечах, сбитые концы рогов, они были раздражены и злы. Иногда чем-нибудь взбешенные зубры начинали атаковать деревья и камни.

Сейчас, уже уходя от реки, один из самцов вдруг увидел белое кимоно Васи, и оно ему почему-то не понравилось. Зубр — крупный и злой вожак — замычал и стал бодать кимоно рогами и топтать.

— Не смей этого делать! — завопил из воды Вася, но великана уже нельзя было остановить. Истоптав форму айкидиста и проделав в ней десяток дыр, он вдруг вскинул голову, и кимоно, зацепившись за рог, закрыло ему морду. Ничего не понимая, зубр гневно замычал и стал трясти головой, решив, что противная тряпка на него напала. Но чем сильнее он тряс головой, тем больше запутывался в кимоно. Продырявленная одежда висела на его рогах и заслоняла глаза. Вожак, ничего не видя, перепуганно и тревожно взревел и бросился на равнину, на бегу тряся мордой. Стадо помчалось за ним.

— Кимоно, кимоно оставь! Что я надену? — кричал Вася, но стадо было уже далеко.

Роса и Агам вышли на берег и проверили, что уцелело после нашествия зубров. На всех вещах и шкурах остались следы копыт, имущество ребят было растащено по берегу на несколько десятков локтей вокруг. Потребовалось немало времени, чтобы все собрать.

Костер был растоптан, копые Агама треснуло у наконечника, очевидно, зубр наступил на него. Сумка Васи лежала чуть в стороне, у камня, к счастью, животные обошли ее стороной, и Агам обрадовался, потому что в сумке мальчика-колдуна, с его точки зрения, были сокровища — острый нож из неизвестного материала и волшебная штука, высекавшая огонь (зажигалка).



Агам обернулся, чтобы сообщить мальчику-колдуну, что его сумка цела. Он поразился, что Вася еще сидит по шею в реке, дрожа от холода с синюшными губами.

— Почему мальчик-колдун все еще сидит в воде? Он же весь посинел от холода! — удивился Агам.

— Наверное, он стесняется, потому что голый. Зубры унесли его одежду,— сказала Роса, спокойно надевая на свое мокрое тело подаренную ей когда-то рубашку, а сверху еще шкуру.

Потом девочка перепоясалась свитером Васи, явно считая его уже своим. Бывший владелец свитера с тоской смотрел из воды, как ребята одеваются. Сообразив, что не может находиться в реке до бесконечности, а пещерные подростки не собираются ничего для него делать, он вырвал со дна реки пучок каких-то водорослей и, перепоясавшись ими, выбрался из воды.

— Зачем мальчик-колдун сорвал водоросли? — удивилась Роса.

— Он заклинает Духа Реки,— уверенно объяснил Агам.

Он сидел на корточках и сгребал угли, чтоб развести чуть в стороне под защитой камня новый костер.

Вася незаметно пробрался мимо девочки и, схватив снятую недавно Агамом с горного барана шкуру, быстро обернул ее вокруг пояса. Увидев свое отражение в спокойных водах реки, он понял, что выглядит точно так же, как и его пещерный сверстник.

Итак, его превращение в пещерного человека произошло. Отныне он — житель каменного века.

Глава шестая

МАМОНТЫ

— Почему Ташуб такой печальный и ничего не ест?

— На него наступил мамонт.

Шутка пещерных времен

Ночью Агам, Роса и Вася проснулись от гула. Гудела и сотрясалась вся равнина. Вначале они думали, что началось землетрясение, но потом поняли, что в долину пришли мамонты.

Послышался далекий рев, менее сильный и не такой звучный, как зубров. Он предупреждал о появлении самых сильных и могучих животных из тех, что жили в то время на Земле. Только один северный носорог в шерстяной шубе, слепой в своей ярости, все больше оттесняемый к югу ледником, бросал иногда мамонтам вызов, нацеливая свой острый рог им в брюхо.

Мамонты в тот период не знали себе равных в борьбе за существование. После того как несколько сотен тысяч лет назад с Земли постепенно исчезли все более крупные виды, мамонт, сумевший уцелеть, занял верхнюю ступень в иерархии. Он был ловок, намного подвижнее современных слонов, мог перемещаться в горах, маневрируя между ледниками, спокойно переносил холод, обладал развитым мозгом и хорошей памятью. Хоботом мамонт мог поднимать с земли даже самые мелкие камешки или обламывать с верхних веток вкусные молодые побеги.

Этот гигант был гурманом: не любил есть что попало, как зубры, выбирал всегда только самое вкусное. Но его мощный желудок мог переваривать во время зимних холодов даже самую грубую пищу и древесную кору.

Жили мамонты долго, до шестидесяти — восьмидесяти лет, некоторые — и до ста. Правда, плодились они нечасто, и потомство их росло тоже медленно. Их самки, как и самки слонов, их младших братьев, вынашивали детенышей до двух лет, а потом еще почти десять лет выросшие «малыши» ходили за матерью, достигая зрелости только к восемнадцати — двадцати годам.

Если впоследствии мамонты и проиграли в борьбе за жизнь, то только потому, что человек научился охотиться на них, истребляя этих гигантов так же сосредоточенно и методично, как американцы в свое время уничтожили всех бизонов, огромные стада которых вплоть до начала девятнадцатого века населяли почти весь северный Американский континент.

Впрочем, в гибели мамонтов виноваты были также резкие климатические изменения и внезапные наступления ледников, отрезавшие их от пастбищ. На сокращении поголовья отразилось и то, что гиганты редко плодились и были травоядными.

Уже тогда, около тридцати тысяч лет назад, эволюция пошла по пути выживания всеядных видов, которые легко переключались с растительной пищи на животную, таких, например, как дикие свиньи или медведи, которые не прочь были полакомиться порой отбившимся от стада олененком, подобрать остатки чужой добычи или собирать на мелководье дохлую рыбу. Впрочем, не только дикие свиньи и медведи, люди тоже были всеядны, и это помогало им выживать во время затяжных холодных зим, когда почва промерзала на несколько локтей.

Но пока мамонты находились в силе, до времени их упадка было еще далеко, и гигантам все уступали дорогу. И сейчас тонконогие сайгаки с хоботообразным носом, маленькие коренастые лошадки, бородатые муфлоны, ветвисторогие олени и глупые крикливые дикие ослы, обладавшие самыми громкими голосами, все встревоженные, метались по равнине, стремясь как можно скорее освободить дорогу мамонтам.

Только старый кабан с желтыми клыками и грязной щетиной, командующий целой ордой свинок с поросятами, возбужденный и обозленный визгом своего стада, грозно похрюкивая, наклонял к земле морду, как бы собираясь перейти в атаку, но при приближении мамонтов, оценив силу врага, подал своему стаду сигнал к отступлению, а сам побежал последним, прикрывая его.

Мамонты шли не торопясь, не замечая происходившей вокруг них суматохи, совершенно равнодушные к поднятому ими переполоху. Впереди стада шли вожаки — пять взрослых самцов, огромных, с ногами, похожими на колонны, с кожистыми ушами, намного короче, чем у индийских слонов, поросшие сплошной, довольно длинной шерстью, с застрявшими в ней репейниками. Бивни мамонтов, закругленные кверху, достигали двухметровой длины. Кость их бивней была желтоватой, но на краях, которым чаще всего доставалось в схватках и которыми животные взрывали землю или опрокидывали деревья, бивни были отполированы до белизны.

Сложилось мнение, что мамонты, как и слоны, были очень спокойными, дружелюбными и неповоротливыми животными. Возможно, в отношении слонов это и верно,

но мамонты были совсем другими: более умными, подвижными, могли развивать скорость до тридцати километров в час, но выведенные из себя, легко приходили в ярость, в неистовстве кололи бивнями и так затапывали бросившего им вызов врага в землю, что от него оставалась лишь кровавая лепешка. Нередко мамонты первыми атаковывали зубров, буйволов или тигров, которые не спешили уступить им дорогу или слишком близко подошли к стаду.

У крайнего вожака-великана левый бивень был слегка отбит, очевидно, во время недавних схваток, когда мамонты определяли главенство в стаде или делили самок. Впрочем, столкновения между гигантами редко оканчивались смертельным исходом: шкура выдерживала любые удары, да и победитель обычно не преследовал более слабого. Каждую весну, в месяц Хода Лосося, когда у этих великанов начинала бурлить кровь, они обычно заново устанавливали иерархию.

Впрочем, все мамонты — и победители и побежденные, и самки с детенышами, и молодые, и старики — в соответствии с заложенным в них природой инстинктом, держались вместе. Стада их насчитывали порой тридцать—сорок голов, а если равнины плодородны и способны прокормить больше гигантов, то численность достигала и пятидесяти голов.

Агам, Вася и Роса отскочили в сторону под защиту большого обломка скалы, чтобы не быть затоптанными идущим к воде стадом. В клочьях предрассветного тумана мелькали огромные сероватые туши мамонтов, которые подходили к реке и, зайдя в нее, опускали в воду свои длинные хоботы. Раздавались низкие трубные голоса, плеск воды, изредка из тумана при свете луны вырисовывались очертания морды одного из гигантов с длинным белым бивнем.

Вася смотрел на потрясшее его зрелище не отрываясь. Он знал, что был единственным человеком своего времени, который сумел увидеть такое.

— Мамонты пришли, — сказал Агам. — Это значит, ледяная гора опять наступает. Охотник из равнинного племени был прав.

— Может быть, просто засуха? — робко спросила Роса.

— В месяцы Пробуждения Древесных Соков и Хода Лосося не бывает засухи,— уверенно заявил подросток.— Недавно несколько лун продолжались дожди, а до этого сошли талые снега. Это не засуха, это идет ледяная гора.

— А когда ледяная гора придет сюда? — поинтересовался Вася, догадавшись, что речь идет о леднике.

— Этого никто не знает. Может быть, через две ладони лун, а может быть, следующей весной. Ледяная гора движется медленно, иногда дорогу ей преграждают скалы, и тогда она возвращается. Но если ледяная гора все-таки придет, то тогда добычи станет мало и Камышовым Котам придется уходить за реку.

— Нас изгнали из племени, но там остались наши матери, сестры, братья и семьи,— грустно сказала Роса.— Сейчас мы хотя бы знаем, в какой стороне их искать. Если придет гора и они уйдут с племенем, мы их потеряем.

Агам задумался.

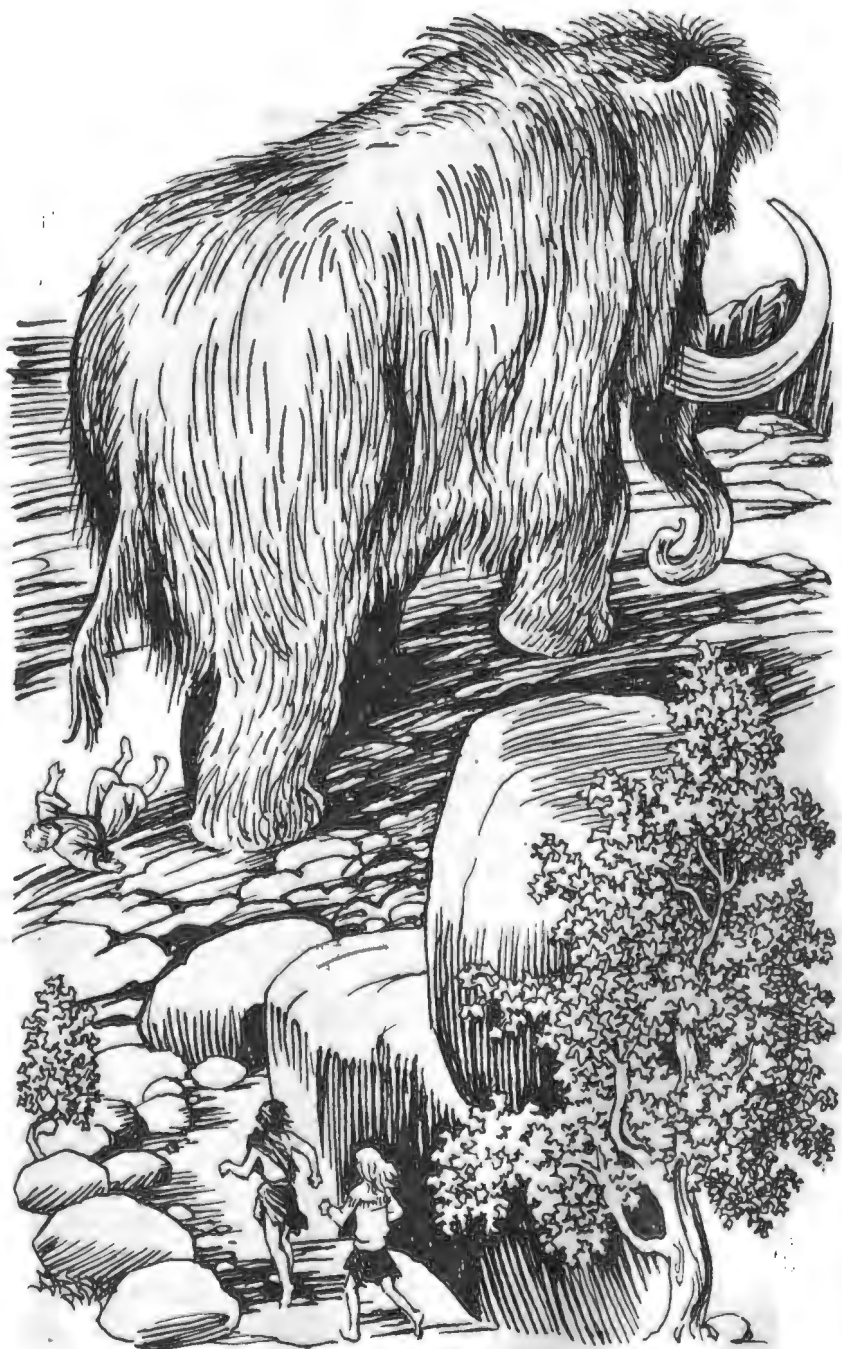
— Мне бы не хотелось оставлять Рынну и Омру,— сказал он.— Но у нас еще есть время — ледяная гора далеко. Если бы она была близко, то мы узнали бы об этом.

Вася, не сводивший восхищенного взгляда с мамонтов, не заметил, как вышел из-за обломка скалы и сделал несколько шагов вперед. Неожиданно из сумрака выскочил гигант и пронесся к воде совсем близко от мальчика, почти на расстоянии вытянутой руки. Животное было огромным и серым, к счастью, оно не заметило Васю, спеша к водопою.

Отклонившись в сторону, мамонт задел мальчика боком, и тот упал, отброшенный этой махиной почти на метр. Пытаясь удержаться, Вася задел ладонью за хвост великана. Огромная нога опустилась на землю совсем близко от парня, и он едва успел перекатиться на бок.

Но мамонт и не думал нападать, он с плеском погрузился по брюхо в воду и окунул в нее хобот. Подступ к реке в этом месте был широким, и все большое стадо смогло поместиться без давки, которая, несомненно, возникла бы в более узком месте.

Агам и Роса помогли Васе подняться и утащили его за скалу. Мальчик не пострадал, если не считать царапин



на спине, потому что, когда мамонт задел его боком, Вася отлетел на колючий кустарник.

— Мальчик-колдун очень смелый, — восхищенно сказала девочка. — Он хотел поймать мамонта за хвост, а потом раскрутить над головой и шмякнуть его о камень, чтобы у Росы было много мяса.

— Это неправда, — сказал Агам. — Мальчик-колдун не смог бы победить мамонта.

И оба дикаря посмотрели на Васю, ожидая от него ответа. Но тому не хотелось отвечать ни «да», ни «нет», поэтому он глубокомысленно пожал плечами, позволяя ребятам думать так, как они считают нужным.

— Агам обещал Росе убить для нее мамонта. Сейчас он может выполнить свое обещание, — насмешливо напомнила девочка. Она забралась на камень и смотрела на стадо, которое теперь все было в воде, так что река даже вышла немного из берегов.

Пещерный подросток нахмурился:

— Агам мог бы напасть на мамонта хоть сейчас, если бы зубр не сломал его копые.

— Подумаешь, нет копыя. Есть же топор или прямо голыми руками! — настаивала Роса, которой хотелось немного подразнить своего приятеля.

Постепенно стало рассветать. Ключья тумана становились все более прозрачными. Тот, Кто Зажигает Костер Солнца уже приступил к своей ежедневной работе, которая длилась много миллиардов лет.

Но прежде, чем стало совсем светло, друзья оказались свидетелями битвы, происходившей в природе тысячи раз до них и еще столько же раз после.

Из темноты крадучись показался красный лев — очень крупный и сильный хищник, не уступавший по размерам пещерному медведю. Тело красного льва было гибким и ловким, а морда — короткой, со страшными нижними клыками, выдающимися вперед и смыкающимися с верхними клыками, чуть более короткими, поэтому зверь был способен резать ими мясо как ножницами. Хищник крался к мамонтам, прижавшись брюхом к высокой траве, и только его хвост хлестал по земле.

Зверь наметил себе молодого мамонтенка, отбившегося от стада. Он вышел из воды, хотя его мать еще пила и взрослые животные были пока в реке. Красный лев

никогда прежде не сталкивался с мамонтами и не знал их силы, но вид упитанного мамонтенка привлек его. В природе принято убивать чужих детенышей, чтобы прокормить своих. Закон дикой природы гласит: «Если ты хищник, убей, когда ты голоден, но не убивай просто так».

Красному льву удалось подкрасться незамеченным, потом он издал резкий рык и, взметнувшись в воздух, пролетел до добычи, ударив мамонтенка лапой и процертив на его спине четыре длинных кровавых борозды. Но не успел хищник сомкнуть на горле жертвы свои клыки, как испуганный детеныш с громким визгом кинулся к реке, волоча за собой льва, а из воды ему навстречу уже бежали вожаки, гневно трубя и высоко подняв хоботы. Их бивни были выставлены вперед, а маленькие заплывшие глазки горели яростью. Мамонты двигались быстро и проворно.

Увидев, что на него надвигается несколько гор, красный лев зарычал и отпустил свою жертву. Но запах крови его возбудил, и он не хотел отказываться от добычи.

Лев прыгнул и, повиснув, вонзил свои когти в хобот ближайшего мамонта. Тот затрубил от ярости и боли: хобот у великанов — очень уязвимое место. Страхнув с себя хищника, он поддел его на бивни и легко отбросил в сторону. Потом остальные гиганты набросились на зверя и стали топтать его. Хищник уже давно перестал двигаться, а мамонты все продолжали его атаковать, наступая на него, пока от льва не осталась только одна шкура.

Поблизости, подвывая и горя желанием поскорее приступить к пиршеству, собрались виверры, шакалы и гиены. Обычно они сопровождали красного льва на охоте, надеясь, когда он насытится, полакомиться остатками его добычи, но теперь, когда тот погиб, они ждали только, чтобы отошли мамонты, торопясь позавтракать еще теплым мясом льва.

А на берегу мать бережно ошупывала хоботом спину раненого малыша, который все еще продолжал с перепугу повизгивать, и смывала водой кровь с его спины. Насколько мог видеть Агам, рана бедняги была несерьезной и через несколько лун полностью зарубцется.

— Если бы красный лев не промахнулся в прыжке, он убил бы мамонтенка и утащил бы его в заросли,— сказала Роса.— Красному льву не повезло на охоте.

После нападения мамонты были не на шутку возбуждены и разгневаны, они готовы были наброситься на любое животное, которое окажется рядом. Мамонты-вожаки гневно трубили и то и дело принимались снова и снова топтать останки льва, отгоняя скулящих шакалов. Самки с детенышами сбились в кучу, хотя некоторые, самые спокойные, продолжали пить воду.

Ребята поспешили укрыться за скалой, чтобы не тревожить гигантов.

— Мамонты очень сильные,— восхищенно сказал пещерный мальчик.— Агам хотел бы быть таким же сильным.

— Для этого Агаму нужно есть траву, как мамонту. Можешь начинать прямо сейчас.— Роса с насмешкой сорвала пучок травы и протянула ее приятелю, но тот гневно отшвырнул траву в сторону.

— Роса сама может есть траву, только она станет не мамонтихой, а дикой ослицей! — крикнул он, чем очень рассмешил подругу.

Вася начал уже привыкать к пещерному юмору и готов был даже признать, что кое у кого из их класса с чувством юмора было даже похуже.

Они стояли за камнем, пока стадо мамонтов не ушло за своими вожаками на равнину. Там еще долго были видны темные точки, а потом великаны перекочевали к опушке леса, где трава была сочнее и пробивались молодые побеги ивняка и краснотала, горьковатые на вкус, но любимые мамонтами больше других.

Шакалы с воем и повизгиванием дрались за останки мертвого льва, желтые пятнистые гиены с короткими хвостами норовили урвать себе кусок побольше и оттащить его в сторону. С неба к мертвечине уже слетались стервятники, но шакалы лаяли на них и пытались схватить за крыло, поэтому птицы пока держались в стороне, хотя самые жадные из них подскакивали боком, хватали кусок мяса и моментально заглатывали его, отчего их голые розовые шеи на мгновение раздувались. Но потом какой-нибудь шакал бросался на стервятника, и птица поспешно взлетала. Ощущение было такое, что и стервятники

и шакалы хорошо знают друг друга и находятся в состоянии спокойной уважительной вражды, как сообщники и вместе с тем конкуренты.

— К вечеру от красного льва останутся лишь кости,— сказал Агам.— Я хочу взять его клыки и сделать из них ожерелье.

— Клыки его приносят счастье и отгоняют злых духов,— важно объявила Роса.— На один клык льва или тигра можно выменять новое копье или десять вяленых рыббин.

Агам отогнал шакалов и стервятников горящим суком и вскоре вернулся со львиными клыками. Всего их было четыре — два верхних и два нижних. Два клыка он оставил себе, один отдал Росе и один щедро протянул Васе.

— Мальчик-колдун должен знать, что эти клыки делают охотника смелым и передают ему часть ловкости и мощи льва, поэтому он становится непобедимым,— заявил юноша.

Вася хотел сунуть клык льва в сумку, но Агам покачал головой.

— Его нужно повесить на кожаный шнурок и носить на шее,— сказал он.

— Или вдеть в нос,— добавила Роса.— Хочешь я помогу тебе проткнуть нос острой костью? Или ты хочешь вставить клык в ухо?

— Лучше я буду носить его на шнурке,— поспешно заявил мальчик.

Уже совсем рассвело, и туман развеялся. Зорким глазам Агама равнина была видна на много тысяч локтей вокруг. Ее обитатели стали успокаиваться после внезапного нашествия мамонтов. Муфлоны то появлялись, то исчезали, небольшими стадами носясь по равнине. Огромный гриф с распростертыми крыльями парил в вышине.

Справа возвышались белые горы из ракушечника. Вдоль гор раскинулись непроходимые древесные заросли. Исполинские баньяны, стройные пальмы с раскидистыми листьями, похожими на перья, сменялись небольшими буковыми рощицами, а чуть поодаль виднелись темные влажные стволы дубов и цветущих каштанов. Заросли

бамбука, довольно редкого в тех местах, ползли вверх по склону.

Но взгляд Агама больше привлекали животные, так как к растительности он давно привык и она не вызывала его удивления. Он только отметил, что из бамбука могли бы получиться неплохие стрелы, лучше даже, чем из камыша, но в долине их племени бамбук не рос.

Невдалеке мимо них, вероятно, встревоженное визгливым лаем шакалов и гиен, пронеслось стадо антилоп. Чуть в стороне, у притока, бродили дикие лошади — близкие родичи куланов, которые сейчас встречаются лишь в пустынях Ирана, Месопотамии, Сирии и Северной Аравии. Тогда же они были распространены значительно шире. У притока паслись и дикие ослы.

Рядом с ними пощипывали траву гауры, дикие быки очень крепкого сложения, коротконогие, массивные, но уступавшие зубрам в силе.

Агам натянул лук и со второй стрелы подбил самолюбленного фазана в шегольском наряде, который красовался перед своей самкой на ветвях баньяна. Со стрелой в крыле фазан упал с дерева, и Агам без труда нашел его и свернул птице голову.

Все это он сделал с таким олимпийским спокойствием, что Вася еще раз поразился крепким нервам своих пещерных предков. Ошипав фазана, Агам поджарил его на костре, а потом, когда костер погас, запек в углях. К этому времени Роса вернулась с полной корзиной диких яблок и какими-то непонятными желтоватыми плодами в твердой кожуре, оказавшимися очень приятными на вкус, хоть кожуру и пришлось очень долго разбивать камнем.

Вася, желая принять посильное участие в приготовлении обеда, полчаса бродил по мелководью с острогой, но так никого и не поймал бы, если бы в палец его босой ноги не вцепился клешней здоровенный рак, и мальчик с воплем запрыгал на одной ноге. Но потом, сообразив, что раки — это деликатес, он поймал еще с десяток, которых Роса запекла в углях вместе с фазаном. Это и стало его вкладом в пиршество.

После сытного завтрака Агам и Роса легли в тени дерева и проспали до полудня. Вася уже привык к тому, что пещерные люди спят, когда наедаются, не обращая

внимания, день сейчас или ночь. Причем часто они днем спят, а ночью, перед рассветом, бодрствуют, потому что именно в это время, когда начинают гаснуть звезды, выходят на охоту крупные хищники, сопровождаемые целыми стаями приживалок — шакалов и гиен.

Вася тоже прилег в густую тень каштана, цветущего нарядными белыми свечками, несколько раз зевнул, подумал о том, что ни за что не заснет после завтрака, не такой уж он дикарь, чтобы спать после каждого приема пищи, потом, снова зевнув, стал следить, как шевелится листва на каштане, а в ней прыгает такая-то маленькая красногрудая птичка, такая толстая и взъерошенная, как будто ее надули...

Мальчик не заметил, как заснул, и спал намного дольше полудня, наверстав отдых за все предыдущие бессонные ночи. Примерно в шесть вечера, когда солнце уже понемногу сползло к закату, его вдруг растолкали.

Вася поднял голову и хотел спросить, в чем дело, но Агам зажал ему рот ладонью и показал рукой куда-то влево, на равнину. Он и Роса уже не спали, лежали в высокой траве и разглядывали что-то происходившее прямо перед ними на лугу.

Вася хотел встать, но Агам сразу же дернул его за ногу, и тот повалился на землю.

— Тебя заметят,— прошипел пещерный подросток.— Если тебе надоела твоя жизнь, мальчик-колдун, то нам наши не надоели.

Сообразив, что нужно молчать, Вася раздвинул траву и увидел на равнине, на расстоянии около ста метров от них, несколько фигурок, пересекавших ее наискось и направлявшихся к лесу. Он вгляделся и рассмотрел у них в руках копья и палицы. Это были Лесные Люди, примерно десять человек. Чуть впереди них, озираясь, скользила маленькая фигурка с луком. Мальчик готов был поручиться, что это тот самый таинственный желтый человек, который убил стрелой воина из племени Камышового Кота.

— Лесные Люди не видят нас,— прошептала Роса.— Нам повезло, что мы спали в густой траве.

Агам что-то сосредоточенно бормотал, загибая поочередно пальцы.

— Лесных Людей — две ладони,— сказал он.— В прошлый раз после сражения их оставалось одна ладонь, один и еще один.— И Агам выдвинул два пальца.— Это значит, что к пещерным людям присоединились новые воины.

— Неужели они шли через горы по нашим следам? — спросила девочка.

— Скорее всего, пещерные люди приплыли по реке. На мелководье, где вчера купались мамонты, я видел плот. Думаю, после того как мы убежали, Лесные Люди сражались с Камышовыми Котами и проиграли битву. Двое из Лесных Людей ранены. Тогда они погрузились на плот и отступили по реке. Хорошо еще, что мы потушили костер, иначе бы они нашли нас по дыму и убили.

— А что заставило Лесных Людей нападать на Камышовых Котов? Здесь кроется какая-то тайна,— предположил Вася.

— Мальчик-колдун прав. Неплохо бы это узнать,— согласился с ним Агам.— Оставайтесь здесь, а я проберусь следом за Лесными Людьми и послушаю, о чем они говорят.

— Разве Агам знает язык Лесных Людей?

— Лесные Люди говорят на языке, похожем на язык племени Агама,— ответил пещерный юноша.— Должно быть, когда племя Лесных Людей не было еще в упадке, его воины брали жен из племени Камышовых Котов, а воины из племени Агама женились на девушках Лесных Людей, но это было давно-давно. Потом племя Лесных Людей чем-то прогневало Духов Огня и Реки и стало вырождаться. Теперь они женятся только на своих сестрах... Но язык все еще похож на наш... Ждите меня, я скоро вернусь.

И он быстро пополз по траве вслед за Лесными Людьми.

— Я пойду с тобой,— предложил Вася.

Агам перестал ползти и оглянулся.

— Если мальчик-колдун пойдет со мной, об этом скоро узнает весь лес. Мальчик-колдун производит больше шума, чем гиппопотам, когда выходит из воды. Пускай он лучше охраняет Росу, пока Агам не вернется.

— Я не хочу, чтобы Агам уходил! — взволнованно прошептала девочка.— Лесные Люди и зоркий желтый че-

ловек, который посылает стрелы на сто локтей, убьют Агама.

— Агам будет осторожен, а когда вернется, все мы погрузимся на плот Лесных Людей и поплывем дальше по реке,— пообещал пещерный подросток и исчез в траве.

Он привык охотиться на уток, и теперь полз так быстро и ловко, что Вася едва замечал, как шевелится трава. Уже на расстоянии десятка локтей можно было подумать, что это просто степной ветерок колеблет травянистый покров.

Глава седьмая

РАЗВЕДКА

Сражайся и борись, пока ты дышишь. А иначе зачем ты дышишь?

Мудрость каменного века

Агам следовал за Лесными Людьми на некотором отдалении, стараясь держаться против ветра, чтобы они не услышали шороха травы. Он с детства охотился в сухом камыше на уток и лебедей, имевших очень чуткий слух и взлетающих при первой же опасности, так что теперь ему не стоило большого труда бесшумно красться вслед за желтым человеком и его воинами.

Лесные Люди шли медленно, тяжело, не оглядываясь, их мощные спины были ссутулены, а длинные руки свисали ниже колен. Около сотни лет назад их эволюция в результате родственных браков вернулась назад, к неандертальцам: надбровные дуги утяжелились, скелет стал мощнее, руки удлинились. Они еще не разучились пользоваться огнем, но уже с трудом делали себе оружие из дерева и камня, и самая простая ситуация, когда требовалась работа мысли, порой ставила их в тупик.

Лесные Люди очень устали после того, как плыли по реке две ночи, спасаясь от погони. Некоторые из них были ранены. Последняя битва с Камышовыми Котами дорого им обошлась. Агам догадался, что Уа-Аях сумел убежать и привел в долину воинов своего племени. «Интересно, Уа-Аях знает, что мы живы? Он мог взять ка-

кого-нибудь раненого в плен и, прежде чем убить, расспросить его», — думал подросток. Он знал, что Уа-Аях и Медвежий Клык очень жестоки, и не сомневался, что, если те узнают, что беглецы живы, будут преследовать их до конца.

Желтый человек шел впереди всех осторожно и легко. Он чутко реагировал на любой звук и читал следы у себя под ногами. Внезапно он остановился у кучи, оставленной мамонтом, и, копнув ее наконечником стрелы, определил, что она еще теплая и не успела застыть, значит, гиганты были здесь совсем недавно.

Агам видел, что желтый человек задумался. Лицо у него было маленьким, без морщин, и вытянутая голова гладко выбрита, только на макушке оставалось немного волос. Желтый человек был ростом намного ниже любого из Лесных Людей и по сравнению с ними выглядел хилым, как ребенок. Но двигался он быстро, легко, и очевидно, его не коснулись следы вырождения, как Лесных Людей.

Агам предположил, что желтый человек был из рода пигмеев, которые жили в низовьях реки намного южнее. О том, что такой народ существует, рассказывал ему когда-то старик, приплывший по реке на плоту. Этот старик хоть и принадлежал, очевидно, к одной расе с желтым человеком, но был из другого племени. Ведь, по словам чужеземца, его племя было уничтожено желтыми людьми, очень воинственными и решительными, которые напали ночью большим отрядом, и он спасся только потому, что успел уплыть на плоту.

Желтое племя, к которому принадлежал человек, ведущий теперь Лесных Людей, в развитии опережало племя Камышовых Котов на несколько тысячелетий. Этому народу были уже известны секреты плавки мягких металлов, растительные яды, которыми они пропитывали стрелы и копья, двухсторонняя заточка кинжалов и другие новшества. У желтого племени начала даже зарождаться первая иероглифическая письменность, пока еще в форме рисунков и примитивных знаков. Эти рисунки наносились на влажные глиняные таблички, которые потом подсушивались над костром.

Более того, желтые племена, сражаясь друг с другом, уже стали объединяться в первые племенные союзы, ко-

которые через много тысяч лет привели к зарождению Китайского и Монгольского государств.

Интенсивно развиваясь, желтые люди всюду рассылали своих лазутчиков, которые приносили им сведения о соседних племенах, их военных достижениях и изобретениях. Слабые племена эти воинственные люди уничтожали, а у сильных стремились перенять их секреты производства оружия, высекания огня, навыки простейшего земледелия и скотоводства. Так, крупица за крупицей у желтых племен начало складываться первое в мире элементарное общество.

Позднее они переживут еще несколько периодов спада и расцвета. Гонка по рубежам истории длиной в тысячелетия, сопровождалась своими взлетами и падениями. В конечном счете в этой гонке победил самый терпеливый, выносливый и плодовитый народ, следующий в своем развитии четким и постоянным ориентирам.

Обо всем этом Агам, разумеется, не знал, но он догадывался, что желтый человек с луком — лазутчик из своего племени, по неизвестной причине спустившийся далеко вниз по реке. Возможно, этот пигмей попал сюда случайно, потому что был один, а возможно, те, кто были с ним, погибли в долгом пути, и уцелел только этот лазутчик.

Пигмей шел целеустремленно, часто оглядываясь. Неожиданно он остановился и пристально всмотрелся в траву там, где прятался Агам, хотя мальчик был уверен, что крался совершенно бесшумно. Подросток замер в оцепенении. Желтый человек, потянувшись к луку, сделал несколько шагов в его сторону, и Агам решил, что тот его заметил. Но в это время рядом с мальчиком промчалась лань, отставшая от стада, спешившая нагнать его, и очевидно, пигмей решил, что именно топот ее копыт он услышал. Кто-то из Лесных Людей швырнул в лань камнем, но не попал, и его спутники захохотали над неудачей собрата.

Пигмей повернулся, крикнул что-то и, махнув отряду, снова направился к лесу. Теперь Агам стал еще осторожнее и не решался приближаться к Лесным Людям более чем на двести локтей, то есть на расстояние полета стрелы желтого человека.

Недалеко от леса пигмей вновь удивил мальчика своей меткостью. Из зарослей выскочила свинья с подрощенными поросятами, видимо торопясь к водопою, но, обнаружив на своем пути препятствие, с испуганным визгом бросилась в заросли. Один из поросят замешкался, и желтый человек всадил в него стрелу, почти не целясь, хотя тот был примерно на сто локтей от него.

Раненый поросенок завизжал и свалился в траву, в боку у него торчала стрела с опереньем из гусиных перьев. Наличие их на стреле пигмея поразило Агама, потому что стрелы у его народа еще не имели оперенья и вращались в воздухе вместо того, чтобы лететь прямо и точно в цель.

Не останавливаясь, свинья скрылась в зарослях, уводя остальной выводок, а раненого поросенка прикончил ударом палицы один из Лесных Людей. После этого он закинул добычу на плечи и догнал остальных. Войдя в заросли, желтый человек остановился и стал разводить костер.

Когда пламя начало потрескивать, пигмей еще раз окинул взглядом равнину и, убедившись, что все спокойно, присел у костра. Один из Лесных Людей протянул поросенка длинной палкой и стал коптить его над огнем. Это действие, очевидно, было подсказано желтым человеком, потому что обычно Лесные Люди ели мясо сырым и запивали его кровью, чего никогда не делали Камышовые Коты и другие более развитые племена.

Агам, держа весь отряд в поле зрения, подкрался к ним и спрятался в тени раскидистого куста на опушке на расстоянии около тридцати локтей от них. Ветер дул с их стороны, и мальчик мог даже слышать разговор воинов.

— Мы оторвались от погони?

— Да, их плот перевернулся на перекатах. Камышовые Коты вернулись к своему стойбищу.

— Мы не будем нападать на них снова?

— Этого делать не нужно. Пленный, которого мы убили, сказал, что они ничего не знают об упавшем в лесу камне.

— Но они должны были видеть, как он падал. За ним вился очерченный огненный хвост.

— Они думали, это Дух Огня воюет с Тем, Кто Живет В Верхнем Мире.

— Сяомун говорит, это в трех днях пути отсюда.

— Туда нельзя доплыть по реке?

— Нет, он упал в чаще, там нет реки...

— Из Камышовых Котов никто не знает, что это было на самом деле?

— Никто. Только шаман мог знать, но мы убили его.

Желтый человек встал и требовательно крикнул высоким голосом с сильным акцентом. Он плохо говорил на языке Лесных Людей.

— Замолчите, тупицы! У леса есть уши! Жилище Духа Огня должно принадлежать моему народу! Когда Дух Огня будет у меня в руках, все вы получите много еды, хорошее оружие и женщин. А пока делайте то, что я говорю, и держите языки за зубами, пока они у вас целы!

Лесные Люди после этого окрика замолчали. Они боялись желтого человека и во многом зависели от него, видимо понимая это своими примитивными мозгами.

Агам припомнил, о каком Духе Огня шел разговор. Как-то зимой, уже в сумерки, небо прочертил длинный огненный хвост. Камышовые Коты выскочили из пещер и увидели, как что-то, похожее на раскаленный камень, проносится в небе, приближаясь к земле. Потом этот странный предмет упал где-то за горами, и через несколько минут до них донесся гул, как от обвала, и земля задрожала. Агам тогда залез на высокое дерево, чтобы лучше видеть.

Из верхней пещеры был срочно вызван колдун. Торах заявил, что это Верхний Дух, властвующий над Верхним миром, за что-то изгнал Духа Огня, поссорившись с ним, и скинул его на землю.

Должно быть, Лесные Люди тоже видели, как падает огненный камень, и рассказали об этом желтому человеку, а тот захотел увидеть жилище Духа Огня и раскрыть секрет колебаний земли, надеясь, что это принесет его племени еще большее могущество.

Теперь все стало на свои места. Лесные Люди и желтый человек пробирались за Духом Огня по охотничьим территориям племени Камышовых Котов, потому что это была самая короткая дорога. Здесь их заметил Родрах и

поднял тревогу. Пытаясь скрыться, Лесные Люди наткнулись в чаще на колдуна, который что-то успел услышать, чего не должен был знать. Желтый человек убил шамана, а потом Лесные Люди направились к скалам, где наткнулись на Уа-Аяха и воинов и заманили их в засаду, из которой вырвался один только предводитель. Затем они соединились со вторым небольшим отрядом, и число лесных воинов увеличилось до трех ладоней. Потом они вновь вступили в битву с Камышовыми Котами, потеряли несколько человек, но им удалось уплыть от погони, и после нескольких дней плавания они оказались здесь, на равнине Мамонтов, где их случайно и заметил Агам.

Выяснив это, подросток незаметно отполз от них, пока не скрылся в чаще. Убедившись, что его не заметили, он побежал вдоль опушки леса к реке, где за скалой его ждали Роса и мальчик-колдун, взобравшись на верхнюю ветку дерева. Оказалось, что на них пытались напасть степные волки, но они успели влезть на дерево. Волки некоторое время были под ним, пытаясь достать ребят, но потом погнались за стадом диких лошадей, пришедшим на водопой, а девочка и Вася так и остались на дереве, опасаясь, что волки могут вернуться.

— Роса думала, тебя убили,— радостно сказала девочка и, прыгнув, потерлась щекой о щеку приятеля.

— Агам ловкий, Агама нельзя убить! Агам пробирается как тень,— гордо сказал мальчик, промолчав о том, что желтый человек едва не заметил его и спасла Агама только пробежавшая мимо лань.

— Ты подслушал разговор Лесных Людей? — спросил Вася.— Узнал их тайну?

— Лесные Люди ведут желтого человека к упавшему с неба Духу Огня. Он где-то в лесу в трех днях пути. Желтый человек обещал Лесным Людям много богатств, если они найдут Духа Огня.

— Духа Огня? Никакого Духа Огня нет! — усмехнулся Вася.

Роса удивленно уставилась на него: как это мальчик из племени колдунов не верит в то, что сказал ее приятель.

— Дух Огня есть,— заявила девочка.— Мы видели зимой, как он падал с неба. За ним тащился длинный

хвост, как змея, и ночью сделалось светло, как днем. Потом он упал где-то за горами, а земля стала дрожать.

Вася задумался.

— Если вы описали все верно, то это был метеорит.

— Ме-те-о-рит?

— Просто камень, который упал с неба.

— В небе нет камней,— покачала головой Роса.— И потом, то, что падало, не было камнем.

— А ты откуда знаешь?

— Когда Дух Огня проносился над нашими пещерами, от него отвалились несколько небольших кусочков. Один из них упал в реку и прожег лед, а второй, совсем крошечный, упал рядом с пещерой моего рода. Я подобрала его как талисман, думая, что он принесет мне удачу.

— Ты все подбираешь. Ты, как дикая индейка, которая поднимает с земли все зерна,— усмехнулся Агам, знавший об удивительной бережливости подруги.

Но Васю сообщение Росы о кусочках камня очень заинтересовало.

— Ты сохранила этот осколок? — спросил он.— Он у тебя с собой или ты оставила его в пещере?

— Я всегда ношу его с собой. Это же талисман,— возмутилась Роса.

— Ты не могла бы показать его мне?

— Мальчик-колдун хочет отобрать у меня талисман? Роса никому его не отдаст!

«Кто бы мог подумать, что в пещерные времена тоже были жадины»,— подумал Вася. Но он не терял надежды посмотреть на осколок камня, это могло бы многое прояснить о природе метеорита.

— Почему Роса не даст мне талисман? Я же отдал Росе свою шкуру с пуговицами и свитер? — спросил он.

— Потому что мальчик-колдун дурак! Мальчик-колдун теряет все, что попадает к нему в руки. Неудивительно, что он потерял всю одежду своего племени и ходит теперь в шкуре барана, но и ту скоро потеряет.

Вася невольно запахнул шкуру. Ну и девчонка! Ей палец в рот не клади — мигом откусит, несмотря на то что пещерная! Как же все-таки получить у нее этот та-

лисман? Отобрать силой, но тогда может вмешаться Агам. Нет, нужно придумать что-нибудь получше.

Оставалось только одно, самое последнее средство. Мальчик достал из сумки ключи от своей квартиры и встряхнул их так, что они загремели, как погремушка.

— Роса сама напросилась! Тогда мальчик-колдун заколдует тебя и превратит в... в лягушку! — пригрозил Вася и, делая вид, что произносит заклинание, стал декламировать Пушкина: «У Лукоморья дуб зеленый...» Одновременно он подпрыгивал и тряс ключами, искоса поглядывая на девочку. Он понимал, что выглядит со стороны глупо, но не мог придумать ничего лучше.

Когда он дошел до строки: «Идет направо — песнь заводит...» — Роса, давно уже дрожавшая, вдруг завопила и бухнулась ему в ноги.

— Не превращай меня в лягушку! Я отдам тебе мой талисман!

Она полезла в складки своей шкуры, достала маленькую неровную пластинку с дырочкой и острым краем и робко положила ее на ладонь мальчику-колдуну. По щеке у Росы текла слеза, а губы слегка подрагивали — ей было ужасно жаль отдавать талисман.

— Это ты просверлила в нем дырку? — строго спросил Вася.

— Про-свер-лила? Как это? Не-ет. Дырка уже была, — всхлипнула девочка.

— Точно была?

— Талисман так и упал с дыркой. Он был совсем горячий и только потом остыл в снегу. А вначале, когда я хотела его поднять, он обжег мне руку.

Вася разглядывал пластинку, держа ее на ладони. Он готов был поручиться, что это не камень, а кусочек какого-то оплавленного острого металла, возможно, даже стали, а дырочка в нем — след от отлетевшей заклепки, быть может, той самой, что прожгла лед и утонула в реке. А если это был действительно кусочек металла с заклепкой, тогда то, что упало с неба, не было метеоритом, а было...

Впрочем, это предположение показалось ему настолько смелым, что он запретил себе даже думать об этом. В конце концов, мало ли какие бывают совпадения.

— Мы должны найти то, что упало с неба, раньше желтого человека,— сказал Вася Агаму и вернул талисман девочке.

Роса, которая все это время делала вид, что всхлипывает, получив свое богатство назад, открыла рот от удивления. Девочка была искренне удивлена и, судя по взгляду, который она бросила на Васю, снова сочла его глупцом. Вначале мальчик-колдун отнимал у нее талисман, а когда, используя угрозы, получил его, то только взглянул и сразу же отдал назад. Ну разве он не дурак после этого?

— Зачем нам находить, что упало? — спросил Агам.

— Тот, кто найдет его, получит огромную власть,— сказал Вася.— Если, конечно, упавшее еще лежит на прежнем месте.

— А что это было? Дух Огня?

— Не знаю, но думаю, что оно важнее для нас, чем Дух Огня.

— Желтый человек тоже хотел его получить,— задумчиво сказал Агам.— А пигмей ничего не делает просто так. Он хитрый и коварный.

— Агам, давай найдем то, что упало! Ну пожалуйста! — воскликнула Роса, сообразившая, что может стать обладательницей чего-нибудь ценного, если они найдут, что упало из Верхнего мира. Возможно, там будут какие-нибудь украшения или новые талисманы. При мысли об этом у девочки от предвкушения сжались пальцы, когда она представила себе, как будет красива, надев новые украшения. Таким образом, она стала мощным союзником Васи.

— А оружие там может быть? — спросил Агам.— Мне нужен наконечник для нового копья.

Он взял у девочки талисман и провел им по дереву. На его стволе остался длинный резаный след — пластинка была намного прочнее любого каменного ножа. Тот затупился бы от такого усилия, а стальной талисман оставался по-прежнему острым.

— Хорошо. Мы пойдем туда и постараемся оказаться там раньше Лесных Людей! — решительно сказал Агам.— Я хорошо помню, в каком месте упал Дух Огня. Лесные Люди думают, что это было ближе к чаще, но мне кажется,

что ближе к реке. Я тогда залез на дерево и смотрел с его ветвей.

— Ты предлагаешь поплыть туда на плоту? — спросил Вася.

— Да. Примерно день, ночь и еще один день надо плыть по реке, а потом за излучиной сразу прямо. Но это только приблизительно. Возможно, нам придется искать то, что упало с неба, несколько дней.

Они уже подходили к плоту, как вдруг услышали боевые крики. К ним мчались Лесные Люди, а впереди всех был желтый человек. Неизвестно, как они узнали о присутствии ребят, должно быть, Агам, возвращаясь, спугнул какую-нибудь птицу или изменившийся ветер донес их голоса.

Преследователи были уже на расстоянии двух полетов стрелы.

— Скорее на плот, а потом сразу в воду, а то желтый человек убьет нас своими стрелами! — крикнул пещерный подросток.

Забыв на берегу всю провизию, но успев схватить оружие, они вскочили на плот и оттолкнули его от берега, отгребая на середину реки. Здесь плот подхватило быстрым течением и понесло вниз. Помня совет Агама, Роса и Вася прыгнули в воду, держась за плот руками с дальней от берега стороны. Это было вовремя. Не прошло и нескольких секунд, как в бревна плота ударились копье, а потом вонзились две стрелы.

Лесные Люди стояли на берегу и кричали, размахивая каменными топорами. Они были плохими пловцами и не решались лезть в воду. К тому же плот быстро уносило течением, а преследовать его по берегу они не могли, потому что вдоль него сразу начинались болотистые заросли.

— Агам перехитрил Лесных Людей! — крикнул мальчик. — Лесные Люди глупее медведей, если они думали догнать меня!

О бревна ударились несколько камней, и Агам замолчал, чтобы не злить Лесных Людей. Плот, который сносило течением, исчез за изгибом реки, где камни уже не долетали до него.

Желтый человек стоял на берегу и смотрел им вслед. Несмотря на то, что беглецам удалось ускользнуть, тонкие губы пигмея застыли в злобной и угрожающей ухмылке.

Глава восьмая

В ЛЕСНЫХ ДЕБРЯХ

— А потом я увидел арбуз и сказал: «Ба, что я вижу, да это же арбуз!» Потом мы съели его, а виконт мне и говорит: «Послушайте, барон, вы уверены, что это арбуз? Разве у арбуза есть лапки?»

Из воспоминаний фон барона де Капускинда

Ночь, день и еще одну ночь плот плыл по реке вдоль чащи леса. Иногда лес заканчивался, и перед ребятами возникала большая равнина, краем выходящая к реке. Тогда они приставали к берегу и охотились. Равнины и лес изобиловали дичью. Нередко можно было видеть, как на берегу удивленно глядят на плот пришедшие на водопой стада диких коз, аксисов (небольших белопятнистых оленей с длинными трехконечными рогами), сайгаков. Животные поднимали морды и провожали путешественников любопытными взглядами.

Однажды в реке они наткнулись на гавиала, которого вначале приняли за большое бревно, и Агам хотел оттолкнуться от него копьём. Гавиал — один из родственников нильского крокодила — лежал на поверхности воды, вытянув длинную морду и закрыв глаза. Должно быть, он недавно подстерег утолявшую жажду антилопу и насытился ею. В длину он достигал шести метров и перегородивал собой добрую часть реки.

Когда край плота задел его спину, гавиал нырнул и скрылся под водой. Только теперь Агам и Вася поняли, что это было не бревно. Им оставалось только радоваться, что потревоженное животное не напало и не перевернуло плот ударом своего мощного хвоста. Пещерный юноша знал, что гавиал обладает огромной силой, а его зубы с легкостью справляются даже с самыми прочными бревнами. Однажды к становищу Камышовых Котов в племя приплыл охотник из верховий реки и показал свой плот, атакованный этим чудищем. Три бревна из пяти были изгрызены его зубами, а край одного из бревен был вообще откушен. Охотника спасло только то, что гавиал не догадался опрокинуть его плот.

Чем дальше ребята сплавлялись вниз по реке, тем больше менялся животный мир. Появлялись новые виды,

которых Агам никогда не видел прежде и казавшиеся ему волшебными сказочными существами. В те времена в пересеченной местности, где ледяные горы соседствовали с прекрасными цветущими равнинами и густыми, непроходимыми лесами, климат, еще не был сбалансированным и мог часто меняться. Ледник то приходил, то уходил, потом с океана начинали дуть затяжные влажные ветры, то внезапно из-за туч проглядывало солнце, и такое яркое, что трава в окруженных горами долинах начинала тянуться вверх с невероятной стремительностью. В некоторых местах поймы реки она достигала высоты двух с половиной метров, и в траве можно было спрятаться, как в лесной чаще.

Все это привело к тому, что, соседствуя друг с другом, в одних и тех же долинах жили разные виды животных, казалось бы совершенно несовместимые и не встречающиеся в наше время в одном географическом поясе.

Ближе к вечеру, в час заката второго дня, Вася сидел на краю плота, который медленно покачивался на волнах реки, и смотрел, как по берегу неторопливо идет мохнатый бровастый дриопитек, иногда при ходьбе опиравшийся на свои длинные и мощные руки. Дриопитек, одна из древнейших вымерших человекообразных обезьян, видел, что существа на плоту чем-то похожи на него самого, и это беспокоило обезьяну, мозг которой не был развит. Иногда она останавливалась и задумчиво смотрела то на свою огромную ладонь, то на ладонь Васи, которой мальчик приветственно махал ему, словно сравнивая их.

В зарослях молодого бамбука прыгали беспокойные макаки-резусы. Они верещали, кривлялись, свешиваясь с ветвей, а в шерсть некоторых самок крепко вцепились малыши, которых мамы придерживали лапами.

К реке подступали неглубокие теплые притоки и множество небольших заросших болот, в которых кричали выпи, плавали утки и неподвижно стояли желтоголовые журавли, а на солнце грелись крокодилы. Белые цапли летали над почти неподвижной заводью разлившейся реки, покрытой лепестками отцветших каштанов и диких яблонь. Надутые пестрые фазаны большими семьями сидели на ветвях деревьев вдоль реки, и Агам, когда ребята бывали голодны, легко сбивал одного из них из лука.

Но ему нужно было соблюдать осторожность. Последний раз, когда Агам нырял в воду за подбитой уткой, нога его задела огромного крокодила, неподвижно лежавшего на дне. Мальчик едва успел забраться на плот. С него ребята увидели, как на поверхности показалась длинная полуметровая морда с глубоко посаженными глазками, которые, подобно птичьим, не имели век, а только изредка закрывались полупрозрачной пленкой. Крокодил задел плот боком, потом, лениво приоткрыв пасть, подхватил с поверхности воды утку с торчащей в ней стрелой и скрылся с ней под водой.

— Он проглотил стрелу. Он теперь подойдет? — спросил Вася.

— Крокодилы проглатывают даже копыта и рога антилоп-нильгау, — смеясь, сказала Роса.

Агам грустно смотрел на единственную оставшуюся у него стрелу.

Они плыли еще несколько часов, но река вдруг круто повернула, и впереди раздался шум небольшого водопада.

Агам подгреб длинным шестом к топкому берегу, и плот уткнулся в сплетенные корни гигантской лианы-монстеры, которые тянулись к воде с верхних ветвей



старого эвкалиптового дерева, клонившегося над рекой под тяжестью лет.

— Дух Огня упал в чаще примерно в дне хода отсюда, — сказал пещерный мальчик.

— Но почему Лесные Люди хотят искать его в другом месте? — спросила Роса.

— Лесные Люди не видели того, что видел Агам, когда сидел на дереве. Дух Огня вначале в самом деле упал в чаще, но потом он снова поднялся над землей, пролетел какое-то время над вершинами деревьев, и рухнул в лес недалеко от реки. И именно тогда раздался взрыв, — объяснил ее приятель.

Слова «взрыв» в языке Камышовых Котов не было, и Агам выразил его, разведя руки в стороны и громко крикнув «бам!». Речь первобытных людей была в основном звукоподражательной. Когда, например, пещерный человек хотел сказать, что слышал вой волка, он выл, как волк, а когда говорил о ржании дикой лошади или реве зубра, то подражал этим животным.

— Агам уверен, что мы сможем найти место, куда упал Дух Огня? — спросил Вася, осматривая непроходимые заросли на берегу. Деревья срослись там так плотно, что ребятам придется прорубать себе дорогу.

— Агам найдет его. Агам будет идти вперед полдня, а потом взлезет на гигантскую секвойю и посмотрит сверху, где кострище.

— Какое кострище?

— Когда падает Дух Огня, всегда бывает кострище — это след Духа Огня.

Вася догадался, что кострище, с точки зрения Агама, это выжженный участок леса, оставшийся после упавшего сверху огромного предмета. Хорошо еще, что тогда была зима и все покрывал снег, в другое время мог бы начаться большой пожар.

Целый день ребята с трудом продирались сквозь густые заросли. С верхних веток кричали попугаи, визжали надоедливые обезьяны, повисшие на лианах, но вдруг птицы разом вспорхнули, а обезьяны с воплями бросились удирать кто куда.

— Какой-то хищник идет по нашим следам! — сообщил Агам. — Он выбрал нас своей добычей.

Пещерный подросток выставил острогу и приготовил каменный топор. Вася покрепче сжал дубину. Несколько дней назад он подобрал себе массивную прочную дубину, используя толстую ветку красного дерева. Если живешь в каменном веке, то нужно соответствовать своему времени. В пещерные времена без дубинки и без каменного топора человек не рискнул бы высунуть нос из пещеры, как сейчас люди не выходят из дома без обуви.

— Я боюсь! — вздрогнула Роса, прижимаясь к Агаму. — Если это лев или махайрод, то он разорвет нас.

— Львы и махайроды живут на равнинах. Здешние чащи слишком тесны для них, им не пробраться, — успокоил ее мальчик. — Скорее всего, это охотник на обезьян.

— Охотник на обезьян? — переспросил Вася, и Агам кивнул.

В этот момент рядом мелькнули пятнистый бок и ощерившаяся зубастая морда, и Вася понял, кого его сверстник назвал охотником на обезьян, — это был ягуар.

Большая пятнистая кошка прижалась брюхом к земле, нетерпеливо колотя хвостом. Ягуар пытался протиснуть морду между стеблями молодого бамбука, чтобы пробиться к ребятам, но они росли очень тесно, как сплошная стена, и даже гибкая кошка не могла сквозь них протиснуться. Тогда ягуар яростно зарычал, демонстрируя мелкие острые клыки, и начал дубасить бамбук своими сильными когтистыми лапами, но стебли только гнулись и расщеплялись.

Агам, ловко просунув острогу между побегами, кольнул ею ягуара. Зверь отпрянул и попытался ударить по остроге лапой. Понимая, что он обломит наконечник или сломает древко, подросток быстро отдернул оружие.

Хищник зарычал и несколько раз лизнул неглубокую рану на плече, а потом, разбежавшись, прыгнул на гибкие стволы бамбука, надеясь, что они треснут под его тяжестью. Но заросли выдержали и, подобно катапульте, отбросили ягуара в кусты медвежьей колючки. Когда зверь снова навалился на бамбук, Агам опять уколол его острой.

Уколы не были болезненными, да и острога не предназначена для такого крупного хищника, но ягуар был озадачен. Он не привык, что дриопитеки или макаки-

резусы оказывают ему такое сопротивление и наносят раны. Зверь не был очень голоден и подумал, не поискать ли ему добычу, которой легче будет овладеть.

А тут еще Вася, щелкнув зажигалкой, поджег заранее приготовленный факел и, когда ягуар в очередной раз сунулся к бамбуку, бросил его, опалив слегка шерсть зверя.

Хищник взвыл и бросился в чашу.

— Если бы не прочные стволы бамбука, ягуар не ушел бы без добычи, — заметила Роса. — Они спасли нам жизнь.

— Агам смелый и мальчик-колдун тоже смелый! Ягуар привык нападать только на убегающую добычу. Охотник за обезьянами слишком глуп и труслив, чтобы справиться с человеком! — гордо сказал ее приятель.

Вечером, когда Тот, Кто Зажигает Костер Солнца закончил свою дневную работу, ребята расположились на ночлег в глухой чаше.

— Завтра утром Агам взлезет на самое высокое дерево и найдет кострище Духа Огня, — уверенно заявил мальчик.

— Только вначале Агам, Роса и Вася должны пережить эту ночь, — тихо сказала девочка.

В темных зарослях, окутанных мраком, кипела жизнь. Шелестели лианы, покачиваясь от ветра, постукивали пустотелые стволы бамбука. Где-то кричала ночная птица, заухал желтый филин; вышли на охоту ночные зверьки виверры; выползали из нор многометровые бесшумные питоны, обладавшие поистине безграничным терпением, способные свалить с ног небольшую антилопу ударом хвоста. В отдалении раскатился рык, а потом раздался визг обезьяны. Видимо, ягуар все-таки нашел добычу. Дикие собаки-дхоли лаяли и грызлись на опушке леса, готовясь отправиться на ночную охоту.

Васе стало не по себе. На заре XXI века принято беречь зверей и заносить исчезающие виды в Красную книгу, но за тридцать тысяч лет до этого расстановка сил на Земле была совсем другой: не в пользу человека. Где-то рядом слышались угрожающее низкое рычание и треск сухих ветвей — быть может, это выходила на промысел чета махайродов или ослепленный яростью дикий

кабан ломился через чащу вместе с многочисленной семьей.

— Мы должны развести огонь, чтобы Дух Огня прогнал зверей,— прошептала Роса.

— Сейчас нет тумана, и дым от нашего костра могут увидеть Лесные Люди,— возразил Агам.

— Лесные Люди далеко. Они не могли так быстро пробраться через чащу и сейчас, наверное, в одном переходе отсюда.

— Желтый человек — хитрый человек из умного племени. От него всего можно ожидать. Агам не доверяет желтому человеку, но он разведет костер, если этого хочет Роса,— подумав, ответил подросток.

Вскоре между стволами гигантских баньянов замерцал маленький огонек костра, а около него на поваленном бревне замерли три человеческие фигуры. Иногда из зарослей выглядывала любопытная бородатая морда дриопитека или светились в отблесках огня грустные глаза лани, а уже под утро мелькнул неподалеку желтый широкий бок самки саблезубого тигра, которая возвращалась с охоты, таща за собой тушу оленя-аксиса. Тигрица покосилась на костер, ослепивший ее, глухо прорычала и поволокла свою добычу дальше.

Агам знал, что махайрод затащит добычу на дерево и спрячет среди ветвей, а потом две или три ночи будет приходить и подкрепляться мясом. Возможно, где-нибудь неподалеку, в дупле гигантского баньяна, тигрица спрятала двух- или трехнедельных котят.

Махайроды охраняли свое дупло по очереди, пока другой родитель охотился, хотя тигрица не очень доверяла самцу, считая, что он способен закусить ее детьми. Когда котята совсем маленькие, мать не подпускает самца к ним и кусает его, а он, не понимая, что происходит, озадаченно рычит. Потом махайрод отправляется на охоту и к утру возвращается с убитой дикой свиньей или козулей. Голодная тигрица выскакивает из логова и, не проявляя благодарности, вырывает у самца его добычу и начинает жадно терзать мясо.

Первые десять дней мать не решается оставлять котят одних и иногда, тревожась, начинает перетаскивать их с места на место: из дупла — в яму под корнями, из ямы — в заросли бамбука, а оттуда — снова в дупло. Ког-

да же саблезубый тигр пытается понюхать странные мяукающие комочки, которые самка с такой настойчивостью таскает в зубах, тигрица клыками в ярости прокусывает ему плечо, и самец, которому природа запретила драться с самкой, озадаченно пятится, зализывая рану.

По прошествии некоторого времени, когда у котят открываются глаза и они сосут уже не только материнское молоко, но и едят маленькие кусочки мяса и пытаются деснами с прорезавшимися зубками грызть оленьи кости, тигрица успокаивается и сама порой отправляется на охоту. А ее сытый самец спит на дереве где-нибудь неподалеку от дупла. К детям он не подходит и мало интересуется ими, но иногда отталкивает их лапой со втянутыми когтями, когда какой-нибудь расшалившийся тигренок пытается вцепиться ему в спину, пробуя молодые клыки.

Впрочем, если однажды один из котят выберется из дупла и к нему подбежит гиена, ждущая поблизости в надежде получить легкую добычу, саблезубый тигр прыгнет на гиену сверху и сломает ей позвоночник мощным ударом лапы.

Но хватит о махайродах. Их век на земле, продолжавшийся несколько миллионов лет, давно уже прошел, и только дальние родственники саблезубых тигров — современные дальневосточные тигры — изредка напоминают нам об этих грозных и сильных зверях, когда-то властвовавших на равнинах Европы и Азии, уступавших дорогу только мамонтам и пещерным медведям и почти равных по силе красным львам...

Ночью Вася, Агам и Роса дежурили у костра по очереди, пока двое спали, один подбрасывал в костер новые сухие сучья, чтобы пламя ни на минуту не гасло. Вдали, ближе к равнине, жались шакалы и гиены, пришедшие сюда следом за самкой махайрода и жадно слизывающие с травы капли оленьей крови. В вое этих нахлебников слышался стон, они не думали, что тигрица затащит добычу на дерево и будет ее стойко охранять.

Один из шакалов сунулся было к костру, но Агам метко запустил в него камнем, который угодил зверю по носу, и он с воем убежал в заросли.

Хоть шакалы и были по размеру немного мельче современных овчарок, мальчик не боялся этих трусливых падальщиков, как не боялся он и волков. Пещерные люди

сталкивались с хищниками куда более опасными и крупными, чем эти древнейшие предки собак, и обычно выходили из этих схваток победителями.

Агам дежурил последним перед рассветом. Вася и Роса спали рядом на одной шкуре, и она во сне обняла одной рукой мальчика-колдуна, очевидно, чтобы согреться. Агаму это не понравилось, и он убрал руку спящей подруги с груди пришельца из другого мира.

— Роса будет женой Агама! — пробормотал он, испытывая к ней нежность. Последние дни, которые они провели вместе, пещерный мальчик немного ревновал подругу к Васе.

Роса часто ссорилась с мальчиком-колдуном или дразнила его, но Агам чувствовал, что ее восхищают его белая кожа и те две книги с заклинаниями, которые он иногда перелистывал по вечерам и в которых были непонятные рисунки каких-то странно одетых воинов и неведомых зверей.

Агам чувствовал, что племя мальчика-колдуна намного мудрее и больше знает, чем даже желтые люди, хотя сам Вася, видимо, не был очень сообразительным представителем своего племени: он не мог даже сделать из камня и палки нормального копья.

Иногда мальчик-колдун, особенно когда немного освоился с языком пещерных людей, рассказывал Агаму и Росе о своем племени, но многое из того, что он говорил, казалось им совершенно невероятным. Он сообщил, что люди его племени могут летать по воздуху и ездить по земле на повозках с колесами. Потом он сказал, что Того, Кто Зажигает Костер Солнца не существует, на самом деле это раскаленный сгусток очень плотного газа, вокруг которого в пустоте перемещается Земля.

Пещерные ребята слушали все с интересом, не перебивали, но считали это сказкой, не веря ни единому слову. Иногда фантазии мальчика-колдуна пробуждали желание у молчаливого Агама сочинить что-нибудь, и он начинал придумывать, как однажды убил трех мамонтов и двух саблезубых тигров, а в другой раз метнул в оленя копье на расстояние в сто локтей с такой силой, что проткнул его насквозь.

Роса смеялась над ним и говорила, что все это неправда. Истории приятеля были ей понятнее и ближе,

чем путанные рассказы мальчика-колдуна, и она была довольна, что ее избранник умеет смешить.

— Если Агам такой могучий воин, что один убил трех мамонтов, то почему об этом не узнал никто в племени? Агама бы сразу сделали вождем,— насмешливо подтрунивала девочка.

— Мамонты были слишком тяжелыми, и Агам не смог дотащить их,— оправдывался фантазер, который уже начинал верить в свои истории.

— Если Агам не мог дотащить убитых мамонтов, то почему он не отрубил кончики их хоботов и не принес их в племя? Тогда бы Агаму поверили, и мужчины помогли бы ему разрубить туши,— быстро находила довод Роса, снова ставя первобытного мечтателя в тупик.

Одну за другой она отвергала выдумки приятеля о том, что мамонты упали в болото и утонули или их съели грифы, и в конце концов выдвинула убийственный по своей силе аргумент:

— Если Агам и в самом деле такой могучий воин, то почему он не убил ни одного мамонта на глазах у Росы, когда мамонты шли на водопой? Или, может быть, Агам придумал все про свою силу и не знающее промаха копьё?

И вот теперь юноша долго смотрел на спящую девочку, а потом укрыл ее одной из шкур и подбросил в костер несколько новых поленьев. Возможно, это было первое проявление нежности пещерных времен, которую выразил Агам к Росе.

Но вот Тот, Кто Зажигает Костер Солнца приступил к своей обычной утренней работе, и верхушки леса посветлели. Агам забросал костер землей и разбудил друзей.

Вася просонья уставился в небо, в котором еще мерцали ночные звезды. Рассвет только занимался. Очевидно, было часа четыре утра. Вася зевнул и прикрыл ладонью рот. В последние дни он привык ложиться спать с появлением луны и вставать с восходом солнца, как это делали пещерные люди, не знавшие иных приборов для отсчета времени, кроме солнца и луны.

— Пора искать жилище Духа Огня,— сказал Агам.— Скоро станет совсем светло.

Он огляделся, выискивая самый высокий баньян, потом стал ловко карабкаться на огромное дерево по его шероховатой коре, обхватив ствол руками, пока не доб-

рался до первых тонких ветвей. Быстро поднявшись на вершину, возвышавшуюся над лесом на высоте почти семиэтажного дома, Агам взглянул вниз: Роса и Вася с такой высоты казались совсем крошечными. Мальчик знал, что если он сейчас сорвется, то разобьется насмерть, упав прямо на побеги бамбука, которые проткнут его насквозь. Но Агам не боялся упасть: он был уверен в своей ловкости и силе рук. Балансируя, он встал на ветке, придерживаясь рукой за ствол и прикрыв от солнца ладонью глаза, огляделся.

Перед ним на много сотен тысяч локтей раскинулся лес, к которому примыкала обширная равнина. Вдали петляла река, а еще дальше начинались уже знакомые ему горы, за которыми в десятке дней пути было стойбище родного племени Камышовых Котов.

Но сейчас Агама интересовало не это, а то, что находится поблизости. Он всматривался с вершины дерева, ища кострище Духа Огня. Шрам от пожара не должен был зарости, потому что после падения Духа Огня прошло всего два или три месяца.

Наконец подросток увидел то, что искал. В нескольких часах хода от них, примерно в двух ладонях, он увидел, что лес внезапно расступился, а деревья повалены примерно на расстоянии нескольких сотен локтей, как будто их сбил какой-то огромный зверь. На краю поляны стволы деревьев стояли обожженные, как вросшие в землю вокруг костра почерневшие бревна.

Агам понял, что нашел место падения Духа Огня, низвергнутого из Верхнего мира за непокорность.

Мальчик хотел уже спуститься, как вдруг внезапным резким порывом ветра баньян качнуло, и Агам, не удержавшись за ствол, едва не упал вниз. Но он успел ухватиться руками за сук и повиснуть на нем, переводя дыхание. Еще немного, и его тело лежало бы у корней гигантского дерева, в нескольких местах пронзенное побегами бамбука, которые прорастали бы сквозь его ребра со скоростью одного пальца в день.

Бамбук растет очень быстро, однажды пещерный юноша уже видел скелет оленя, сквозь ребра которого пророс бамбук. На скелете не было заметно следов охоты, вероятно, олень просто забрел в чащу, застрял рогом в ветвях дерева, не смог вырваться и, совсем обесси-

погиб. А потом бамбук завершил дело, и теперь в черепа оленя жили небольшие древесные змейки.

Агам осторожно стал спускаться. Баньян раскачивался от ветра, и спуск занял вдвое больше времени, чем подъем. Приходилось нащупывать ветви или неровности коры пальцами ноги, а потом уже осторожно переносить на них все тело.

Но вот наконец он спрыгнул вниз и, вытирая со лба пот, остановился около Росы и мальчика-колдуна.

— Мы видели, как Агам чуть не разбился,— сказал Вася.— Агам хоть обнаружил что-то, ради чего стоило рисковать жизнью?

— Агам нашел место падения Духа Огня. Агам покажет дорогу.— И, подняв с травы гарпун, копье и лук, пещерный подросток первым пошел сквозь заросли.

Глава девятая

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

«Полагаю, что прежде мы были не представлены друг другу»,— сказал фон барон де Капускинд льву, когда его застали в будуаре у королевы и бросили в клетку к голодному зверю.

Из историй о фон бароне де Капускинде

Дорога к месту падения Духа Огня заняла больше времени, чем вначале рассчитывал Агам. На пути им попало топкое болото, заросшее кувшинками и камышом, из которого доносилось кваканье красных лягушек, а на больших листьях, сливаясь с ними и чувствуя себя в безопасности, лежали болотные ящерицы. Воздух еще недостаточно прогрелся для них, и холоднокровные ящерицы были пока неподвижны. Из топи торчали стволы гнилых деревьев, обвитые побегами лиан и диких традесканций — больших любительниц влаги.

При приближении людей из зарослей пугливо скользнула в воду полуметровая змея, гревшаяся на солнце.

По топи на длинных ногах ходила крупная белая цапля, и, спасаясь от нее, лягушки прыгали в трясину. Но одна замешкалась, отвлеченная большой стрекозой, и

цапля убила ее точным ударом острого клюва и моментально проглотила.

Заметив людей, цапля взлетела и, едва не задев Росу длинными ногами, скрылась в камышах. Это был шанс для удачной охоты, но Агам не обратил на птицу внимания. Сейчас его беспокоило другое.

— Агам, мальчик-колдун и Роса не смогут пройти через трясину. Трясина расступится и поглотит их,— уверенно заявил пещерный подросток, пощупав топь острием копья.

— Мы можем обойти болото, и чем дальше, тем лучше,— предложил Вася, прихлопнув на своей щеке нескольких крупных комаров, заинтересовавшихся путешественником из будущего.

— Болото тянется на много локтей до самой реки, а с другой стороны — до равнины,— возразил Агам, рассмотревший болото с баяна.

— Так что же нам делать? — спросила Роса.

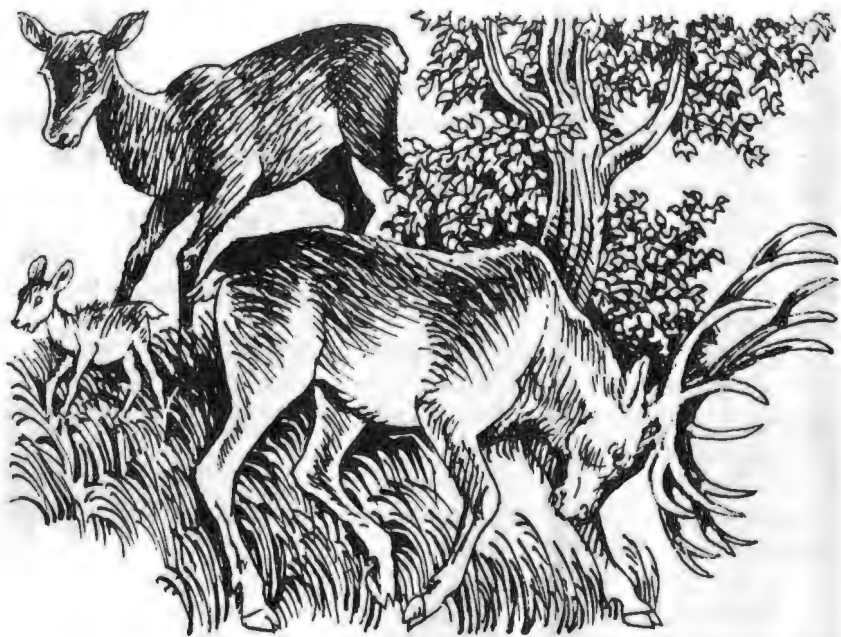
— Обойти болото по равнине. Мы потеряем время, но это единственный правильный путь,— сказал ее приятель и пошел вдоль топкого берега.

Чем ближе подходили к равнине, тем больше встречали они сайгаков, оленей и стада диких лошадей. Некоторые животные жадно лизали огромные камни, в щелях которых сохранились еще крупинцы соли от когда-то отступившего отсюда моря.

Но внезапно сайгаки, олени и лошади встревожились и испуганно бросились на равнину. Их головы с большими рогами были откинuty назад, а ноги легко оттачивались от земли, так что казалось, будто олени не бегут, а летят по воздуху.

Только молодая лань с олененком, видимо недавно родившимся, отстала, подталкивая еще слабенького малыша мордой и издавая тревожный крик. Малыш еще не научился ходить и каждый раз, вставая, сразу падал. Из леса появился черный медведь, меньший по размеру, чем его пещерный сородич, но почти не уступающий ему в силе. Черный медведь косолапо бежал к лани, уверенный в своей мощи. Он собирался полакомиться нежным мясом новорожденного теленка.

На зов самки от стада отделился и подскочил длинными прыжками вожак — большерогий красавец с тон-



кими ноздрями. Прикрывая лань и малыша, он затрубил и, встав между олененком и медведем, выставил рога с острыми концами.

Косолапый на секунду приостановился, обдумывая силу нового противника, потом упрямо двинулся вперед, отклонившись вбок и пытаясь отрезать олененка от лани и ее защитника. Медведь не испугался, просто ему скорее хотелось получить легкую и вкусную добычу, причем безо всяких усилий.

Черные гладкие бока зверя лоснились, а лапы с острыми когтями оставляли в земле глубокие борозды, по которым его следы нельзя было спутать. На морде черного медведя, чуть выше желтоватых мощных клыков, было белое пятно — вероятно, след былой раны, шерсть на которой поседела.

Это был сильный старый зверь, предпочитающий мясо, а не многочисленные ягоды и корни, которые легко найти в лесу в это время года.

Самка изо всех сил старалась помочь олененку подняться на ножки. Он встал и сделал несколько неуверенных шажков. Пройдет еще несколько минут, и он



сможет бежать за своей матерью, догоняя удаляющееся стадо.

Но медведь был уже совсем близко и двигался олененку наперерез, издавая низкое рычание и поднимаясь на задние лапы. Старый хищник знал, что он делает. Если ему удастся напугать взрослого оленя, за ним убежит и лань, а теленок достанется ему безо всякой борьбы.

Но большерогий олень раскусил маневр врага и снова прикрыл олененка. Благородное животное затрубило и стало бить передним копытом землю, бросая косолапому вызов.

Олень предчувствовал свою смерть, но не собирался отступать. Его большая голова с острыми рогами была наклонена вниз, а могучая спина напряжена так, что видны были узлы мускулов на холке. Вдоль его груди шла светлая полоса. Самец мог легко убежать, ноги унесли бы его далеко, и он бы легко спасся, как это сделали все остальные олени, но инстинкт заставлял его сражаться до конца.

Медведь, разъяренный тем, что ему мешают, бросился на оленя, норовя вцепиться ему клыками в шею, своей

массой свалить с ног и задрать его. Так он делал всегда и не знал поражений.

Но самец был опытен и хорошо знал повадки медведей, он бросился вперед и вонзил острые рога в грудь противнику, который встал в этот момент на задние лапы. Раненый зверь глухо зарычал и сломал левый отросток рога ударом лапы.

Олень, у которого в молодых рогах проходит нерв, от боли упал на колени и жалобно закричал. Но его уцелевший рог так глубоко застрял в груди медведя, что он даже не мог его вытащить.

Истекая кровью, разъяренный медведь откинулся назад, освобождаясь от рога, а потом набросился на не успевшего еще подняться оленя и вцепился клыками ему в горло. Тому удалось подняться, и, волоча за собой врага, он сделал несколько шагов слабыми, дрожащими ногами, сделавшимися как у новорожденного теленка. Чем сильнее сжимал медведь свои клыки, тем быстрее жизнь уходила из оленя. Благородное животное чувствовало, что погибает. Он с величайшим усилием обернулся и увидел, что лань убегает за стадом, а за ней уже бежит маленький олененок, как будто сила большого самца, отдавшего за него жизнь, перешла к нему.

Очевидно, олень понял, что его род продолжится, и, как подрубленное дерево, упал на бок. Из разорванной артерии на его шее хлестала кровь. Когда олень перестал вздрагивать, черный медведь поднялся и сделал несколько шагов в сторону леса.

Он был тяжело ранен, сломанный рог оленя глубоко застрял в его груди. Медведь почувствовал, что слабеет. Увидев выбежавшую из леса на запах крови стаю волков, косолапый с трудом подошел к туше оленя, полный решимости защищать свою добычу, и в последний раз в жизни грозно зарычал. Потом он упал на поверженного врага, обхватив его лапами, и уже больше не шевелился. Волки, чутко принюхиваясь и поджав хвосты, приготовившись отбежать при первом же движении черного великана, подкрадывались все ближе. Но медведь был уже мертв.

Ребята, наблюдавшие эту схватку, были поражены увиденным. У Росы на глаза даже навернулись слезы, ей

жаль было отважного красавца, который отдал свою жизнь за олененка.

— Не надо грустить! Олень умер в бою, убив более сильного противника. Его кровь будет продолжена в маленьком теленке,— торжественно произнес Агам.— Теперь дух оленя отправился в Верхний мир, где он будет пастись на богатых пастбищах с сочной травой и пить прохладную воду свежих рек.

Вскоре мальчик повернул в сторону, противоположную болоту, и углубился в чашу.

— Ты уверен, что мы не сбились с дороги? — то и дело спрашивала Роса, но Агам, не отвечая, уверенно шел вперед, отстраняя руками многочисленные лианы, свисавшие с влажных древесных стволов.

Внезапно лес расступился, и они вышли на поляну. Деревья на ней были повалены, и только их обожженные стволы торчали из оплавленной земли. Это был страшный шрам на теле леса, который еще долго не зарастет.

Если на краю поляны многие стволы без верхушек стояли прямо, то ближе к центру все деревья были повалены, а в земле виднелась глубокая пробоина около десяти метров в ширину и четырех метров в глубину.

Над поляной повисла зловещая тишина, здесь не было ни птиц, ни животных, даже трава не пробивалась из оплавленной земли. Воздух и тот, казалось, замер и остановился.

Роса достала маленький стальной талисман с дырочкой и что-то забормотала. Вася разобрал только, что девочка просит Духа Огня не гневаться на них и позволить взглянуть на себя.

Агам приготовил копье. Он не боялся ни тигров, ни мамонтов, ни пещерных медведей, хоть они и были огромными и клыкастыми: мальчик знал, чего можно от них ожидать. Здесь же им противостояла какая-то новая, мощная сила, страшная и неизвестная. Мальчик видел, как силен Дух Огня, об этом свидетельствовали поваленные обугленные стволы и пробоина в земле, которую не смогли бы прорыть своими бивнями и сто мамонтов

— Пусть мальчик-колдун идет первым. Он умеет разговаривать с духами, это он привел нас сюда! — прошептала Роса, удерживая Агама за руку.

Они стояли на краю поляны у первого дерева со сломанной верхушкой и не решались двинуться вперед.

Вася пожал плечами и решительно ступил на поляну, хотя в глубине души и сам испытывал смутную тревогу перед неизвестностью.

Когда его босая нога коснулась земли, мальчику показалось, что он наступил на *горячий лед*. Иного сравнения он придумать не мог, потому что земля на поляне была теплой, как только что положенный асфальт, и скользкой, как лед на катке.

Вася даже присвистнул, представив, какой температуры должен был быть этот свалившийся с неба метеорит, если он сквозь снег так прожег землю и оплавил ее. Речь могла идти не о тысяче градусов, а по меньшей мере о десятке тысяч.

Он дошел до пробоины в центре поляны и, осторожно наклонившись, чтобы не упасть, заглянул вниз. Глубокий котлован с неровными краями был прорезан как будто наискось, под углом падения, который можно было прочертить воображаемой линией от срезанных верхушек деревьев до предмета, тускло поблескивавшего на дне скважины.

Вася увидел покореженную взрывом стальную поверхность, довольно гладкую, с целым рядом металлических блестящих заклепок. Предмет этот, насколько можно было судить по торчащей из земли части, был продолговатым, дисковидной формы и с палубными надстройками. Прямо на мальчика смотрел наглухо закрытый люк.

Теперь у него уже не оставалось сомнений: то, что лежало сейчас в пробоине, могло иметь только одно происхождение — это был потерпевший крушение и упавший в лес корабль инопланетян.

Васе и раньше приходилось слышать, что когда-то, если верить преданиям и наскальным рисункам древних людей, инопланетяне уже посещали Землю, но никаких научных доказательств этому не существовало. И вот теперь перед ними было первое научное доказательство того, что человечество не одиноко во Вселенной.

Очевидно, удар о землю и последовавший за этим взрыв главного двигателя не оставил пилотам корабля пришельцев ни единого шанса спастись. Это доказывал и наглухо закрытый люк. Никто не покидал звездолет

после его падения. «Значит, тела инопланетян,— подумал Вася,— и сейчас еще должны находиться там». И ему стало не по себе...

Теперь он понял, в чем скрывалась загадка Духа Огня, низвергнутого из Верхнего мира после ссоры с Тем, Кто Зажигает Костер Солнца...

Увидев, что мальчик-колдун неподвижно стоит у пробоины, внимательно смотрит вниз и не делает попыток убежать, пещерные ребята, осмелев, приблизились к нему и замерли потрясенные.

— Это Дух Огня? — тихо спросил Агам, показывая на странный предмет наконечником копья.

— Нет, это жилище людей со звезд,— ответил Вася.

— Но разве на звездах есть люди?

— Каждая звезда — это огонь, который разжигает Один из Тех, Кто Зажигает Костер Солнца,— выпалила внезапно Роса и замолчала, смутившись из-за своего предположения.

— Но Солнце большое, а звезды маленькие,— возразил Агам.— Я думал, звезды — это искры огня Того, Кто Зажигает Костер Солнца.

— Каждая звезда — это отдельный костер. Искры не могут каждую ночь висеть неподвижно в одном и том же месте. Они бы упали и потухли,— сказала девочка, создавая первую в истории человечества астрономическую теорию.

— Но почему тогда Солнце такое большое? — не унимался ее приятель.

— Это потому, что Солнце — самая близкая к нам звезда,— ответил Вася.

Агам надолго задумался, глядя, как поблескивает покореженный корпус корабля пришельцев на дне ямы.

— Мальчик-колдун говорит правду,— наконец осознал пещерный подросток.— Дальний огонь кажется нам маленьким, даже если он большой, а ближний огонь кажется большим, даже если он совсем маленький. Агам уже думал над этим. Даже мамонт, если он на расстоянии тысячи локтей, кажется таким крошечным, что можно прихлопнуть его ладонью, как жука-усача.

Вася наконец решил спуститься к космическому кораблю пришельцев. Он оперся на край ямы там, где было не так глубоко, и прыгнул вниз, едва не упав, а потом осторожно подошел к его металлическому корпусу.

Чем дальше Вася разглядывал борт, тем больше убеждался в том, что корабль сделан из какого-то незнакомого сплава, напоминавшего сталь своей прочностью и блестящей поверхностью.

Даже сильный взрыв и падение не оставили на корпусе звездолета каких-либо серьезных повреждений. Скорее всего, пришельцы, находившиеся внутри, погибли не от разгерметизации и не от взрыва, а просто от сильного удара об землю.

Вася осторожно присел на корточки и дотронулся до корпуса корабля ладонью. Поверхность была прохладной, совсем не нагретой под лучами солнца. Мальчик легонько стукнул по борту кулаком и понял, что материал очень прочный и толстый, предназначенный для долгих космических перелетов. Он подумал, что ему первому в истории человечества довелось видеть так близко космический корабль пришельцев, и преисполнился гордости. Жаль только, он навсегда останется в прошлом и никому не сможет рассказать об этом.

Агам, убедившись, что с мальчиком-колдуном не случилось ничего ужасного, спрыгнул следом за ним и через несколько минут, видя, что корабль неподвижен и лежит, как простой камень, набрался мужества и решил наступить на борт звездолета, как на поверженного зверя.

— Агам сильный! — гордо крикнул он. — Агам подбил эту огромную птицу стрелой! Агам — победитель, попирающий упавшего с неба Духа!

И разошедшийся пещерный хвостун стукнул по люку каменным топором.

Внезапно изнутри послышался низкий гул и шипение. Люк звездолета приоткрылся, сбросив с себя Агама. Тот в ужасе завопил и бросился карабкаться наверх, крича, что не хотел обидеть Духа, а только пошутил.

Вася и сам был напуган, хотя и не тронулся с места. Он ждал, что люк вот-вот откинется шире и покажется инопланетянин, но ничего не произошло.

Люк так и остался приоткрытым, словно приглашая в недра корабля. Из отверстия доносилось едва слышное

шипение и поднимался легкий пар, возникший из-за перепада давления при срабатывании специальных приборов внутри звездолета. Вася догадался, что люк открылся потому, что Агам ударом топора задействовал какую-то внутреннюю автоматику звездолета.

Прошла еще минута, и внутри корабля само по себе вспыхнуло синеватое ровное свечение, внезапно залившее и люк и всю яму ярким светом, это так испугало Росу и Агама, что они громко заорали и надолго скрылись в зарослях.

Вася почти забыл о своих спутниках. Он был сейчас убежден в том, что почти все приборы и узлы звездолета, управляемые скрытыми внутри датчиками, не сломались при падении и теперь, когда раскрылся люк и изменилось давление, возвращались к прерванной работе.

Он осторожно приблизился к люку и, облокотившись руками о корпус, пытался рассмотреть, что находится внутри. Так как звездолет был перевернут носовой частью вниз, то мальчику удалось увидеть потолок и пол, которые заняли место стен. Он увидел длинный шлюзовой тоннель, освещенный очень ярко, почти до рези в глазах. Тоннель состоял из поперечных спиральных колец, соединенных вплотную и без стыков.

Синеватый свет пробивался, казалось, из самих стен, так как его источник не был виден. В самом центре тоннеля свет преломлялся в прозрачной, почти зеркальной перегородке, которая была настолько прочной, что выдержала удар корабля о ледяную почву.

Уже по размерам шлюзового тоннеля Вася догадался, что потерпевший крушение звездолет пришельцев был намного больше, чем ему показалось вначале. Мальчик предположил, что корабль, практически неповрежденный, ушел под землю на много десятков метров.

Постепенно страх Васи миновал, и ему на смену пришло любопытство. Вот бы рискнуть пробраться на корабль пришельцев, сколько интересного он смог бы там увидеть и сколько неведомых тайн открылось бы ему! Но один спуститься вниз по наклонной стене звездолета мальчик пока не решался. Вдруг люк закроется и он навсегда останется внутри? Кто знает, как поведет себя автоматика инопланетного корабля и какой программе она подчиняется.

Вася подумал, что хорошо, если рядом будет Агам, который подстраховал бы его, если вдруг люк захлопнется, или вытащил наружу, если стенки окажутся слишком скользкими и он не сможет выбраться самостоятельно.

— Агам! — позвал он. — Агам!

Тишина. Ни звука.

— Агам! — снова закричал Вася, на этот раз очень громко. — Ты где?

Он звал минут пять, наконец сверху донесся шорох и показалась голова мальчика. Видимо, пещерный подросток не мог скрыть своего ужаса и, увидев, что заколдованный свет из люка все еще пробивается, снова попытался удрать.

— Агам боится жилища Духа Огня? — засмеялся Вася, надеясь уязвить гордость хвастливого приятеля.

— Агам ничего не боится! — раздался дрожащий голос, и в яму посыпалась земля.

— Тогда почему Агам не спустится вниз?

— Агам не хочет злить Духа Огня. Дух Огня убьет Агама, если он войдет в его жилище.

— Тогда почему Дух Огня не убивает меня?

— Мальчик-колдун знает заклинания, он в сговоре с Духом Огня, — услышал Вася испуганный голос Росы. Должно быть, девочка тоже решила выйти из зарослей и пробралась к яме, а это был уже хороший знак.

— Мальчик-колдун обещает Агаму и Росе безопасность. Агам и Роса должны помочь мальчику-колдуну спуститься в жилище Духа Огня! — крикнул Вася.

Наверху затихли. Пещерные ребята о чем-то перешептывались, видимо решая, насколько это опасно.

— А мальчик-колдун поделится с Агамом и Росой сокровищами, которые он найдет в жилище Духа Огня, если они помогут ему? — спросила наконец девочка, и Вася понял, что она колеблется.

«Как хорошо, что она жадная. Таких всегда просто уговорить», — подумал он.

— Мальчик-колдун даст им половину всего, что найдет, — пообещал он. — Но если Агам и Роса не спустятся сейчас же в яму и не сделают того, что он им скажет, мальчик-колдун натравит на них Дух Огня, и он разыщет их, если даже они спрячутся в лесу или нырнут в реку.

Пошептавшись` недолго, ребята спустились вниз, с ужасом поглядывая на открытый люк корабля. Если Васе, жителю XXI века, было не по себе, то он мог представить, что испытывали его пещерные предки, никогда не видевшие не то что звездолета пришельцев, но и простейшего планера. Естественно, что этот огромный, светящийся изнутри корабль на дне ямы должен был казаться им неведомым чудовищем, от которого можно было ожидать всего самого страшного.

— Васе нужна прочная веревка, на этой веревке он спустится вниз к шлюзу. Если люк захлопнется, то Вася хочет, чтобы Агам и Роса не убежали, а постарались бы открыть его, как это сделал Агам в прошлый раз,— сказал мальчик.

Он уже привык называть себя в третьем лице, и это начинало входить у него в привычку. Хорошо, хоть думать он продолжал по-русски, а не по-пещерному, ведь на языке спутников ему приходилось общаться в последнее время.

— Должно быть, мальчик-колдун сумасшедший. Он добьется того, что Дух Огня сожрет его. Но Агам обещает, что не оставит мальчика-колдуна в беде. Если эта волшебная плита вдруг захлопнется, Агам будет бить по ней каменным топором, пока сможет,— грустно сказал подросток, наблюдая, как мальчик-колдун привязывает длинный ремень из кожи зубра к стальному борту корабля.

Потом Вася взялся за край открытого люка, из которого пробивался синеватый свет, и стал спускаться. Вскоре он добрался до нижнего шлюза рядом с прозрачной стенкой и увидел, подняв голову, что на него смотрят взволнованные Агам и Роса. Только они и кусочки неба принадлежали еще *его* земному миру, в остальном же он был уже на территории неизведанного мира, развивавшегося по иной, чуждой Земле логике, мира, о котором он ничего не знал.

— Если мальчик-колдун не погибнет, пусть не забудет захватить для Росы украшения и талисманчики! — крикнула девочка, и это немного успокоило Васю: почему бы не смотреть на это проще?

Он отпустил ремень и дотронулся до прозрачной стенки, за которой, как за стеклом, выстроились в ряд странной формы большие предметы, похожие на коконы ба-

бочек. К некоторым из них шли тонкие трубки, по которым текла какая-то жидкость.

Неожиданно второй шлюзовой люк под ногами мальчика раздвинулся, раздалось шипение, и Вася, не успев схватить ремень, с криком полетел в недра корабля. Второй люк сразу за ним захлопнулся, как пасть хищника.

Перепуганные пещерные друзья отпрянули от звездолета.

— Нет больше мальчика-колдуна,— сказала Роса.— Он упал прямо в глотку Духу Огня.

— Все равно подождем до заката солнца. Мы обещали, что не уйдем и не оставим его, и должны сдержать свое обещание, чтобы дух мальчика-колдуна не обиделся на нас и не мстил нам из Верхнего мира,— настоял Агам.

Они присели на корпус звездолета рядом с внешним люком и терпеливо стали ждать, пока Тот, Кто Живет В Верхнем Мире погасит костер Солнца и разожжет маленький костер Луны. Роса тихонько бормотала заклинания, чтобы Дух Огня не сердился на них.

Глава десятая

ВНУТРИ КОРАБЛЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ

— Вы спрашиваете у меня, верю ли я в инопланетян? — спросил фон барон де Капускинд с каким-то странным смешком. Затем он медленно снял свою голову и положил ее на стол. «Нет, я не верю в инопланетян!» — сказала его голова, продолжая загадочно улыбаться.

Из историй о фон бароне де Капускинде

При падении Вася задел обо что-то головой и на несколько минут потерял сознание. Придя в себя, он какое-то время не мог вспомнить, где находится и почему яркий свет бьет ему в глаза со всех сторон. Мальчик провел рукой по лбу и увидел у себя на ладони кровь. Вероятно, падая, он зацепился за что-то головой и неглубоко рассек кожу на лбу. Хорошо еще, что обошлось без сотрясения мозга.

Но тут он вспомнил, что находится на корабле пришельцев, и увидел в нескольких метрах над своей головой захлопнувшийся люк. Итак, он был внутри потерпевшего

крушение звездолета и пока не знал, как выбраться наружу. Тогда, решив отнестись ко всему философски, так же, как он относился к двойкам по диктантам, Вася встал на ноги и огляделся

Он находился в одном из предшлюзовых отсеков корабля. Все здесь было перевернуто, а плохо закрепленные предметы сдвинулись со своих мест и упали при столкновении с Землей. Стенки отсека были полупрозрачными, а посередине, на полу, который сейчас из-за резкого крена стал стеной, крепился большой прозрачный треугольник, в котором, как в аквариуме, в странной красной жидкости плавала какая-то ракушка или что-то на нее похожее. Очевидно, за край этого треугольника Вася зацепился лбом при падении, потому что больше никаких острых поверхностей в отсеке он не увидел.

В нем не было ни кресел, ни компьютеров, ни сложных приборов, ничего того, что, как предполагал мальчик, должно было находиться внутри подобных звездолетов. Он решил, что эволюция пришельцев и развитие научного прогресса пошли по совершенно иной модели, нежели земная.

Рассматривая отсек, мальчик видел свое отражение в нескольких прозрачных стенках, нависавших над ним. Вася решил подойти к приоткрытому люку и разглядеть, что находится в соседнем отсеке

Но внезапно его нога наступила на что-то, и мальчик испуганно отскочил. Опустив голову, он увидел страшный оскал черепа. Он был немного меньше, чем человеческий, но с очень развитыми лобными долями. На скелете было подобие скафандра, на котором то зажигались, то меркли какие-то датчики.

Вася весь сжался от страха, но не мог оторвать взгляда от этих перемигивающихся огоньков, которые действовали так, будто инопланетянин был еще жив. Мальчик догадался, что при резком ударе звездолета о землю гуманоид отлетел на жесткую переборку и погиб.

Он вспомнил, что Агам говорил о том, что корабль падал дважды. Вероятно, после первого удара кто-то из экипажа, уцелев, сумел вновь поднять звездолет с земли, но его узлы уже не действовали, рули были неисправны, из корабля вылетали какие-то детали, и он вновь обрушился на лес, на этот раз уже со взорвавшимся двигателем.

Именно во второй раз, по словам Агама, «БАМ!» был намного громче.

Осторожно обойдя скелет и не решившись прикоснуться к его скафандру, Вася остановился у прозрачного люка в соседний отсек, возле которого между двумя датчиками мерцал зеленоватый тонкий луч. Мальчик осторожно, приготовившись, если случится непредвиденное, сразу отдернуть руку, преградил зеленому лучу путь, и створки люка, немного погодя, раздвинулись. Люк раскрылся так, будто был бутоном цветка, разделившегося на несколько отдельных лепестков.

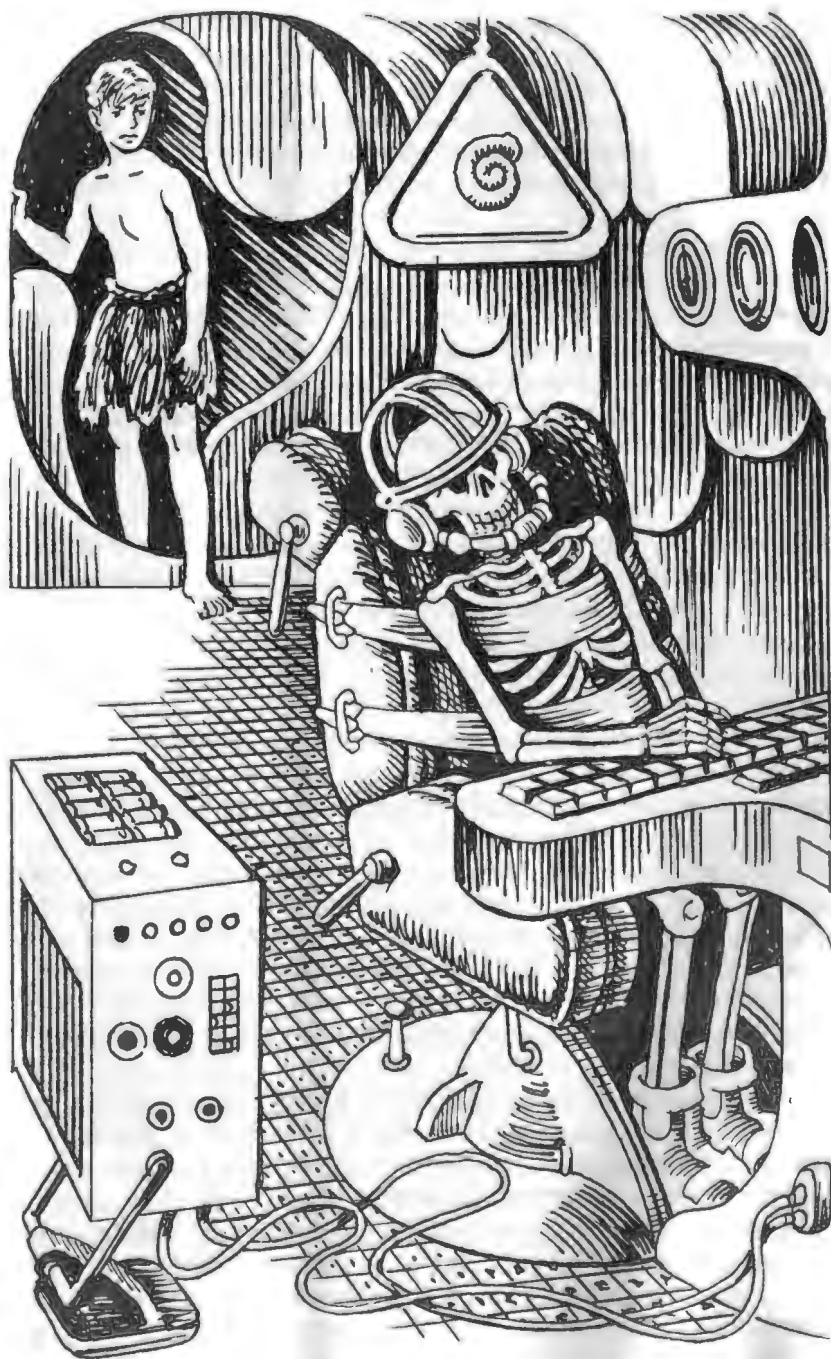
Вася шагнул в следующий отсек и осторожно осмотрелся. Скелетов там не было, и мальчик успокоился. Этот отсек был намного больше предыдущего и тянулся вперед метров на тридцать. Вася даже не мог представить себе, каких размеров окажется сигарообразный плоский звездолет пришельцев и на сколько метров он врезался в землю.

В центре отсека он снова увидел прочный прозрачный треугольник, но теперь в зеленоватой жидкости плавало что-то похожее на большую ракушку. Очевидно, такие треугольники, но с разными наполнителями стояли в каждом отсеке. Вася подумал, что это нечто вроде управляющего мозга каждого отсека.

В стенках находились углубления, в которых в специальных запаянных капсулах хранились разные образцы материи и животного мира. Некоторые капсулы разбились при падении, но большая их часть уцелела. Когда мальчик осторожно подошел к капсулам и взял одну из них, в которой был кусочек бурых водорослей, жидкость в зеленоватом треугольнике забулькала и ракушка заматалась в разные стороны.

Вася поспешно положил капсулу на место и отступил на несколько шагов. Бульканье прекратилось, и в отсеке вновь воцарилась тишина.

Очевидно, при падении корабль, разогревшись, немного искривился, а сейчас наклон пропал, и мальчик мог идти уже нормально, а не скользить вниз, как это произошло в самом начале, когда он разбил лоб. Впрочем, кровь перестала идти, и ранка уже начала засыхать, значит, царапина была пустяковой.



Вася сделал несколько шагов к другому отсеку с прозрачной дверцей, за которой темнели какие-то приборы и мерцали голографические изображения неведомой планеты. Вдруг что-то зашипело у него под ногами, и мальчика обвил выскочивший из пола гибкий ус, причем так прочно, что Вася оказался связанным по рукам и ногам. Он пытался вырваться, но никак не мог.

— *Тревога! Попытка несанкционированного выхода из хранилища!* — раздался откуда-то голос. — *Экспонат номер 3214, вид homo sapiens, пытается сбежать из хранилища в управляющие отсеки корабля. Экспонат будет усилён и водворён в соответствующий вольер.*

Из стены, пересекаясь, выдвинулись несколько тонких синеватых лучей, образовавших в центре нечто вроде клетки. Ус стал подталкивать мальчика внутрь, и Вася понял, что, если он окажется в вольере, оттуда ему уже не вырваться. Он стал брыкаться, пытаясь освободиться, но ус настойчиво продолжал толкать его в клетку, прутья-лучи которой уже раздвинулись, чтобы пропустить новый экспонат. Но тут Вася ухитрился сильно пнуть ногой прозрачный треугольник, мимо которого тащил его ус.

Плохо закрепленный треугольник опрокинулся, стенка его треснула, и зеленоватая жидкость стала вытекать. Вновь забурлил воздух, а ракушка заметалась, словно понимая, что если вся жидкость вытечет, то она погибнет.

Неожиданно освещение в отсеке замигало, лазерная клетка погасла, а ус, державший мальчика, отпустил его и бессильно вытянулся на полу, напоминая теперь простую веревку. Вася не знал, надолго ли обрел свободу, и, проскочив мимо него, устремился в соседний отсек, который охранная система назвала *«управляющими отсеками корабля»*.

Уже выходя из отсека, мальчика вдруг поразила мысль: *он понимал язык инопланетян!* Он услышал и понял сообщение охранной системы о том, что сбежал вид *homo sapiens* и его нужно водворить в вольер.

Само предположение, что инопланетяне могли говорить на русском языке, было нелепым. Вспомнив, что голос, звучавший в отсеке, доносился не от определенного источника, Вася догадался, что, скорее всего, это сообщение было телепатическим. Значит, мозг инопланетян

в самых общих чертах был устроен так же, как мозг человека, и мысленные телепатические сигналы приборов и узлов корабля были понятны и человеку, и гуманоиду.

Мальчик даже предположил, правда, это было слишком смело, что он сможет управлять сохранившимися узлами звездолета или хотя бы немного разобраться в его устройстве.

И начитавшийся фантастики тринадцатилетний подросток из 3-го тысячелетия шагнул в управляющий отсек корабля, где в потоке воздуха из кондиционеров показывалось голографическое изображение пустыни с синим песком, похожим на дно высохшего океана, и опрокинутым фиолетовым небом, по которому с огромной скоростью проносились рваные грязноватые облака. Вася решил, что это изображение родной планеты пришельцев, но возможно, он ошибался.

В управляющем отсеке мальчик замерз, у него даже зубы стучали от холода. Похоже, погибшие гуманоиды были более холоднокровны, чем земляне, и нормальная температура окружающей среды для их существования была в пределах $+5^{\circ}$.

В этом отсеке, как и в двух предыдущих, тоже был свой, заполненный красноватой жидкостью, прозрачный треугольник, но Вася не стал к нему подходить. Его внимание привлекло кресло у пульта управления, в котором на ремнях безопасности висел еще один скелет. Рука гуманоида навеки застыла на заклинившем рычаге экстренного торможения...

Сяомун — желтый человек — был раздражен и угрюм. Уже третий день он шел по равнине вдоль кромки леса в направлении, которое указывали Лесные Люди, но поиски упавшего Духа Огня были пока безуспешными.

Вчера вечером, когда они охотились на небольшое стадо антилоп-нильгау, им удалось отбить одну молодую антилопу и приблизиться к ней почти на расстояние двухсот локтей, с которого желтый человек мог поразить ее стрелой, из зарослей вдруг выскочил белый носорог. На покрытой пластинами спине, которые не пробьет ни одно копьё, сидели птицы-наездники, выклеывая паразитов и мелких клещей, которые кишат в этих местах с густой

влажной травой. Единственный рог древнего чудища длинной в четыре локтя был направлен прямо на Лесных Людей.

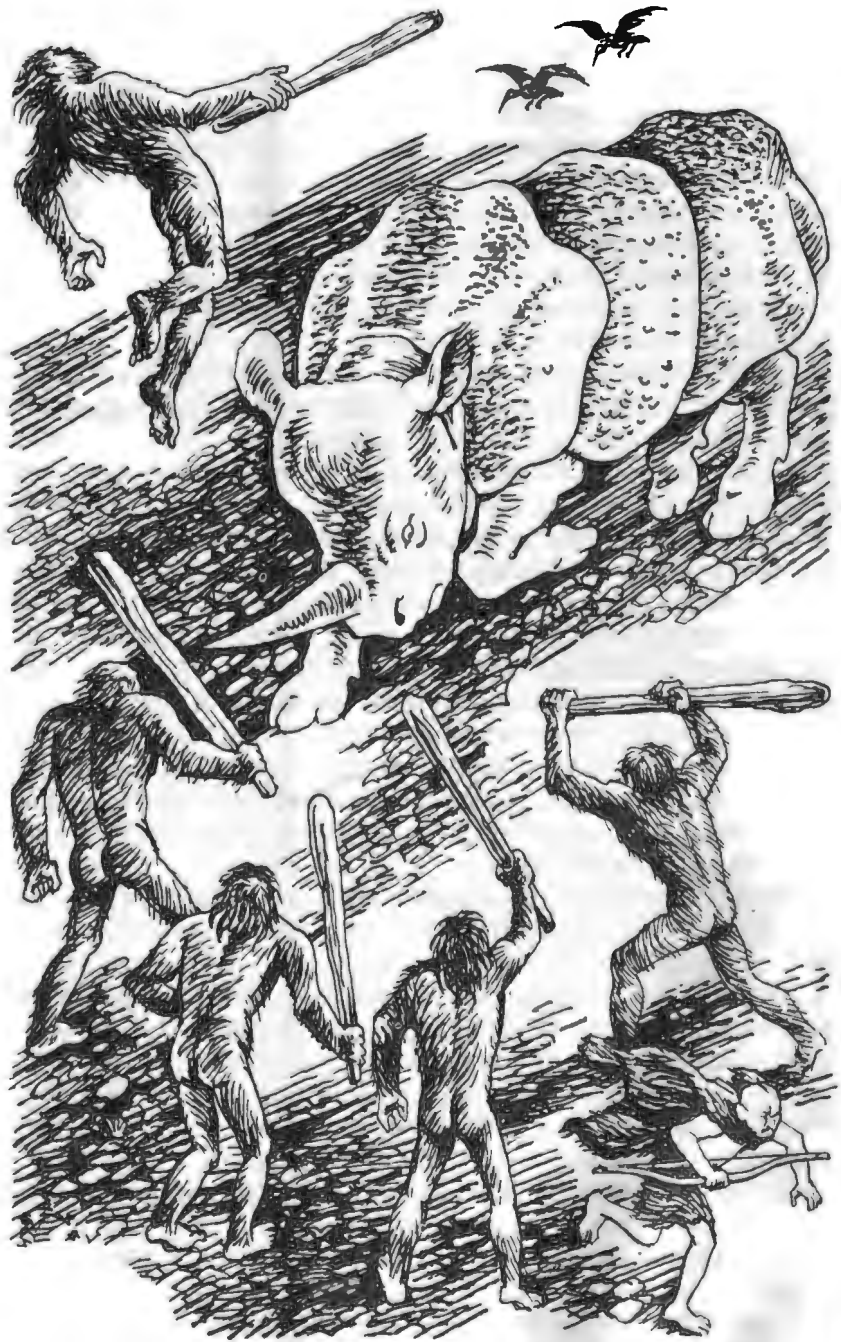
Они поздно заметили носорога, и теперь им некуда было даже спрятаться. Эти животные только кажутся неповоротливыми, на самом деле они очень опасны. Подслеповатые гиганты, непредсказуемые в своей ярости, атакуют даже деревья и муравейники. Любой предмет, оказавшийся на их пути на расстоянии ближе ста локтей, воспринимался как личное оскорбление, и носорог немедленно бросался вперед. Иногда атаки его бывали ложными, и тогда за несколько метров до столкновения с целью он вдруг останавливался или обходил препятствие стороной, например, когда понимал, что то, что он принял за противника, всего лишь старый трухлявый пенёк или муравейник.

Но этот белый носорог-самец, самый крупный из всех когда-либо виденных желтым человеком, явно не собирался шутить и яростно мчался на Лесных Людей. Бронированные пластинчатые наросты на его спине терлись друг о друга и издавали скрежет, какой через тридцать тысячелетий будут производить рыцарские доспехи. Маленькие подслеповатые глазки зверя налились кровью от гнева. Конец его рога был острым и отполированным, как острое копьё.

Увидев, что атаки избежать не удастся и рог направлен на него, Сяомун ловко отскочил и метнулся к лесу. О том, чтобы использовать против такого гиганта оружие, не могло быть и речи. Любой каменный топор или дубина сломались бы о массивный череп носорога, только еще больше разъярив его.

Антилопа-нильгау радостно убежала, проскочив рядом с носорогом, даже не заметившим ее, и понеслась за стадом. Через триста локтей, присоединившись к остальным, она уже спокойно пощипывала траву.

Один из Лесных Людей, ощутив прилив мужества, которое когда-то было свойственно его соплеменникам, шагнул навстречу носорогу и опустил ему на голову со всего размаха сучковатую палицу. В следующую секунду с распоротой рогом грудью он был подброшен на несколько метров в воздух и плашмя упал на землю. Сбив с ног еще нескольких Лесных Людей, носорог подбежал



к раненому, пытавшемуся подняться, и, еще раз пронзив его рогом, стал топтать, опьяненный запахом крови.

Остальные Лесные Люди бросились к зарослям вслед за Сяомуном. Так как они исчезли из поля зрения носорога, он забыл об их существовании. Вскоре он отошел от растоптанного тела и гордо, довольный своей силой и мощью, отправился искать новых противников. Ярость его, вспыхнувшая столь внезапно, прошла, и, добравшись до небольшого болотца, он упал на бок и стал кататься в грязи, похрюкивая от удовольствия. Птицы-наездники с криком взлетели с его спины.

Сяомун знал, что носорог вначале как следует изваляется в густой грязи, а потом обсохнет на солнце, чтобы грязь превратилась в плотную корку, сквозь которую не сможет проникнуть ни одно насекомое. Это был проверенный животными способ очищаться от паразитов, так же делали буйволы, мамонты и дикие свиньи.

Этот вечер был для отряда желтого человека явно неудачным. Немного погодя Лесные Люди погнались за самкой гаура — дикого быка с крепкими рогами, и хоть догнали ее и убили, но один из воинов наступил в траве на гадюку, и она впилась в его босую ногу своими ядовитыми зубами. Через несколько минут укушенный умер, а остальные стояли и смотрели на его тело. Потом один из них, самый старший, с уже седеющими бровями, нагнулся и вложил мертвому в руку палицу, чтобы душа его попала в Верхний мир.

Воины начали о чем-то шептаться, искоса поглядывая на своего предводителя, и тот, заподозрив измену, крикнул на их языке:

— Почему Лесные Люди не говорят в полный голос? Неужели им есть что скрывать от Сяомуна? Или они так трусливы, что две смерти смогли испугать их и заставят свернуть с пути? Неужели Лесные Люди не хотят получить обещанных жен и копья, которые Сяомун даст им, если они найдут для него жилище Духа Огня?

Старик с седыми бровями выступил вперед, ссутулив могучую спину:

— Дух Огня мстит нам. Это Дух Огня наслал на нас носорога и змею.

— Ты врешь, старик. Носороги и змеи были здесь и до Духа Огня,— возразил желтый человек.

— Возможно, и были. Но никогда раньше ни носороги, ни змеи не нападали на Лесных Людей, а жили с ними в мире. Это Дух Огня заставил их напасть на Лесных Людей. Никто из нас не дойдет до него живым.

Сяомун потянулся к кинжалу, раздумывая, не убить ли ему старика, чтобы тот не смущал остальных, но, взглянув на мрачные лица стоявших вокруг него гигантов с суковатыми палицами, каждый из которых был выше желтого человека на две головы и шире в плечах, не стал этого делать. «Лучше я завтра подмешаю ему в воду ядовитый корень, он умнее остальных, и его опасно оставлять в отряде», — подумал Сяомун. В этом был принцип желтых людей — убивать всех, кто стоял на пути у их племени.

Но сейчас ему пришлось хитрить, чтобы убедить Лесных Людей отвести его к Духу Огня. Ведь он не знал, куда упало его жилище, и не смог бы найти его сам.

— Неужели Лесные Люди так трусливы, что верят, что это Дух Огня напустил на них носорога и змею? Лесные Люди все равно умрут, произойдет это сегодня или через несколько весен! Если вам не нужны копья, много сытной еды и женщины, то уходите и уносите в себе свою испорченную кровь! — высокомерно крикнул Сяомун.

Воины угрюмо стояли, глядя на тело своего погибшего собрата. Рядом с двумя копьями в боку лежала убитая самка гаура.

— Тот из Лесных Людей, кто хочет остаться с Сяомуном, пусть сделает шаг вперед, а остальные пускай уходят!

После некоторого раздумья один из Лесных Людей, подняв на плечо дубинку, шагнул вперед, за ним другой, а через несколько минут остались стоять только старик и два воина. Они повернулись и пошли к реке, отказываясь от обещанных копий и богатств во имя жизни, но, пройдя локтей двести, вернулись назад.

— Мы тоже пойдем с вами, — сказали они. — Племя Лесных Людей все равно уже погибло, а те, кто остался, уже не дорожат своей жизнью.

Сяомун с помощью троих мужчин отволол тушу гаура к лесу, отогнав от нее шакалов. Нужно было немедленно развести костер, иначе на запах крови могли прийти крупные хищники: медведи, ягуары или махайроды, которые

не только умели убивать, но и любили лакомиться чужой добычей.

На этой богатой дичью равнине сумерки полны опасностей, а от хищников, ночью выходявших на тропу, даже огонь не всегда был надежной защитой. Желтый человек хорошо это знал, именно для этого он и взял с собой Лесных Людей, которые выросли и всю жизнь провели в таких или подобных чашах, не разучились строить убежища и под открытым небом, и под корнями деревьев, и под защитой стволов бамбука.

Вечерело. На небе уже показались первые звезды, и пора было отдыхать. Пока Лесные Люди поджаривали на костре мясо, Сяомун сидел на камне и задумчиво наблюдал за стариком, все еще продолжавшим ворчать.

После ужина, насытившись мясом, Лесные Люди оттащили остатки туши на несколько сотен локтей от костра, отдав ее на откуп шакалам, напились воды из тыквенных фляг и легли спать. Сяомун тоже лег.

А наутро старик был найден застывшим, с синими губами и пеной у рта. Очевидно, он умер ночью.

— Это потому, что он был трус и отговаривал вас идти за Духом Огня. Тот, Кто Живет В Верхнем Мире покарал его за трусость,— сказал Сяомун и спрятал в складки шкуры остатки ядовитого корня, который он вчера, когда старик пил, подмешал ему в воду.

Ум сопровождавших его Лесных Людей был уже затуманен из-за вырождения племени, и они ничего не заподозрили. Желтому человеку теперь ничего не стоило вести их за собой, бросив на съедение хищникам тело старика рядом с остатками гаура. Теперь с Сяомуном оставались только семь воинов, хотя луну назад их было почти в два раза больше.

Вскоре желтый человек остановился у гигантской секвойи и не менее ловко, чем Агам, вскарабкался по ее стволу наверх, высматривая кострище Духа Огня. И он нашел его — длинный выжженный участок леса с поваленными деревьями.

Сяомун спустился вниз и повел Лесных Людей в ту сторону. Но оказалось, что на поляне нет Духа Огня, хотя на ней и прочерчена длинная борозда. Это была та поляна, на которую корабль пришельцев упал вначале, а потом, сумев оторваться от земли, пролетел еще с де-

сяток километров над лесом, прежде чем рухнул окончательно.

Сяомун потрогал обожженную землю, представив себе, каким сильным был огонь, и по направлению поваленных деревьев и их сломанных вершин определил, в какую сторону полетел Дух Огня.

— Дух Огня был ранен. С такой раной он не сумел бы улететь далеко и умер бы, — сказал пигмей, и его тонкие брови сомкнулись. Его ум был остер, а инстинкт охотника безошибочен.

Пока Лесные Люди пугливо топтались на поляне, желтый человек забрался на другое дерево и сумел увидеть в зарослях, примерно в половине дня пути, еще одну выжженную поляну. Он понял, что именно там Дух Огня упал и издох, как олень с копьём в боку порой пробегает тысячи локтей, прежде чем, обессилев, умереть.

— Мы будем на месте к закату, — сказал Сяомун и, не оглядываясь на Лесных Людей, которые грустно плелись за ним, как дриопитеки, углубился в чащу. Теперь, когда пигмей почувствовал добычу, он двигался уверенно и быстро, как ягуар, идущий по свежему кровавому следу

В это время Агам и Роса сидели на краю ямы, не сводя взгляда с жилища Духа Огня, из которого лилось синеватое свечение. С тех пор как мальчик-колдун исчез внутри, прошло уже больше двух часов

— Агам спустится вниз, в жилище Духа Огня, — наконец решился пещерный юноша. — Если Вася погиб, Агам вложит ему в руку каменный топор, чтобы дух мальчика-колдуна смог попасть в Верхний мир.

Он встал, но Роса схватила его за руку.

— Агам не должен спускаться! Агам погибнет точно так же, как и мальчик-колдун. Нижнее чрево раскроется и поглотит его! — кричала девочка.

Нижним чревом она называла внутренний люк шлюза звездолета пришельцев.

— Агам будет осторожен. Агам уже знает, чего бояться. Пускай Роса ждет его здесь, он принесет сй много украшений и оружия!

И, не слушая ее уговоров, подросток взялся за кожаный плетеный ремень и, держа наготове топор и копьё,

бормоча заклинания, отгонявшие злых духов, стал спускаться в люк.

Он с ужасом смотрел на свет, льющийся из стен, и на странные коконы за прозрачной перегородкой, похожие на мумии древних людей — питекантропов, которые они иногда находили в известковых сухих пещерах, заваленных камнями так, что в них не проникал снаружи воздух. Когда мумии выносили на солнце, они в считанные минуты съеживались и от них оставались лишь кости.

Продолжая держаться за ремень из опасения, что нижнее чрево снова откроется, юноша ударил копьем в прозрачную перегородку, на которой не осталось даже царапины, и крикнул:

— Агам не боится мумий! Агам не боится стражей жилища Духа Огня и готов бросить им вызов. Пусть они выходят и сражаются с Агамом по одному или все вместе!

Но коконы были неподвижны и не приняли его вызова, только жидкость пульсировала и переливалась в тонких прозрачных трубках.

Агам немного успокоился. Раз мумии не нападают, значит, Дух Огня не желает ему зла и позволит спуститься в свое жилище.

Словно в подтверждение его мыслей, нижнее чрево раздвинулось, и он увидел под собой еще одну пещеру Духа Огня с прозрачным ровным куском скалы, похожим на большой кусок горного хрусталя треугольной формы. Тела мальчика-колдуна внизу не было видно, поэтому Агам решил, что тот провалился еще глубже. Он верил, что у многих колдунов две или три жизни, значит, Вася еще может быть жив.

— Агам спустится вниз во вторую пещеру! — крикнул он наблюдавшей за ним сверху девочке. — Пускай Роса ждет его, он скоро вернется!

И, повиснув на руках на краю люка, он прыгнул вниз и приземлился ловко, на руки и ноги.

Так прыгать народ юноши научился у их тотема — камышового кота, который не боялся высоты и, забираясь на сухие стволы деревьев, потом кидался сверху на уток, никогда при этом не разбиваясь и всегда приземляясь на лапы.

Агам встал и огляделся. Потом он поднял каменный топор и копье, выроненные при падении. Верхний люк с шипением задвинулся, и пещерный юноша понял, что оказался в ловушке. Держа наготове каменный топор, готовый сразаться, он метнулся по одному из боковых проходов, ожидая внезапного нападения.

По его лицу хлестнула сухая рука скелета, свисавшая со второго яруса одного из отсеков, потом Агам зацепился ногой за высокий порог, вскочил и в ужасе бросился бежать по жилищу Духа Огня, не разбирая дороги. Стальные лепестки люков открывались при его приближении, с гулом работали кондиционеры, покачивалась на оборванном проводе какая-то колба, похожая на гриб-дождевик.

Отмахиваясь топором от неведомых врагов, которые, как казалось Агаму, наседали на него со всех сторон, мальчик мчался по коридорам звездолета пришельцев из отсека в отсек. С самого начала он выбрал иное направление, чем Вася, и теперь оказался в другом месте корабля.

Агам считал, что и лампы, и люки, и потоки света, и какие-то приборы, и этот десяток скелетов, которые встретились ему,— все сговорилось его уничтожить. С колотящимся сердцем мальчик уткнулся наконец в тупик и резко обернулся, сжимая копье. Но все было спокойно. Только мерцал в середине отсека подвешенный на силовом поле прозрачный овал, а рядом раскачивалась и противно скрипела решетка сорванного кондиционера.

На Агама никто не бросался. Слуг Духа Огня и оживших скелетов видно не было, и постепенно подросток осмелел.

— Стражи Духа Огня трусливы, и Агам разогнал их своим топором! — крикнул он, вспомнив, что бил своим оружием все, что попадалось ему на пути, и колот стены копьем так сильно, что даже сломал наконечник.

Отбросив негодное копье и обнаружив, что от его топора осталось одно топорище, потому что камень отвязался и слетел, мальчик стал озираться по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло служить оружием. Но вокруг не было ничего подходящего. Он попытался было отодрать болтавшийся стержень, который мог заменить палицу, но тот другим концом был прочно приварен, все усилия отломить его ни к чему не привели.

Агам подошел к прозрачному овалу, который, как по волшебству, повис в воздухе посреди пещеры, и остановился рядом с ним. Неожиданно овал осветился, в нем за клубился оранжевый газ, и в стенках овала мальчик увидел свое искаженное выгнутое отражение. Это было так внезапно, что он отпрыгнул, приняв его за одного из своих противников.

Овал стал медленно вращаться внутри силового поля, а потом Агам вдруг услышал внутри себя голос, который звучал *ниоткуда*. Пещерный мальчик решил, что с ним говорит дух, но он уже насмотрелся внутри этого жилища на многие чудеса и теперь отнесся к этому голосу довольно спокойно.

«Пускай дух разговаривает с Агамом, главное, чтобы он не попытался напасть на Агама и убить его. Но раз у духа нет тела, он не сможет этого сделать», — подумал подросток.

Разумеется, он чувствовал бы себя спокойнее, если бы у него в руках была дубинка, но ничего не поделаешь. Он жалел только, что не взял кремневый нож и лук, оставив их Росе, чтобы ей было чем защищаться.

— *С тобой говорит Главный Советчик корабля варрян. Ко мне давно никто не приходил за советом, и я устал уже давать их сам себе,* — снова услышал Агам голос в своей голове.

Мальчик ничего не ответил, внимательно слушая эти слова.

«А что, если стукнуть по овалу древком от копья? Он выйдет рыхлым, как медуза, думаю, я проткну его насквозь», — размышлял Агам.

— *Это плохая идея,* — ответил голос, прочитывая мысли Агама. — *Ты можешь уничтожить меня, но зачем тебе это делать? Лучше попроси меня дать тебе совет или составить прогноз на будущее. Кто ты?*

— Я Агам.

— *Я уже прочитал это имя у тебя в голове. Так ты сам себя называешь. Но нельзя быть только Агамом, нужно быть еще кем-то.*

— Я Агам, — упрямо повторил мальчик, поднимая древко копья и задумчиво подбрасывая его на ладони.

— *Хорошо, пускай будет Агам,* — поспешно согласился Советчик. — *Ты не мог бы помочь мне, Агам? Ты ведь пришел*

сюда с поверхности планеты. Скажи, кто-нибудь из экипажа уцелел?

— Ты говоришь о слугах Духа Огня? Они все мертвы, я видел их скелеты во всех пещерах.

Некоторое время овал молчал, и подросток видел только, как в нем переливается оранжевый газ.

— Сами виноваты. Я знал, что мы ударились о планету, но не предполагал, что так сильно,— произнес наконец голос.— Я составил им на тот день отвратительный прогноз. Все аспекты планет были не на своих местах. И хоть бы один послушался моего совета! Впрочем, в том есть доля и моей вины.

— Твоей вины?

— Ну разумеется. Я обиделся на них за то, что они никогда не верили в мои гороскопы, и не сказал им, на чем был основан мой отрицательный прогноз в тот день. Дело было не только в аспектах планет. Пульсатор главного двигателя работал с перебоями. Если бы я сказал им об этом, возможно, они починили бы его, прежде чем входить в атмосферу планеты.

— А почему ты им не сказал?

— Я же сказал им про плохой, очень плохой гороскоп. Если они не поверили в него, то почему должны верить в какой-то пульсатор? Моц хозяева, варьяне, были странные существа. Если они не нуждались в моих советах, зачем было меня делать и наделять разумом? Спроси меня о чем-нибудь, и я тебе отвечу! Спрашивай!

— Хорошо,— сказал Агам, занося древко,— что я собираюсь сделать сейчас? Угадай, если сможешь.

— Ты собираешься меня уничтожить,— спокойно сказал Советчик.— Но напрасно. Если ты ударишь меня этой штукой, то я взорвусь, выделится много энергии, и ты погибнешь.

Юноша опустил древко и задумался.

— Хочешь я покажу тебе последние часы жизни корабля в ускоренном темпе? — предложил вдруг овал.— Начиная с того момента, когда они не послушались меня, вплоть до падения. Я записал эту историю в ячейки своей памяти, чтобы она стала поучительным примером всем потомкам обязательно меня слушать. В общем, сам смотри...

И овал вытянулся, превратившись в экран. Агам отшатнулся, потому что ему показалось, что с экрана на

него хотят броситься новые враги, но потом понял, что это просто отражения, как, скажем, отражение саблезубого тигра.

Он увидел каких-то существ в странных одеждах, отдаленно похожих на людей. Они ходили по отсекам корабля, переговаривались высокими вибрирующими голосами, похожими на свист. Агам решил, что это жители Верхнего мира, слуги Духа Огня. Вначале он не понимал их языка, но Советчик, догадавшись об этом, стал мысленно переводить.

Неожиданно существа зашевелились быстрее и бросились к экранам и мониторам. Агам услышал голоса: *«Капитан, на выходе из гиперпространства какая-то обитаемая планета!»* — *«В этом секторе не может быть никаких планет!»* — *«Взгляните сами!»* Изображение замелькало, отодвигаясь куда-то вбок, к иллюминатору, за которым видна была светящаяся точка, размером не больше ночного светлячка.

«Ее нет на атласах!» — *«Атласы этого сектора никогда не составлялись! Давайте ее исследуем, капитан!»* — *«Этот дурацкий астролог совсем взбесился, предсказывает нам какие-то несчастья».* — Смех. — *«Сближаемся с планетой, приготовьте зонды, чтобы взять пробы животной и растительной жизни...»*

Снова какое-то мельтешение — наверное, Советчик пустил ускоренную перемотку изображения, пропуская малозначительные детали.

«Зонды с планеты прибыли. Пробы воды и воздуха положительные. Планета заселена существами, похожими на варрян, но находящимися на примитивной стадии развития. Нам ничего не стоит захватить планету и пополнить ею список миров, уже заселенных варрянами. А этих существ превратить в своих рабов либо уничтожить».

«Входим в атмосферу! Включить пульсатор на полную мощность!» — Крик и перекошенное лицо инопланетянина на экране. — *«Почему корабль дрожит, вы что там в моторном отсеке все с ума посходили?»* — *«Двигатель неисправен, атмосфера слишком плотная! Мы падаем, капитан! Борта раскаляются!»*

«Включить экстренное торможение!» — *«Не успеваем, уже поздно! Мы сейчас разобьемся!»*

Глухой звук удара. Потом экран показал, как один из варрян ползком пробирается к навигатору и встает, покачиваясь. Наверное, это капитан. Рядом лежат тела членов экипажа, все лицо у капитана в крови. Он поднимает корабль в небо и ведет его низко над лесом. Двигатели завывают, и от звездолета отлетают куски обшивки.

Потом двигатель окончательно отказывает, и звездолет пришельцев стремительно падает вниз на лес. Трещат деревья. Удар. Взрыв.

Овал принял свои прежние очертания.

— *Вот так все и произошло. Не правда ли, поучительно?*

— А где Дух Огня? Я видел только его слуг? — спросил Агам.

— *Ты веришь в стихию огня? Это — мощная стихия, стихия действия и напора. Огонь быстро вспыхивает, все сокрушает на своем пути, но так же быстро и остывает.*

Агам снова задумчиво поднял палку.

— *И не думай! Я предупреждаю, если ты меня уничтожишь, то умрешь со мной в одну секунду,* — напомнил ему Советчик.

Он немного помолчал, а потом спросил:

— *Кстати, тебе интересно, что с твоим другом?*

— С мальчиком-колдуном?

— *Ему грозит смерть, и очень скорая. Могу тебе показать. На него напал охраняющий робот. Никогда не стоит соваться к оружейному арсеналу, не введя предварительно пароль.*

На экране появился большой отсек. По нему мчался Вася, а за ним ехал массивный агрегат на гусеницах, то и дело пытаясь поразить мальчика электрической молнией. Хорошо еще, что на пути попадались поваленные предметы и мониторы, и роботу приходилось их объезжать.

— *Хочешь помочь ему или дослушаешь сначала про стихию огня? Так вот, стихия огня является одной из четырех стихий, кроме нее есть стихии воздуха, земли и воды...*

— Как мне попасть туда? — закричал Агам, видя, что робот уже почти нагнал Васю и решил раздавить его гусеницами.

— *Первый люк налево через два отсека,* — сказал Советчик, и один из стальных лепестков люка раздвинулся,

пропуская мальчика.— *Кстати, если хочешь остановить робота, выключи рубильник у него на корпусе. И смотри не попади под молнию! А то мне некому будет давать советы!*

Агам проскочил через два отсека и успел подскочить к роботу-охраннику, когда тот уже припер Васю к стене и разгонялся, чтобы протаранить его гусеницами. Использовать в этом случае молнию робот не решался, так как нарушитель находился у центрального монитора звездолета, повредить который по заложенной в робота программе было никак нельзя.

Охранник уловил за своей спиной какое-то движение, но было уже поздно. Агам с разбегу отважно бросился на робота, как мужчины его племени бросались из засады на дикого кабана, вооруженные одним только кремневым ножом.

Мальчик не знал, что такое рубильник, о котором говорил ему Советчик, но на спине у страшного врага он увидел нарост, похожий на гребень ящерицы-варана, и схватился за него рукой. Робот рванулся, пробуксовав гусеницами, и сбросил с себя Агама, который, слетая с его корпуса, еще сильнее сжал нарост, понимая, что иначе противник подомнет его под себя. Неожиданно рубильник щелкнул, в ту же секунду охранник замер и перестал двигаться. Его гусеницы тут же остановились.

Подросток вскочил, готовый к новой атаке неведомого животного, но робот был неподвижен, и Агам, толкнув его ногой, убедился, что он больше не опасен.

Тогда победитель издал торжествующий боевой клич и стукнул себя кулаком в грудь.

— Агам голыми руками, без палицы и ножа, убил громадного зверя, сильного, как дикий кабан, и ловкого, как ягуар! — крикнул он. — Никто не сравнится с Агамом. Одного прыжка Агама и объятия его мощных рук оказалось достаточно, чтобы зверь умер! Смотри, Дух Огня, как Агам справился с твоим слугой, и трепещи!

И Агам снова пнул робота ногой.

Вася осторожно слез с огромного монитора, на который он забрался, спасаясь от охранника.

— На твоём месте я бы держался от него подальше! — предупредил он. — Сдвинешь рубильник, и он снова за-

работает. Я видел, как эта штука прожигает молнией даже бронированные люки.

— У хищника много жизней? Агам не боится! Он отнимет их все, одну за другой! — с энтузиазмом заявил пещерный подросток, но все же отошел от работа на несколько шагов.

— Откуда ты здесь взялся? Ты же собирался остаться наверху?

— Агам решил помочь мальчику-колдуну. Агам успел вовремя. Если бы Агам не появился, зверь растоптал бы мальчика-колдуна!

— Это точно, лепешки бы не оставил,— согласился Вася, разглядывая массивные стыки гусениц с острыми шипами.— Я даже не понял, откуда он вырвался.

Встреча с роботом-охранником была неожиданной для него. Он прошел насквозь несколько отсеков, пока не попал в тесный коридорчик, ведущий на нижний уровень. Коридорчик состоял из прозрачных колец, которые прогибались под ногами, будто Вася проходил внутри шланга гигантского пылесоса. Вскоре он увидел еще один люк, который не открывался при его приближении, как остальные люки.

На нем мальчик заметил углубление в форме шестипалой ладони, на которой рядом с мизинцем располагался еще один короткий, оттопыренный палец. Вася из любопытства приложил к этой ладони свою руку, не зная, что произойдет.

А случилось вот что. Люк вдруг раздвинулся, и оттуда с лязгом выскочил этот робот, стреляя молниями. Мальчика спасло то, что в другой руке у него была целая горсть разных мелких предметов, которые он подобрал на корабле: какие-то диски с рисунками, похожие на монеты, мини-датчики и просто кусочки железа.

Увидев гусеничного робота, он швырнул в него этими железками, а потом бросился наутек.

Робот, зафиксировав своими локаторами сразу много вторгающихся предметов, а каждый предмет был для него агрессором, испепелил их все своей молнией и передал гусеницами и лишь потом устремился за Васей.

Тот минут пять удирал от него по отсекам, лавируя между цилиндрами и прозрачными треугольниками, в которые робот почему-то не стрелял, опасаясь повре-

дить узлы корабля. Очевидно, это было заложено в его программу. Наконец роботу удалось загнать мальчика в угол, но тут откуда-то появился Агам и выключил охранника.

— Ты давно в жилище Духа Огня? — спросил Вася.

Пещерный подросток удивленно посмотрел на него. В языке Камышовых Котов очень мало единиц, означающих время, потому что оно для пещерных людей, которые никогда никуда не спешат, если за ними не гонится зверь или они сами не гонятся за добычей, весьма относительно. Они измеряют время в основном веснами, закатами солнца и лунами. После каждой луны начинается новый месяц, например, месяц Древесных Соков, месяц Детенышей, месяц Долгих Дней, месяц Глубокого Снега и так далее. Более мелких единиц — часов, минут, секунд — у них нет.

И поэтому, немного подумав, на вопрос мальчика-колдуна Агам ответил так:

— Давно ли Агам в жилище Духа Огня? Еще ни одного заката.

Вася кивнул. Он был благодарен приятелю за то, что тот спас ему жизнь, и ему хотелось поделиться с ним своими открытиями.

— Кажется, я нашел главную рубку звездолета, — сказал он. — Там, в кресле, скелет, ухватившийся за рычаг. Наверное, это капитан.

Агам понимающе кивнул.

— Это тот слуга Духа Огня, который стоял у руля летающего жилища, чтобы оно не упало в лес, — уточнил он. — Но летающее жилище все равно упало.

— А ты откуда знаешь? — поразился Вася.

— Агам видел.

— Видел? — недоверчиво переспросил мальчик.

— Агаму показал это Тот, У Которого Есть Только Голос, после того как Агам пощадил его, — объяснил пещерный подросток.

Сколько Вася ни расспрашивал его, ничего более толкового тот объяснить не мог. Мальчику стало даже немного обидно. «До чего же проныры эти пещерные люди! — подумал он. — Агам попал на звездолет пришельцев намного позднее, но успел увидеть и узнать куда больше, чем я».

— Тот, У Которого Есть Только Голос сказал мне, что мальчик-колдун нашел пещеру с оружием,— вдруг заявил Агам.— Именно поэтому на мальчика-колдуна и напал страж пещеры и хотел растоптать его.

— Так это был арсенал? — догадался Вася.— То-то я удивился, что там вдоль стен стояли какие-то странные штуки...

— Мальчик-колдун покажет Агаму оружие? Агам сломал свой топор и копье. Агаму нужен новый топор и новое копье,— потребовал пещерный подросток.

Вася давно уже заметил, что его приятель проявлял большой интерес ко всевозможному оружию, что легко было объяснить, так как жизнь людей в те времена была связана с постоянным риском и выживал только тот, кто никогда не расставался с оружием, был силен, ловок и хитер. Поэтому глаза Агама всегда загорались, когда он видел камень подходящего размера, или острую кость для гарпуна, или прочную палку красного дерева, из которой можно было сделать не знавшую износа палицу

Так как Вася тоже был не прочь взглянуть на арсенал пришельцев, он повел жителя пещер через несколько отсеков на нижний уровень к той самой трубе, по которой его преследовал робот. Ребята шли очень осторожно, допуская, что у арсенала могут оказаться другие охранники, кроме того, который сейчас, выключенный, стоял у главного монитора.

Люк с шестипалой ладонью был все еще открыт, хотя внутри мигадо аварийное освещение, усиливая чувство тревоги. Створка люка скрипела, и из арсенала раздался низкий гул.

— Там призраки воинов! — прошептал Агам.— Они охраняют оружие Духа Огня! Но Агам не боится призраков! Он получит копье и топор Духа Огня и станет непобедимым! Он убьет всех своих врагов и станет вождем всех вождей!

— Почему же Агам шепчет, если он такой смелый? — насмешливо поинтересовался Вася.

— Потому что у Агама еще нет топора и копья Духа Огня! — резонно ответил пещерный мальчик.

Ребята подошли к самому люку и осторожно заглянули внутрь. Они были первыми в истории человечества, кто увидел то, что было сейчас перед ними...

ПОЯВЛЕНИЕ ЖЕЛТОГО ЧЕЛОВЕКА

Страх подобен волку. Когда смотришь ему в глаза и идешь навстречу, он убегает. Но, если повернешься к нему спиной и задрожешь, он убьет тебя.

Мудрость каменного века

Желтый человек — Сяомун вышел к поляне еще до заката солнца. Ему пришлось постоянно торопить и подгонять неповоротливых Лесных Людей. Медлительные воины расчищали ударами палиц густые, сросшиеся заросли, пробивая дорогу. Потом они нашли звериную тропу, на которой хоть и было больше шансов встретить хищника, но зато продвигаться стало легче.

Впрочем, день был жаркий, и Лесные Люди знали, что в зной все хищники прячутся в своих логовищах, в чаще и буреломе и не выйдут на охоту до наступления сумерек.

За весь день отряд лишь однажды наткнулся на стаю диких собак-дхолой, не способных нападать на людей, но с воем преследовавших группу, пока желтый человек, рассердившись, не убил одну из собак стрелой. Внезапно на тропу перед ними выскочил тапир, замер на мгновение в нерешительности и исчез в лабиринте зарослей так быстро, что мелькнула только его толстая спина. Один из воинов изо всей силы бросил ему вслед копье, но промахнулся и только сломал каменный наконечник о ствол баньяна.

— Если Лесные Люди и дальше будут так плохо охотиться, то вскоре им придется, как дриопитекам, питаться корнями и слизняками, — сказал Сяомун.

Желтый человек с презрением относился к людям вымирающего племени и не пытался это скрыть. Впрочем, лесные жители не понимали иронии, их мозги с каждым годом теряли свою гибкость, а в языке оставалось все меньше слов из-за того, что их развитие не только остановилось, но и возвращалось в прошлое.

Стало смеркаться. Вскоре деревья расступились, и показалась черная, скользкая, как лед, поляна, спекшаяся от чудовищного небесного огня. Лесные Люди замерли,

не решаясь ступить на нее, и даже желтый человек почувствовал суеверный ужас.

Преодолев страх, Сяомун решил подойти к яме, но вдруг, уловив какой-то неясный звук, понял, что на поляне они не одни, и схватился за лук.

Роса, не отрываясь, смотрела на люк, за которым скрылся Агам. Его давно уже не было, и девочка волновалась. Ее живое воображение рисовало страшные картины, и она начала верить, что ее приятель погиб так же, как мальчик-колдун, и никогда больше не вернется из заколдованного жилища Духа Огня.

Роса даже рискнула наклониться над люком, хоть ей было очень страшно, потому что оттуда пробивался злобный синеватый свет, а, так как солнце уже заходило за верхушки деревьев, отверстие казалось входом в потусторонний мир.

— Агам! Мальчик-колдун! — позвала она.

Тишина. Ни звука в ответ. Тогда девочка бросила в люк маленький камешек. Он стукнулся обо что-то, и внутреннее чрево жилища Духа с гулом распахнулось, выбросив струю белого пара.

Роса с криком отшатнулась и выбралась из ямы. Быстро темнело, над поляной пронеслась черная тень с распахнутыми крыльями — огромная ушастая сова. Вдали послышался вой волчьей стаи и глухой рык махайрода, извещавшего весь лес о том, что он вышел на охоту. Девочке стало страшно. Ей захотелось прижаться к кому-нибудь сильному, уверенному в себе, как Агам, но его рядом не было.

«Наверное, Агам уже погиб, я должна надеяться только на себя», — решила Роса.

Она привыкла, что почти каждую луну кто-то из охотников ее племени не возвращается или его приносят израненным. К смерти Камышовые Коты относятся довольно спокойно, не считая ее потрясением. Часто зимой можно было наблюдать, как в одном углу пещеры лежит больной старик или стонет раненый, в другом — спокойно играют деревянными палочками дети, а в третьем — на свет появляется новорожденный.

Роса взяла кремневый кож, оставленный Агамом, и потрогала его острие. Легкое и тупое оружие, которое даже не сможет оцарапать голодного хищника, если он нападет на нее.

Внезапно она услышала голоса. На фоне заходящего солнца на краю поляны показались покатые плечи лесного воина. Роса не сомневалась, что и тот тоже ее заметил.

Лесные Люди стали медленно приближаться к девочке, опустив дубины. В их движениях она почувствовала угрозу и мгновенно решила, как себя вести. Ей не убежать, они окружили поляну со всех сторон, единственный путь к отступлению — яма, а в ней — вход в жилище Духа Огня с пробивающимся потусторонним светом. Наверняка этот свет вначале напугает Лесных Людей и даже желтого человека, который тоже где-то поблизости.

Когда один из воинов уже протянул к девочке свои огромные руки, Роса, громко завизжав, отскочила и швырнула в него каменным ножом. Потом она ударила другого стрелой от лука Агама и бросилась к центру поляны. Лесные Люди, скользя на обожженной поверхности, понеслись за ней, но она, зажмурившись, уже спрыгнула вниз. Нападавшие остановились у края ямы, собираясь последовать за девочкой, но, увидев сверкавший из-под земли синеватый свет, в ужасе завопили, забыв обо всем. Один из воинов даже упал на землю и стал бормотать заклинания, прося злых духов не трогать его.

Роса помнила, как этот свет напугал их с Агамом в первый раз, и хорошо понимала состояние Лесных Людей. Возможно, они не решатся еще раз сунуться к яме, но с ними желтый человек, он менее суеверный, чем эти простодушные жители чащи.

Крикнув спутникам, чтобы они следовали за ним, Сяомун подскочил к краю ямы и, увидев странный свет, льющийся из-под земли, замер как вкопанный. Лицо пигмея побледнело. Рядом со входом в подземное жилище Духа Огня он увидел девочку, стоявшую в полный рост и сжимавшую в руке стрелу от лука. Лицо у нее было испуганным, но решительным, а ее пышные светлые волосы, которые сзади подсвечивал синеватый свет, делали девочку похожей на грозную лесную ведьму — Джедду,

в которую верил народ желтого человека. И Сяомун остановился на краю ямы в нерешительности.

— Она заговорена! Она служит злым духам! — крикнул один из воинов, которому Роса поцарапала грудь кремневым ножом.

— Тогда я убью ее! Будь она даже ведьма, ей не выжить, когда в нее попадет ядовитая стрела! — крикнул Сяомун, натягивая лук.

Роса решила, другого выхода у нее просто не было. Она понимала, что желтый человек не промахнется, и у нее была возможность выбрать одну из двух смертей. За секунду до того, как из его лука вылетела стрела, девочка прыгнула в приоткрытое чрево космического корабля, провалившись в подземное жилище Духа Огня. Послышался гул, и верхний люк захлопнулся. Очевидно, падая, Роса привела в движение механизмы герметизации.

Из ямы поднялась тончайшая струйка дыма. Сяомун, выпустивший стрелу, видел только, что девочка исчезла, превратившись в дым, а свет, пробивавшийся из-под земли, погас. Темное невидимое дно ямы скрывало какую-то загробную тайну.

Это вызвало шок даже у желтого человека, не говоря уже о суеверных Лесных Людах. С громкими воплями они бросились в лес и бежали, пока могли дышать, пробиваясь сквозь заросли. Беглецам казалось, что их преследуют целые орды злых духов, потому что над их головами проносились какие-то тени, насмешливо ухал филин и раздавались угрожающие сдавленные хрипы. Корни, торчащие из темной земли, казалось, пытались ухватить их за ноги, а острые сучья — выколоть глаза.

Пока были силы, бежал Сяомун с Лесными Людьми, потом они упали на землю и долго не могли отдышаться.

— Это — проклятая поляна. На ней живут духи! — сказал наконец желтый человек. — Мы пойдем туда только утром, когда взойдет солнце. Оно прогонит ночных духов.

Лесные Люди сгрудились вокруг него, Сяомун пересчитал их. Теперь их осталось только шестеро. Один воин пропал, и сколько они ни звали его, так и не нашли. Потом Сяомун зажег факел и при его мерцающем свете увидел на земле следы крови. Должно быть, седьмого Лесного человека утащил голодный саблезубый тигр, умевший подкрадываться бесшумно, как призрак.

— Это нам послано проклятие за то, что мы убили колдуна Камышовых Котов,— сказал один из воинов.

Он знал, что говорил. Ведь именно этот дикарь, который стал жертвой хищника, явно подосланного злыми духами, проломил колдуну племени Камышовых Котов голову палицей. Кровь за кровь, теперь, с точки зрения Лесных Людей, месть свершилась, но возможно, дух убитого колдуна все еще требует отмщения и не успокоится, пока жив хотя бы один из оставшихся лесных воинов.

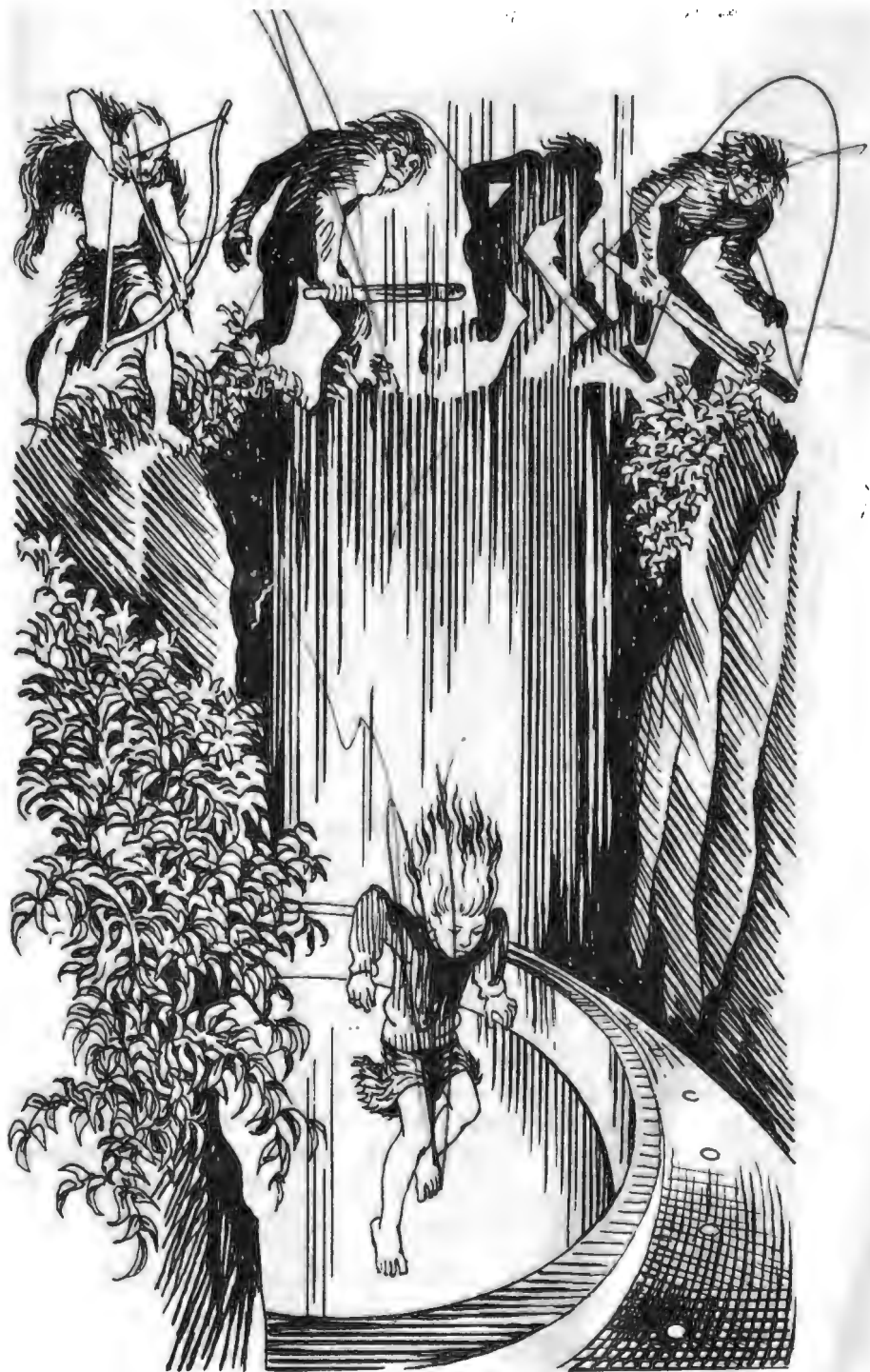
Подул ветер, и желтый человек почувствовал смрад затхлой воды. Ничего не понимая, он сделал несколько шагов вперед и провалился по колено в болото. Трясина стала затягивать его, не желая расставаться с добычей. Только упав на живот и ухватившись за траву, Сяомун кое-как выбрался на берег. Лесные Люди при свете факела с ужасом смотрели на него: они и в этом увидели месть духа убитого колдуна.

— Это всего лишь болото, ничего особенного. Мы сбились с тропы,— бодрясь, сказал желтый человек, рассматривая свои ноги, которые выше колен были теперь в сапогах из грязи.

Внимательно глядя вниз на тропу, так как наступил час змей, которыми буквально кишела болотистая часть леса, Сяомун подальше отошел от трясины. Уже на повороте тропы он оглянулся: растерянно и уныло Лесные Люди плелись за ним, признав его своим вожаком после смерти седобрового старика. Желтый человек был доволен, что отравил его. Его спутники были для Сяомуна всего лишь грубой рабочей силой и расходным материалом (должен же на кого-то охотиться махайрод?), но в данный момент они необходимы ему, чтобы напасть на жилище Духа Огня. А потом... потом он решит, что с ними делать. И он ощупал складки шкуры: не потерял ли ядовитый корень, когда провалился в болото?

— Мы найдем поляну, разведем костер и подождем утра! — крикнул желтый человек. — А утром, когда солнце прогонит духов, снова вернемся к жилищу колдуньи. Туда, где из-под земли бьет свет.

Сяомун был настойчив и упорен. Эти качества были главными чертами племени желтых пигмеев, которые, даже не имея большой силы, постепенно, неторопливо подчиняли себе первобытный мир. Пройдут сотни веков,



и именно потомки этих желтых людей первыми изобретут порох и бумагу...

Но пока эта эпоха была лишь зарей представителей народа Сяомуна.

Свалившись в люк, который сомкнулся над ней, подобно цветку росянки, Роса приготовилась к самому худшему. Ухватившись за кожаный ремень, закрыв глаза, она ждала, пока чудовище переварит ее. Но прошла минута, другая — и, удивившись, что она еще жива, девочка открыла вначале один глаз, а потом другой.

«Может быть, это уже дух Росы?» — подумала она и посмотрела на свою руку, на которой была длинная царапина от слоновьей колючки, когда она накануне налетела на куст.

«Нет. Если это дух Росы, у него не было бы царапины. Значит, Роса пока жива».

И, осмелев, она огляделась. Нижнее чрево Духа Огня, куда провалились Агам и мальчик-колдун, еще не открылось¹, а девочка находилась в верхнем шлюзе.

Роса увидела прозрачную перегородку, а за ней большие коконы-мумии, в которые закачивалась через трубки какая-то жидкость. Все это выглядело довольно мрачно, но девочка не боялась мертвецов. Пещерные люди вообще не боятся мертвых, они боятся живых, потому что мертвые уже не могут причинить им вреда.

Роса просто из любопытства стала ощупывать прозрачную перегородку, и внезапно ей удалось то, что не удавалось до этого ни Агаму, ни мальчику-колдуну. Вероятно, она привела в действие какой-то механизм, и прозрачная перегородка отъехала в сторону. Девочка оказалась в небольшом добавочном отсеке рядом с коконами. Крайний кокон был примерно такой высоты, как Роса. Покрывавший его роговой слой местами потрескался.

¹ Люк открывался, когда кто-нибудь пересекал опознающий невидимый луч, информирующий о приближении члена экипажа корабля. Так как физическое строение гуманоидов и землян было схожим, люк реагировал и на людей, как на инопланетян, за исключением более четко настроенного опознающего луча в звоннице, который недавно принял Агама за одного из экспонатов биокolleкции.

Кокон казался неживым, хотя трубки закачивали в него питательные вещества.

Девочка протянула руку, чтобы потрогать кокон, но внезапно он пошевелился, и его поверхность треснула, образовав длинный разлом, который продолжал расширяться. Странные коконы оживали, а то, что было в них, стремилось вырваться наружу.

Завизжав, Роса посмотрела себе под ноги: она стояла на каком-то возвышении в форме неправильного квадрата, в самом центре которого был красный круг. Именно на этом кругу оказались босые ступни девочки. Роса сообразила, что мумии стали просыпаться именно в ту минуту, когда она вступила в этот магический круг.

Мумии раскачивались все больше и больше, их коконы лопались, и девочка даже боялась представить, что окажется там внутри. Наверняка какие-нибудь ожившие мертвецы, от которых нельзя ожидать ничего хорошего. Роса метнулась назад, чтобы выбраться из этого отсека в соседний, но уткнулась в прозрачную стену, которая снова возникла на ее пути. И девочка завопила что было сил...

Арсенал звездолета пришельцев состоял из нескольких последовательных ярусов, которые поднимались спирально вверх, как многоэтажный гараж. Такой принцип расположения, как понял Вася, позволял экономить ограниченное внутреннее пространство корабля.

Других роботов-охранников в арсенале не оказалось. Были, очевидно, и другие системы защиты, но они отказали, когда звездолет врезался в землю. Те странные завывания и стоны, которые Агам и Вася слышали, подходя к арсеналу, оказались скрипом отвалившейся решетки одного из кондиционеров, которая раскачивалась на ржавой петле, свисая с потолка. Откуда-то сверху капля за каплей сочилась вода, а какой-то уцелевший блок охранной системы в виде самонаводящегося бластера каждый раз испарял падающие с потолка капли импульсными вспышками, не давая воде долететь до пола.

Но когда Агам и Вася вошли в арсенал, спятивший бластер прекратил стрелять по каплям и что-то приветственно прощелкал на языке варрян. Хоть охранная си-

стема и не была оборудована телепатическим устройством и ребята не понимали ее слов, можно было догадаться, что машина приняла их за членов экипажа и приглашает в арсенал.

Откуда-то сверху медленно опустилась плоская овальная платформа. Агам вначале хотел отскочить, бормоча что-то про западную злых духов, но, увидев, что мальчик-колдун смело ступил на движущуюся платформу, последовал за ним. Агам считал более безопасным держаться рядом с Васей, который, по его мнению, понимал в заговорах и магии больше, чем он сам.

Едва ребята оказались на платформе, она поднялась и стала медленно скользить между ярусами. На каждом из них в многочисленных ячейках лежало инопланетное оружие. Агам был разочарован и не мог скрыть своего огорчения: он ожидал увидеть множество копий, боевых топоров, дров, луков, здесь же было нечто совершенно невероятное — какие-то непонятные штуки, которыми, с точки зрения пещерного человека, можно было только швыряться.

Вася тоже был удивлен. Оружие инопланетян было совсем не похоже на земное и на то, которым пользовались герои фантастических рассказов и фильмов. Здесь было очень мало привычных бластеров, энергометов, ружей, пистолетов, молекулярных распылителей и прочих незатейливых приамбасов, столь дорогих скудной фантазии всякого писателя-фантаста или режиссера.

Но на одном из ярусов Вася увидел шлем. Обычный шлем вроде средневекового рыцарского, с двумя прорезями для глаз и каким-то утолщением в виде короткого рога на лбу.

Мальчик протянул к нему руку, и поднимающаяся платформа, правильно отреагировав на его движение, немедленно остановилась. Вася снял с яруса шлем и взвесил его на ладони: он был легкий, как пластиковый.

— Этот доспех не выдержит удара палицы. Выбрось его, он плохой, — со знанием дела сказал Агам.

Племя Камышовых Котов еще не научилось изготавливать доспехи, но в бою его воины уже иногда использовали большие деревянные или плетенные из ивняка щиты, в которых застревали копья противника и от которых отлетали брошенные им камни. Правда, щиты

эти не годились для охоты и дальних походов, потому что были слишком громоздкими и стесняли движения. К тому же они не могли выдержать удара львиной лапы или бивня мамонта.

Прежде, чем положить шлем на место, Вася решил все-таки его примерить и надел на голову. Он оказался мальчику впору. Снаружи прорези для глаз были защищены чем-то вроде тончайшего стекла, и по этому покрытию скользил маленький кружок, который точно следовал за взглядом Васи.

— Интересно, как эта штука работает? — подумал вслух мальчик. — Если бы я, скажем, захотел выстрелить вон в ту перегородку...

Не успел он закончить свою мысль, как внезапно перегородка, на которую он смотрел, оплавилась и разлетелась вдребезги. Вася поспешно сорвал шлем. Выступ, похожий на рог, на лобовой части был горячим. Не понимая, как это произошло, Вася повернулся к Агаму. Пещерный мальчик стучал от страха зубами, с ужасом глядя на него.

— Мальчик-колдун знает заклинания. Стоило мальчику-колдуну сказать, что он хотел бы выстрелить, как из лба у него вылетел Дух Огня и сжег перегородку!

Теперь Вася понял, как работает шлем: это была самонаводящаяся импульсная пушка, приводимая в действие телепатическим сигналом и прицеливающаяся в направлении фокусировки взгляда.

Стоило тому, у кого на голове была эта штука, посмотреть на какой-нибудь предмет, находившийся в пределах его видимости, и подумать: «Огоны!» — как через мгновение из импульсной пушки вырывался раскаленный луч...

Оружие было мощным, но мальчик поспешил вернуть его на место. Слишком простое управление пушкой его напугало. Что, если, когда этот шлем будет у него на голове, он рассердится на Агама или на Росу за какую-нибудь мелочь и подумает, например: «А чтоб тебя разнесло...» — а пушка воспримет его мысль буквально и выстрелит? Такое оружие Васю не устраивало.

Нельзя доверять мыслям. Хорошо, что не все в мире совершается из-за наших дурных мыслей и слов, сказанных с досады. Иначе планета давно бы опустела, если

бы вообще не исчезла... Как она там называлась? Зы... Зю... Земля?

Агам все еще подыскивал себе копьё или топор.

— Мертвецы совсем плохие воины,— сказал он презрительно.— Они воюют только заклинаниями, настоящего же оружия у них нет.

— Ты думаешь? Видишь эту штуку? — Вася показал на короткую широкую трубу с плоской рукояткой и несколькими выдвижными коленцами, похожую на базуку.— Я уверен, из нее можно свалить мамонта.

— Мальчик-колдун совсем глупый. Пока он будет колотить мамонта этой дубиной, тот растопчет его или проткнет бивнем.

Вася хотел было объяснить, что этим оружием нужно не колотить, а стрелять, но потом понял, что растолковывать все первобытному подростку так же бесполезно, как вдалбливать средневековому рыцарю устройство вертолета.

Платформа поднялась на самый верхний уровень и остановилась. На этом ярусе, как ожидал Вася, должно было находиться самое совершенное оружие, но вместо него там рядами висели какие-то оранжевые костюмы без рукавов, больше похожие на спасательные жилеты, с застежкой спереди, напоминавшей «молнию».

Так как мальчик лишился всей своей одежды, кроме куска шкуры вокруг бедер, он решил воспользоваться случаем и пополнить свой гардероб. Тем более что пришельцы с потерпевшего крушение звездолета были ниже землян и оранжевый костюм оказался как раз впору тринадцатилетнему подростку.

Когда Вася надел его, он ощутил легкое покалывание, почти сразу исчезнувшее. Жилет был тяжелее, чем казался вначале, и очень жестким, будто наполненным свинцом.

Мальчик застегнул обнову, и почти сразу же жилет из оранжевого стал ярко-зеленым, а потом Вася услышал, как в его сознании буквально вспыхнула мысль: *«Адаптация защитного оборудования завершена»*.

Он догадался, что жилет общается с ним телепатически, и усмехнулся. Он вспомнил, как их сосед по этажу, пожилой однорукий дед, выпив хорошенько, поднимаясь по лестнице, начинал разговаривать со своими ботинка-

ми: «Теперь ты шагай, а теперь ты! А ты куда без очереди полез?»

Но одно дело самому разговаривать со своей одеждой, а совсем другое, когда одежда обращается к тебе.

Увидев на Васе жилет, Агам решил, что ему тоже пригодится меняющая цвет шкура, и, желая удивить Росу, надел на себя такую же.

— В этой шкуре Агам как колдун! — сказал он удовлетворенно.

Так как никакого оружия в арсенале, с его точки зрения, не было, а уходить с пустыми руками не хотелось, он взял с черной высокой подставки тонкий золотой обруч с прозрачным шариком-глазом спереди.

— Подарю Росе, она любит всякие украшения, — великодушно сказал пещерный мальчик.

Такое иногда бывает — вспомнишь о ком-нибудь, а он тут как тут. И теперь стоило Агаму произнести имя девочки, как издалека, через несколько отсеков, до них донесся ее оглушительный визг.

Ребята поняли, что Роса где-то здесь, на звездолете, и с ней приключилась беда. Не дожидаясь, пока платформа опустится на первый ярус, Агам схватил несколько камней (которые на самом деле оказались импульсными гранатами), прыгнул с платформы и метнулся в сторону, откуда раздавался крик.

В пещерные времена реагировать нужно было быстро. Если воин сидел в пещере и слышал снаружи вопль жены: «На меня напал леопард!» — он сразу хватал топор или копье и бросался на помощь. Именно благодаря взаимовыручке человек мог выжить в ту суровую эпоху.

Когда в каком-нибудь племени человек начинал думать только о себе, равнодушно относясь к другим и не приходя к ним на помощь, или люди в племени из-за ссор принимались убивать друг друга, а один род ополчался против соседнего, то это означало, что такое племя через лет сто, а то и меньше, перестанет существовать, и его территорию займут другие, более воинственные и мудрые племена, живущие по принципу: «Один за всех и все за одного!»

Вася помчался следом за Агамом, вопя: «Не бросай камни, взорвешься!» Он сразу сообразил, что в арсенале корабля пришельцев не стали бы прятать простые бу-

лыжники, и если Агам начнет швырять их в напавших на Росу, то и от них, и от девочки ничего не останется.

Не оглядываясь, Агам проскочил несколько отсеков, стальные лепестки люков сразу открывались перед ним.

— Агам идет Росе на помощь! Держись, Роса! — кричал ее приятель.

Визги девочки то прекращались, когда она набирала воздух, то вновь оглушительно разлетались по кораблю.

Споткнувшись о скелет пришельца, Агам влетел в отсек под шлюзовой камерой, где наклон корабля был самым большим. Голос Росы доносился сверху из-за люка, и, для того чтобы прийти ей на помощь, мальчику пришлось лезть, цепляясь за выступы вентиляционной системы.

Импульсные гранаты мешали ему карабкаться, и он оставил их внизу, так и не использовав ни одну из них, к счастью для всех, кто был рядом. Вася, вздохнув с облегчением, полез следом за Агамом.

Шлюзовой люк открылся при их приближении. Они вскарабкались наверх и увидели, что крайний кокон совсем уже треснул, а все остальные мелко подрагивают. Роса стояла, прислонившись спиной к стене, и периодически кричала, сберегая силы. Лицо девочки было довольно спокойным. Она уже сумела открыть прозрачную перегородку и могла бы убежать, но ее удерживало любопытство: хотелось увидеть, что выльется из коконов.

— А, это ты, Агам! Роса думала, что духи тебя убили! И мальчик-колдун с тобой! — радостно приветствовала она ребят.

— Зачем ты кричала? — переводя дыхание, хрипло спросил пещерный подросток.

— А зачем они шевелятся? — с милой гримасой пожаловалась Роса, кивая на коконы.

В этот момент крайний кокон окончательно распался и появилось нечто похожее на большой розоватый шар, упругий, прозрачный, внутри которого, как золотые и серебристые искорки, кружились разноцветные бабочки. Шар ни секунды не был в покое: он все время подрагивал, подскакивал, удлинялся. При этом его прозрачная стенка становилась все тоньше,

и тогда одна из бабочек вырывалась наружу и начинала порхать по отсеку.

Агам, вначале загородивший Росу, тревожась, что это какое-нибудь опасное животное, теперь, озадаченный, отступил в сторону. В этот момент лопнули еще три кокона, и три новых жизнерадостных шара стали скакать по отсеку.

Один из них подскочил к Росе и замер поблизости, не понимая, что это перед ним, но, когда девочка хотела до него дотронуться, он пугливо отскочил. Это еще больше убедило Росу и Васю, что шары не опасны. Один только Агам, будучи вообще подозрительным, все еще немного сомневался.

— Роса должна быть осторожна, — упрямо пробурчал он. — Маленькая змейка-гюрза тоже не кажется опасной — всего лишь длинный червяк, но от ее укуса погибает даже пещерный медведь.

— Но это не гюрза, — заявила девочка. — Эти шары совсем другие. Агам может не волноваться за Росу.

— Если Агам может не волноваться, зачем тогда Роса визжала, как дикая ослица, на которую напали шакалы собаки?

— Агам должен быть благодарен Росе, — нашлась его подруга. — Если бы Роса не визжала, как дикая ослица, духи не отпустили бы Агама и мальчика-колдуна из страны мертвых. Это Роса своим визгом испугала духов.

«Ну вот теперь она еще приписывает себе наше спасение», — подумал с возмущением Вася.

Почему-то он сразу вспомнил свою соседку по парте Тимофееву, которая однажды списала у него всю контрольную по математике от цифры до цифры и ухитрилась получить за эту работу пятерку, а он схватил тройку. Ну разве это не парадокс? Рядом с девчоночьей изворотливостью и хитростью дыры во времени — просто пустяк.

Через несколько минут из последнего кокона появился шар. Теперь им было тесновато в отсеке, и они норовили выпрыгнуть наружу, на поляну, но верхний люк был закрыт, и шары отскакивали назад. Весь отсек был уже полон бабочек, вылетевших из шаров, их было так много, как снежинок во время сильного снегопада.

— Откуда взялись эти коконы с шарами? И почему пришельцы сделали для них отсек в шлюзе? Они что, были вроде домашних животных у варрян? — подумал вслух Вася.

Он не рассчитывал получить ответ, но забыл про телепатическую связь внутри звездолета пришельцев. На его вопрос откликнулся словоохотливый Советчик, который со свойственной ему любознательностью подслушивал все, что происходило на корабле.

— *Никто из варрян не знал, что находится внутри этих коконов. Они были найдены на одной из планет в созвездии Малой Медведицы и взяты на борт в качестве образца одной из форм жизни. Коконам требовалась определенная температура, и они были помещены в специально отгороженный для этой цели отсек внешнего шлюза,* — объяснил Советчик.

— Значит, они не домашние животные варрян?

— *Варряне ничего о них не знали. Эти шары — загадка даже для меня. От них можно ожидать чего угодно. Ну что я говорил? Вот вам первая неожиданность!*

В этот момент одному из шаров удалось каким-то чудом открыть люк: наверное подскакивая все время, он пересек опознающий луч — и внешний люк с гулом откинулся. Один за другим прозрачные шары выпрыгнули наружу и исчезли в лесу. Через несколько мгновений отсек опустел — все бабочки тоже вылетели на свободу. На фоне черного ночного неба легко было заметить, как они светятся в темноте яркими разноцветными звездочками, будто на крыльях у них было фосфоресцирующее напыление. Вася подумал, что целая тысяча взлетевших одновременно бабочек была похожа на праздничный салют.

— Около поляны прячутся Лесные Люди и желтый человек! — сообщила девочка. — Они хотели убить Росу, но Роса спрыгнула в жилище Духа Огня.

Агам нахмурился:

— Желтый человек — хитрый человек. Он нашел, куда упал Дух Огня. Теперь желтый человек будет подкарауливать Росу, Агама и мальчика-колдуна снаружи, а как только они выйдут, убьет их стрелами, чтобы самому захватить жилище Духа Огня.

— А что, если нам выбраться отсюда потихоньку? — спросил Вася.

— Желтый человек наверняка притаился у тропы и хорошо просматривает поляну. Мы выберемся отсюда на рассвете, когда желтого человека и Лесных Людей сморит сон. Тогда у нас будет шанс проскочить мимо них незамеченными.

— Но тогда жилище Духа Огня достанется желтым людям, — сказала Роса. — Они освоят все волшебство, которое здесь есть, и завоюют все племена.

— Мы можем заставить люк закрыться и не открываться ни для кого, кроме нас троих, — сообщил Вася. Только что он получил очередную консультацию Советчика и узнал, что такая настройка внешнего шлюза вполне возможна.

Девочка рассматривала жилет Агама, который через каждые несколько минут менял цвета, становясь то ярко-зеленым, то бордовым, то оранжевым, и сказала с завистью:

— Агам и мальчик-колдун нашли себе новые шкуры, а что они принесли Росе? Или они забыли о Росе, о бедной маленькой несчастной Росе, которая очень любит украшения и сюрпризики?

Приятель протянул ей тонкий обруч с глазом, который он нашел в арсенале, и девочка радостно схватила его.

— Агам не забыл о Росе! — обрадовалась она. — Но почему Агам принес только одно украшение? Агам мог бы принести много украшений!

Покрутив обруч в руках, она нашла для него единственно подходящее место, надев его сверху на волосы так, что хрустальный глаз оказался прямо посередине ее лба.

Какое-то время она поправляла обруч, сдвигая его то в одну сторону, то в другую, но вдруг укоризненно посмотрела на пещерного мальчика и воскликнула:

— Зачем Агам так сказал? Ему приятно обижать Росу?

— Агам ничего не говорил, — возразил тот удивленно. И в самом деле, он даже рта не открывал.

— Нет, Агам сказал! — упрямо настаивала девочка. — Агам сказал, что Роса вертится с ужимками, как самка

мартышки у лужи, когда рассматривает свое отражение в воде!

Ее приятель смутился и стал рассматривать свои ноги.

— Агам не говорил, Агам только подумал, что Роса похожа на мартышку. Откуда Роса это знает? Она стала волшебницей?

Девочка отшатнулась к стенке отсека и с ужасом уставилась на Васю.

— Теперь Роса слышит, что думает мальчик-колдун! Мальчик-колдун думает, что Роса с помощью волшебного обруча может читать любые мысли. Роса боится, она не хочет читать чужие мысли! Это все злые духи!

И она испуганно сорвала с головы обруч.

— Послушай,— сказал Агам.— Если Роса действительно может читать мысли, то почему бы Росе не узнать, что думает сейчас желтый человек? Тогда Роса смогла бы узнать, где желтый человек сейчас и что он собирается делать.

— Хорошо, Роса попробует! Если Роса стала колдуньей, то она будет доброй колдуньей!

После недолгого колебания она снова надела обруч и сосредоточилась, стараясь представить себе желтого человека, чтобы настроиться на его мысли.

— Ну как? У Росы получилось? — нетерпеливо спросил пещерный мальчик.

— Агам ей мешает, Роса никак не может вспомнить желтого человека! — рассердилась на него девочка.

Она сжала обруч руками и вдруг воскликнула:

— Роса слышит мысли желтого человека! Его зовут Сяомун. Желтый человек сидит у костра в трех полетах стрелы от поляны. Он смотрит на Лесных Людей и думает, что, когда Лесные Люди помогут ему убить нас и завладеть сокровищами Духа Огня, он подмешает им ядовитый корень в питье и все Лесные Люди умрут. Желтый человек никого не любит, он очень хитрый. Он хочет только власти. Сяомун не спешит. Он догадывается, что мы выйдем только на рассвете, и ждет, когда станет светлее. Он расставит Лесных Людей вокруг поляны, чтобы мы не убежали, а сам спрячется с луком на тропе. Он думает, что Роса — колдунья, и хочет убить ее первой. Еще он собирается посыпать наконечник стрелы землей, потому

что верит, что только такой стрелой можно убить колдунью.

Девочка немного помолчала, слушая отрывочные мысли желтого человека, и убежденно добавила:

— Желтый человек очень плохой человек. Он много убивал: но не силой, а хитростью. Он ни с кем никогда не ссорится, а сразу убивает. Он убивал даже женщин и детей когда его отряд нападал на соседние племена, то они вырезали всех людей. Сяомун думает, что если оружие Духа Огня достанется ему, то желтые люди выберут его своим вождем, и этим оружием они уничтожат все племена от верховий реки до того места, где она вливается в море.

Внезапно девочка испуганно вздрогнула и в ужасе посмотрела на Агама.

— Что случилось?

— Еще одна его мысль! Она самая страшная! Желтый человек послал весть другим людям своего племени, чтобы они приплыли тайно на плотях и напали на племя Камышовых Котов.

Агам нахмурился.

— Во всяком случае, теперь мы знаем, что задумал желтый человек,— сказал он.— Мы не будем дожидаться рассвета и выйдем прямо сейчас, чтобы предупредить своих о нападении желтых людей. Мальчик-колдун уверен, что сможет сделать так, что жилище Духа Огня не откроет свои двери Сяомуну?

— Уверен! — подтвердил Вася.— Со мной только что связался Советчик и сказал, что он уже установил шлюзы таким образом, что они будут открываться только для Агама, Росы и меня. Советчику тоже не нравится желтый человек, который похож на некоторых из его прежних хозяев-варрян. Он говорит, что варряне были одним из племен на своей планете, которые вначале завоевали и уничтожили все остальные племена, а потом стали завоевывать космос. Советчик говорит, что не откроет Сяомуну люк, даже если тот будет стучать в него лбом

— Тогда нам пора выбираться наружу. Я не хочу, чтобы Рынна и Омра погибли, когда желтые люди нападут. Хотя племя и изгнало меня, я должен предупредить

все роды об опасности.— И Агам, взявшись за сплетенный из кожи ремень, ловко полез наверх.

Вася и Роса последовали за ним.

«На той неделе будет затмение Солнца, а это значит, что весь этот период им будет грозить большая опасность от колющих и рубящих предметов, а также от предательства. И кажется, я забыл предупредить их об этом»,— пробормотал Советчик. Мыслящий овал висел в силовом поле посреди отсека и грустно мерцал. Он снова остался один на звездолете, и ему больше некому было давать советы, а самому себе советовать было скучно.

Глава двенадцатая

ДОРОГА ДОМОЙ

Подниматься на гору всегда долго и трудно, зато скатиться с горы можно быстро. Чем ближе ты к вершине, тем осторожнее нужно быть, чтобы в одну минуту не потерять все предшествующие труды.

Один из советов мыслящего овала

Агам, Роса и Вася выбрались из ямы и огляделись. Было темно и тихо, стоял тот предутренний час, когда ночная охота уже закончилась и лес замер в ожидании, пока Тот, Кто Живет В Верхнем Мире разведет костер Солнца.

Только большая черная тень ночной птицы — филина — скользила над поляной, пересекая диск полной луны, и мелькали силуэты летучих мышей. Справа от поляны было заросшее густым тростником и камышом болото, а чуть в стороне к поляне выходила каменистая, изрытая складками гряда с базальтовыми отрогами. Могучие корни деревьев давно уже проделали в камне глубокие трещины, год за годом кроша и сравнивая с землей то, что было когда-то горой.

Впереди была тропинка, единственная, почти уже заросшая звериная тропа, которая тянулась в обход болота. Где-то на этой тропе в трех полетах стрелы их поджидала засада, и желтый человек, возможно, уже посыпал землей

наконечники своих бьющих без промаха ядовитых стрел. Значит, туда путь отрезан.

Через болото тоже идти было нельзя, если даже лоси с их широкими копытами, привыкшие кормиться на то-
пях, предпочитали обходить его стороной.

Агам показал рукой на восток.

— Мы должны обойти болото с той стороны, а потом взять наискосок и постараться выйти к реке,— заявил он.— Обратно нам снова придется идти по горной гряде или по равнине, потому что течение будет против нас.

Вася вздохнул. Он хорошо понимал, что это значит. Теперь они уже не смогут воспользоваться плотом, спря-
танным в прибрежных зарослях, и им придется подни-
маться вверх по течению реки.

— Если идти по чаще, а потом снова по горам, меньше чем за две ладони дней нам до своего племени не добраться,— грустно сказала Роса.— Мы можем не успеть, и тогда желтые люди перебыют Камышовых Котов.

— Мы постараемся успеть, желтым людям тоже нужно время, чтобы построить плоты и подготовиться к походу,— успокоил ее Агам, и первым двинулся сквозь чащу.

Он знал, что если переправиться на другой берег реки, то там будет равнина, а по равнине они смогут добраться до племени Камышовых Котов примерно за одну ладонь дней.

Нужно было спешить. Под утро, когда солнце осветит лес, Сяомун и Лесные Люди появятся на поляне и, обнаружив, что те, кого они преследовали, исчезли, дога-
даются, что они отправились в обход болота к реке. Жел-
тый человек не захочет оставлять живых свидетелей, ко-
торые знают о жилище Духа Огня, и непременно пустится за ними в погоню. Лесные Люди неплохо ориентируются в этих чащах, так что если не поторопиться, то Сяомун настигнет их еще до полудня.

Самое большое, чем ребята сейчас располагали,— дополнительные два-три часа, а потом за ними отпра-
вится погоня, и Агам это знал. Поэтому он старался пробираться сквозь чащу как можно быстрее, то и дело переходя на полубег, и мальчик-колдун с Росой едва за ним успевали.

Не прошло и получаса, как Вася снова начал сбиваться с дыхания, но за последние недели он окреп и стал выносливее, и ему удавалось пока не отставать от Агама.

Лес понемногу светлел, а луна сползала на край неба. Ветка баньяна скрипнула, и вниз посыпалась кора. Вася вскинул голову и увидел, что на ветке в нескольких метрах над землей шевелится что-то большое и черное, время от времени издавая какие-то звуки, похожие на стук.

— Это птица-носорог! — сказала Роса, даже не оглядываясь. — Она не опасна. Не отставай, мальчик-колдун, у нас нет сейчас времени охотиться.

В отдалении раздался вой: на стаю шакалов напали их извечные враги — гиеновые собаки, и теперь две стаи будут грызться из-за добычи. Это означало, что лес уже начал просыпаться и входить в новый день. Бамбуковые заросли зашумели, их верхушки закачались: раздвигая стволы рылом, к реке ломился дикий кабан, ведя свое похрюкивающее стадо на водопой. Заросли — любимое место обитания диких свиней. Массивные и низкие, они легко продираются через самые колючие кусты и стволы бамбука, находясь в относительной безопасности от хищников.

Сразу, как по сигналу, проснулись и запели птицы. Их голоса, то мелодичные, то резкие, то хрипящие, сливались в единый многоголосый хор, возвещающий о наступлении утра. И дело было не в том, что птицы так радовались новому дню и приветствовали солнце. Своим щебетом они предупреждали друг друга о разного рода опасностях, а также выясняли сложные личные отношения. Каждая птица с самого утра спешила своей арией очертить собственную территорию, запрещая другим сородичам проникать на нее. Громче всех кричали голодные птенцы, требуя, чтобы родители принесли им еду.

Сдеревьев стали спускаться шимпанзе, которые обычно спали на высоте десяти — пятнадцати метров над землей на специально подогнутых и обломленных сучьях и ветках с подстеленной листвой, причем каждую ночь они меняли свои «спальные места».

Агам знал, что крупные обезьяны хотя и намного сильнее человека, но не опасны, если их не задирать, правда некоторые из них очень любопытны, а также любят отнимать всевозможные предметы, которые видят у людей в руках.

Эта зажатая между горами долина с уникальным климатом, в которую еще не дошел ледник и где никогда не выпадал снег, была единственным местом в округе, где обезьяны еще сохранились. С остальных мест их теснили все дальше на юг, в полосы тропического и экваториального климата.

Долина была почти обречена. Третичный период в истории Земли, длившийся многие сотни тысяч лет, уже закончился, и только небольшие, случайно сохранившиеся оазисы, вроде этой уникальной долины, еще изредка встречались в северном полушарии. Но возможно, всего через несколько десятков лет и эта долина должна была исчезнуть и стать такой же, как низина Камышовых Котов, с ее затяжными зимами и климатом, который почти без изменений сохранился вплоть до конца XX столетия.

Дикий кабан, продиравшийся сквозь заросли впереди людей, потревожил отдыхавшего после удачной ночной охоты красного льва, и тот угрожающе зарычал из своего логова под корнями огромного поваленного баньяна, где молодые побеги, продолжавшие расти из ствола с одной стороны, и дружная поросль — с другой создавали для льва идеальные условия, чтобы скрываться от дневной жары.

Лев выскочил всего в десятке локтей от ребят и прижался к земле, подхлестывая себя по бокам хвостом. Его безгривая морда, прищуренные глаза с тяжелыми веками и оскаленные белые клыки не сулили ничего хорошего.

Шимпанзе с громким визгом, бросив своих собратьев, скрылись в бамбуковых зарослях, а потом забрались на деревья и удобно уселись на ветках, причем самочки заботливо держали на руках своих детенышей, чтобы те видели и запомнили, как красный лев нападает на подростков, которые не слушались своих мамочек. Некоторые обезьяны подпрыгивали на ветках и галдели, другие

сидели грустные и осуждали льва, однако помогать людям не собирались.

— Расселись, как римляне, которые пришли на бой гладиаторов,— пробормотал Вася.

Не сводя с хищника глаз, ребята стали медленно пятиться от него, отступая, а лев, прижимаясь к земле, подбирался к ним все ближе и ближе. Он давно мог прыгнуть, но пока не делал этого, очевидно, боясь промахнуться и угодить в слоновьи колючки, которых вдоль тропы росло очень много.

Агам, глядя на свои пустые руки, решил, что им пришел конец. Если бы у него было хоть какое-то оружие, копье или топор. А так он даже не сможет попасть в Верхний мир...

Красный лев прыгнул совершенно неожиданно и бесшумно, сначала от земли отделились его передние лапы, потом задние, и вот уже семисоткилограммовый зверь подлетает к своим жертвам.

Роса завизжала, а обезьяны на дереве закрыли ладонями своим малышам глаза, чтобы они не видели того ужаса, который сейчас произойдет.

Казалось, исход схватки был предрешен, но то, что случилось, стало для всех участников полной неожиданностью.

Внезапно жилеты Агама и Васи замерцали, надулись, так что они почувствовали давление на грудную клетку, а потом красный лев, словно мяч, отброшенный ударом ракетки, описал в воздухе кривую и, перекувырнувшись, влетел в кусты слоновьей колючки за полсотни локтей от ребят.

Второй раз повторить прыжок он не решился: зверь был слишком осторожен. Хищники редко нападают второй раз на того, кто однажды одержал над ними победу. Лев вскочил и, трусливо оглядываясь и хромая, бросился в заросли под торжествующие крики обезьян.

Натяжение жилетов ослабло, к ним вернулся их первоначальный светло-зеленый цвет. Вася ощупал свой жилет и потрогал застежку спереди. Жилет еще сохранял небольшое силовое поле, и мальчик, прикоснувшись к нему, почувствовал покалывание в ладонях. Теперь он понял, какая сила отбросила красного льва. Костюмы из арсенала корабля пришельцев служили надежной за-

щитой против внезапных нападений, создавая вокруг надевших их силовое поле.

— Воровба! — пробормотала Роса.— Нас спасла воровба! Агам и мальчик-колдун оба стали волшебниками, даже бивни мамонта не обладают такой силой, чтобы отбросить так далеко красного льва.

— Врага нужно побеждать честно, без колдовства,— недовольно сказал ее приятель.— Если бы Агам победил красного льва честно, только копьем или каменным ножом, в этом было бы больше чести для него как для воина.

— А меня лично это устраивает,— заявил Вася.— Я теперь этот жилет даже ночью не сниму.

— Если только опять не полезешь купаться,— с иронией напомнила ему девочка.

Он, вспомнив, как зубр утащил у него кимоно, нахмурился.

Теперь, когда лев убежал и дорога вновь была свободна, можно было продолжить прерванный путь к реке. Сработав один раз, защитные костюмы стали очень подозрительными и включались теперь по всяким пустякам. Например, если с ветки падала капля воды или мимо пролетало насекомое, жилет моментально начинал мерцать, деревенел, и Вася с Агамом буквально повисали в центре силового поля так, что их ноги даже не касались земли, потому что поле распространялось сразу во все стороны, в том числе и вниз. Со стороны это выглядело очень странно, потому что мальчики взлетали и повисали в воздухе как могущественные колдуны, но в действительности в центре поля было очень неудобно, нельзя было пошевелить ни рукой ни ногой.

Роса, привыкшая уже к волшебству Духа Огня, решила испытать возможности поля и, подкравшись сзади, бросила в Агама горсть песка. Тот моментально повис в воздухе в полуметре от земли и стал трепыхаться, как вытщенная на сушу рыба. Поле среагировало на песок как на нападение, и в мальчика не успела попасть ни одна песчинка.

Потом поле выключилось, и Агам, назвав девочку ослицей и самкой павиана, шлепнулся на траву.

— Зато теперь нам не страшны Лесные Люди и хищники! — заявил Вася. — Даже если желтый человек неожиданно нападет, он не сможет ничего нам сделать.

— Желтый человек — хитрый человек, — в очередной раз повторил Агам. — К тому же ты забыл, мальчик-колдун, что у Росы нет волшебной skóry, и если бы красный лев прыгнул на Росу, то он бы разорвал ее. Агам отдаст Росе свою волшебную кожу!

— Роса не хочет барахтаться в воздухе, как муха в паутине. У Росы есть обруч, читающий мысли. Если Роса почувствует, что желтый человек близко, Роса спрячется, а Агам с мальчиком-колдуном выйдут вперед и защитят ее, — уверенно заявила девочка, и Вася в который раз удивился ее сообразительности и умению заранее рассчитывать действия.

Все произошло примерно так, как сказала Роса. Когда они пересекали небольшую лесную поляну, густо заросшую полутораметровыми побегами иван-чая, в которых при желании можно было спрятаться не хуже, чем в лесу, девочка вдруг остановилась и сказала, очень беспокоясь:

— Желтый человек уже рядом. Он сейчас будет здесь.

Агам всмотрелся в заросли: ни один побег не шелхнулся, из леса тоже не доносилось никаких подозрительных звуков, ни треска ветвей, ни шороха.

— Желтый человек не мог еще нас догнать, — сказал он.

— Агам не знает. Сяомун уже здесь. Он и Лесные Люди срезали дорогу через заросли слоновьего кустарника. Я слышу его мысли. Он хочет убить двоих из нас, а третьего пытать, пока он не скажет, как проникнуть в жилище Духа Огня. Ну ладно, я пошла прятаться! — Роса нырнула в заросли и затаилась за большим пнем, свернувшись комочком так, что заметить ее было почти невозможно.

Агам приложил ухо к земле и, услышав едва заметное сотрясение, сказал:

— Роса права. Желтый человек уже здесь. Берегись, мальчик-колдун, и вспомни все заклинания, которые знаешь!

Хотя за мгновение до этого трава еще не шевелилась, внезапно на поляну сразу с трех сторон выскочили

Лесные Люди и, размахивая дубинами, бросились к Агаму и Васе.

Это было зрелище не для слаонервных — шесть огромных взрослых воинов с занесенными палицами, бегущих навстречу огромными прыжками с единственным намерением — разmozжить подросткам головы. Даже в защитном костюме Вася не чувствовал себя в полной безопасности: вдруг поле не успеет сработать? Желтого человека пока видно не было, но мальчик не сомневался, что Сяомун где-то рядом.

Вася остался стоять на месте, а Агам с воинственным возгласом, схватив какую-то палку, помчался навстречу самому рослому из Лесных Людей. В этот момент Агам забыл о волшебном жилете и весь был захвачен схваткой, решив, если будет повержен, умереть с оружием в руках, чтобы попасть в Верхний мир.

На лице у лесного гиганта, навстречу которому бежал пещерный мальчик, появилась презрительная ухмылка. Его палица была гораздо тяжелее, чем сухая палка противника, а силой он значительно превосходил подростка. Воин не сомневался, что сметет его со своего пути одним ударом, разmozжив врагу череп. Он знал мощь своего удара, способного уложить на месте дикого широкогорого быка.

Но внезапно, когда Лесной человек уже сломал палку Агама и опускал свою дубину на его голову, мальчик вдруг, словно подпрыгнув, завис в воздухе, а в следующий миг воин увидел, что его палица разлетелась вдребезги, не причинив противнику вреда.

Лесной человек в ярости бросился на Агама, сжав кулаки, но внезапно какая-то мощная сила оторвала его от земли и зашвырнула метров на десять вверх на ветви гигантского баньяна. Следующий воин, попытавшийся напасть на подростка сзади, упал, прокатился и врезался головой в термитник. Взбешенные обитатели набросились на него, забираясь в ноздри и уши, а Лесной человек от боли стал кататься по траве, забыв обо всем остальном.

Третий воин швырнул в Агама дубину и напал на него в ту минуту, когда поле вокруг мальчика отключилось после отражения дубины. Лесной человек успел уже почти схватить противника своими огромными ручищами за

горло, но вдруг его подбросило на десяток метров над поляной, и он свалился в трясину, моментально затянутый в нее.

Оставшиеся трое воинов, не решаясь сразиться с Агамом, набросились на Васю, рассчитывая, очевидно, что с ним будет легче справиться. Но они ошиблись.

От первого из нападавших Вася ушел, даже не применяя силового поля, просто сделав шаг в сторону с линии атаки, как его учили на тренировках айкидо. Второй и третий гиганты, напавшие на него одновременно с разных сторон и наносившие град ударов палицами, включили защитное поле, и больше мальчик их никогда не видел, потому что, подброшенные мощной волной, они вылетели куда-то в заросли и оттуда не возвращались. Тот Лесной человек, с которым Вася не сразился, увидев эту страшную картину, не рискнул нападать и бросился бежать к лесу. Но тут откуда-то просвистела стрела и вонзилась воину в плечо. Это Сяомун, прятавшийся в засаде, попытался попасть в Васю, но промахнулся. Лесной человек вырвал стрелу и, зажав рукой рану, с криком исчез в зарослях.

На поляне остались теперь двое ребят и тот воин, который продолжал кататься по траве, стряхивая термитов.

Желтый человек не показывался из засады, увидев, какая участь постигла его воинов, и не желая рисковать. Он убедился в силе волшебства этих колдунов, слуг Духа Огня, и не нападал на них в открытую. Пару раз из тростника вылетали стрелы, одна — в Агама, другая — в Васю, но поле успевало вовремя включиться, и наколечники стрел обламывались, соприкасаясь с невидимой преградой.

Тем не менее Роса не спешила показываться из своего убежища, и Агам догадывался, что она слушает мысли желтого человека, зная, что тот рядом. Через несколько минут из камыша вылетела третья, и последняя, стрела и ударилась в защитное поле у горла Васи. Мальчик вздрогнул, представив, что бы произошло, если бы поле не включилось.

Вскоре после этого Роса показалась из-за пня и крикнула:



— Желтый человек ушел! Он уверен в нашем могуществе и пока не решается напасть. У него теперь другой план: он будет идти по нашим следам и постарается подсыпать ядовитый корень нам в воду или напасть на нас, когда мы будем спать. Он уверен, что все племя Камышовых Котов — колдуны, и не удивляется, что жилище Духа Огня упало именно на его территории.

— Может быть, он предупредит своих и отговорит их нападать? — спросил Агам.

— Не думаю,— покачала головой Роса.— Желтые люди очень настойчивы. Они верят, что тот, кто убьет колдуна, а потом съест его мясо, получит все его могущество.

— Значит, теперь Сяомун попытается съесть кого-нибудь из нас? — спросил Агам.

— Скорее всего,— кивнул Вася.— Так что давайте пойдем быстрее, пока ему это не удалось.

Вскоре они были уже у реки, где сразу нашли свой плот, привязанный к торчащему из воды дереву, и переправились на другой берег, спугнув пришедшее на водопой стадо антилоп.

Река в том месте разлилась, затопив берег, и течение ее почти остановилось. Под прозрачной водой видны были лилии, водоросли, желтые кувшинки, элодея и пушистые веточки верб. За края плота на мелководье цеплялись стрелолисты. На берегах маленьких рыжеватых бухточек стояли, как на карауле, цапли, а невдалеке от них хлопали крыльями и исполняли брачные танцы журавли. В камышах, как старое замшелое бревно, неподвижно лежал и грелся на солнце кайман.

— Жаль, нет паруса,— вздохнул Вася.— С парусом мы могли бы идти против течения. Ветер попутный.

— Па-ру-са? — переспросил Агам. Слово было для него незнакомо.

— Ты видел, как ветер гнет и качает деревья? — попытался объяснить мальчик.— Если бы у нас была плотная большая шкура, мы бы натянули ее на палках и был бы парус. Ветер дул бы в него, и мы бы плыли. Понял?

— Ага,— кивнул Агам с глубокомысленным видом, но Вася готов был поспорить, что тот ничего не понял.

Но так как парус отсутствовал, то идти пришлось все-таки пешком. Пещерный мальчик оттолкнул плот от

берега, и они долго смотрели, как он медленно ползет по течению к излуине.

— Интересно, куда несет свои воды река? — спросил любознательный Агам. — До края земли? А когда она до-текает до края, то что с ней становится? Река обруши-вается вниз и стекает в небо?

— Река впадает в море, — ответил Вася. — Кроме мо-рей есть океаны. Они огромные, как тысячи рек. Пом-нишь я тебе показывал?

— Это на бересте с заклинаниями? — недоверчиво спро-сил Агам.

Но на этом их разговор прекратился, и Вася не успел даже перейти к самому спорному его пункту, а именно к тому, что Земля — шар, который всегда вызывал у пе-щерных ребят вполне обоснованные сомнения.

Внезапно стадо антилоп отбежало от берега и испу-ганно понеслось на равнину, уступая дорогу хозяевам этих земель — мамонтам, которые в жаркий час шли на водопой. За последние дни мамонты успели перекочевать по мелководу на противоположный берег реки, где трава была сочнее и пастбища щедрее.

Потревоженные появлением гигантов, над равниной и рекой металась журавли, цапли, выводки гусей, зеленых уток, ржанок и чирков, а крики коростелей и куликов с болота только усиливали всеобщую суматоху.

В реку, спасаясь от мамонтов, спешил грузный гип-попотам, а у него на спине подпрыгивала птица-наездник, которая взлетела, когда четырехтонное животное погру-зилось в воду.

Во главе стада мамонтов шли семь громадных вожа-ков-самцов, а впереди — вожак всех вожakov с загнутыми кверху громадными желтоватыми бивнями толщиной с туловище взрослого воина. В косматой шерсти запутались репы, которые мамонты иногда выбирали друг у друга кончиками хоботов.

Стадо уже подходило к реке, когда на их пути появился Агам. Вожак мамонтов затрубил, требуя, чтобы челове-чишка уступил им дорогу. Мамонты никогда не свора-чивали со своего пути и в своем упрямстве доходили иногда до крайностей, становясь упрямыми, как белый носорог или бык, которые бодают дерево у себя на пути, чтобы не обходить его.

Вася и Роса нырнули за камень, но Агам нагло направился навстречу огромному стаду, крича:

— Агам вышел на охоту! Агам, победивший красного льва и Лесных Людей, победит и мамонтов! Сейчас мамонты увидят, что значит бросать вызов Агаму!

— Перестань! — крикнула девочка. — Не делай этого!

— Агам не боится! Он покажет Росе силу колдовства! Огромные мамонты будут разлетаться от Агама, как семена одуванчика разлетаются по лугу.

Но все произошло иначе, чем ожидал пещерный юноша. Увидев, что человек не только не уступает стаду дороги, но еще и нахально бежит навстречу, вожак всех вожаков гневно затрубил, и в его маленьких глазках загорелась ярость. Память подсказала ему, что когда он был еще четырехгодовалым мамонтенком, то, отбившись от стада, забрел в заросли. Там на него набросился человек и ударил дубиной по спине. Он хотел сломать малышу позвоночник, но удар скользнул, рассекая кожу, и мамонтенок с громким визгом выскочил на равнину к стаду. Охотник не рискнул преследовать его, зная силу взрослых животных.

Увидя рану на спине у сына, его мать и вожаки, гневно трубя, растоптали все заросли, но человек уже скрылся. След от того удара дубинки давно прошел, но ненависть и недоверие к людям у вожака вожаков остались, и теперь, увидев наглого мальчишку, он решил с ним расквитаться за прошлое оскорбление.

К тому же несколько месяцев назад одна из самок провалилась в глубокую яму, прикрытую травой и листьями, и пропорола колом, который торчал на дне, себе живот. А потом сверху на нее посыпались камни и копья — это была засада людей равнинного племени, которое кочевало вдоль кромки ледника, когда ледник наступал, каждые несколько недель, перенося свои жилища, сделанные из шкур. Тогда вожак вожаков не смог убить тех, кто вспорол живот самке, потому что люди ловко прятались за скалами и бросали в мамонтов копья и камни. Стадо охраняло раненую до позднего вечера, пока она не умерла. Потом мамонты еще раз грозно протрубили и ушли к реке, оставив равнинному племени целую гору мяса. У самки остался семилетний

мамонтенок, и теперь стадо, как могло, заботилось о нем.

Вспомнив обо всем этом, вожак вожаков, горя желанием сейчас расплатиться со всем людским племенем, устремился навстречу человеку, выставив вперед загнутые бивни. Поднимая голову то выше, то ниже, мамонт мог регулировать убийственную силу своего удара. Если голова гиганта была опущена низко и края бивней направлялись почти параллельно земле, то атака была серьезной, если же голова была поднята и вперед смотрел только крутой изгиб бивней, это означало, что мамонт настроен более или менее миролюбиво и не собирается убивать своего противника, хотя и намерен преподать ему урок. Так гиганты обычно сражались друг с другом, определяя иерархию в стаде.

Этот мамонт решил атаковать серьезно, с твердым намерением сделать на свете одним человеком меньше. За вожаком вожаков, чуть отстав, бежали еще семь самцов, выстроившихся почти в прямую линию. Агаму стало не по себе, и он с трудом убедил себя остаться на месте. Возможно, современному читателю трудно понять, что такое атака мамонтов, но пусть он представит, что стоит посреди дороги с копьем в руках, а на него на полной скорости несутся восемь огромных грузовиков

Вожак всех вожаков подбежал к подростку и попытался поддеть его бивнями. Защитное устройство замерцало, и Агама, как пушинку, подбросило на полметра над поляной, где он завис в воздухе. Мамонт удивленно заревел, он начал колотить Агама бивнями, но тот только кувыркался, потому что защитное поле имело форму шара.

— Почему мамонты остаются на месте? Агам же говорил, что они будут разлетаться, как семена одуванчика! — удивилась Роса.

— Они слишком тяжелые, — заметил Вася. — Теперь отлетают не мамонты, а сам Агам.

Гиганты между тем разозлились не на шутку. Они понимали, что между человеком и ними стоит какая-то преграда, и в ярости толкали ее массивными ногами, головами, хоботами и бивнями. Это напоминало теперь какую-то дурацкую игру: Агам летал по поляне в центре

невидимого шара, а мамонты нападали на него со всех сторон и продолжали толкать. Агам был, в общем-то, в безопасности, но по его перекошенному лицу видно было, что ему не особенно приятно. Все получилось не так, как он задумал, вместо того чтобы мамонты разлетались, как пушинки, пушинкой стал он сам.

— Ты когда-нибудь видела футбол, в который играют слоны? — поинтересовался у Росы Вася.

— Нет, — покачала головой девочка.

— Тогда посмотри! И я тоже понаблюдаю. Жаль только, нет ворот, но мне кажется, правая команда мамонтов выигрывает.

Животные, действительно, в погоне за шаром разделились на две группы, одна толкала шар справа, а другая — слева. Вряд ли они понимали, что соревнуются, ими руководило лишь желание растоптать мальчишку, но со стороны это выглядело как игра в футбол. Мамонты поочередно отбирали друг у друга мяч и начинали топтать его огромными ногами.

— Ты не хочешь помочь Агаму, мальчик-колдун? — сердито спросила Роса, которую раздражало безразличие Васи.

— Где ты видела, чтобы на футбольном поле было два мяча? Это не по правилам, — засмеялся тот, видя, что Агаму ничего не угрожает.

Наконец один из мамонтов, разбежавшись, так сильно стукнул по силовому шару бивнями, что Агам, несколько раз перекувырнувшись, отлетел в реку. В реке его поле выключилось, и он, плескаясь, поплыл к берегу. Озадаченные мамонты больше не преследовали его, они затрубили и отступили на равнину, видимо решив напиться в другом месте. Вася и Роса подбежали к приятелю. Тот покачивался, и глаза у него стали заметно косить.

— Ты не ранен? — забеспокоилась девочка.

— У Агама голова кружится. Агам так много кувыркался, что теперь вообще не понимает, где верх, где низ, — сказал пещерный подросток и упал на траву.

Минут через десять все пришло в норму, и он смог продолжить свой путь. Но больше не хвастался силой колдовства и старался обходить крупных животных стороной, а при виде мамонтов даже в отдалении его лицо приобретало зеленоватый оттенок.

Путь до пещер племени Камышовых Котов занял у них пять дневных переходов. Обычно они шли с рассвета часов до одиннадцати утра, потом в самую сильную жару, когда воздух раскалялся, отдыхали в тени гигантских секвой или в зарослях тростника, жаря на костре утку или дрофу, которую удавалось подбить из лука Агаму, а потом продолжали путь с шести вечера примерно до двух ночи, причем последние часы уже при свете луны. По примерно такому расписанию жили почти все животные саванны, за исключением только гиппопотамов и носорогов, толстая шкура которых не боялась солнечных ожогов.

Желтый человек больше не попадался на их пути, хотя временами Агам чувствовал, что он где-то рядом. Иногда в нескольких сотнях локтей позади них взлетали утки или начинали выть в непривычное время шакальи собаки, а однажды Роса даже видела дымок от его костра.

И вот как-то ночью Сяомун решил побраться к ним в лагерь и заколоть Росу копьем, но девочка еще раньше проснулась, вскрикнув во сне. Ей снился невообразимый кошмар, в котором их убивали, и она догадалась, что волшебный обруч Духа Огня, который был у нее в волосах, уловил ужасное намерение желтого человека.

Она разбудила ребят, и они быстро все распланировали. Вася на время отдал девочке свой жилет, а сам спрятался в зарослях. Потом, все еще дрожа от страха, Роса легла у костра и притворилась спящей. Это было очень страшно — лежать и знать, что к тебе крадется убийца.

Вначале все было тихо, потом тростник вдруг зашелестел, и выскочивший оттуда Сяомун попытался ударить Росу копьем. Но включилась силовая защита, и желтый человек, подброшенный полем огромной силы, с воплем пролетел в воздухе метров пятнадцать, а потом из реки донесся всплеск, и несколько кайманов, лежавших на мелководье, предвкушая аппетитно закусить, скрылись под водой.

— Как ты думаешь, Агам, кайманы съели Сяомуна? — спросила девочка.

— Желтые люди плохие пловцы, — ответил ее приятель. — Вряд ли мы с ним еще встретимся

Он поднял валявшееся на земле копье Сяомуна, которым тот пытался заколоть Росу, и потрогал пальцем блестящее острие.

— У Агама никогда не было такого хорошего копья, — сказал он довольно. — Теперь это будет копье Агама. Этим копьем Агам сможет убить много добычи. Жаль, желтый человек, улетая, не потерял здесь свой лук.

Как видим, вопросы присвоения чужой собственности в каменном веке решались довольно просто. И, положив копье рядом с собой, мальчик заснул.

Наутро ребята снова продолжили путь. Агам осмотрел прибрежный тростник и лежавших на мелководье кайманов. Они выглядели сытыми, значит, плотно закусили.

Ничего об этом не сказав, пещерный подросток перебросил через плечо свое новое копье и пошел по равнине, пока Тот, Кто Зажигает Костер Солнца не развел большого полуденного огня. Трава в саванне начала уже немного желтеть, это говорило о приближении месяца Большой Жары, который должен был начаться сразу после месяца Древесных Соков. Уже несколько недель не было дождей, и река заметно обмелела. Стада антилоп и быков со всей равнины паслись теперь ближе к реке, и хищники, почти не прячась, выбирали себе добычу.

Никогда прежде на небольшой территории Агам не встречал такого обилия диких лошадей, оленей, буйволов, антилоп-нильгау. В тени лежали сытые махайроды, красные львы, лениво бродили ягуары, гепарды и гиены. Шакалы и дикие собаки доедали остатки добычи хищников.

К вечеру пятого дня, когда ребята миновали излучину, на другой стороне реки показались дымки — это были пещеры племени Камышовых Котов. Дымки едва различались: река в этом месте была широкой.

Переpravляться на другой берег вплавь было рискованно, хоть кайманов в этих местах не было, но быстрая река изобиловала водоворотами и омутами, которые легко могли затянуть неосторожного пловца на дно.

Агам и Роса замерли на берегу, с тоской и надеждой глядя в сторону своего дома. Вася понимал, что сейчас испытывали пещерные ребята, видевшие дымки родного

племени,— подобное чувство испытывал и он, разлученный со своим домом куда более труднопреодолимым препятствием, чем пространство,— временем.

Иногда вечерами или днем во время привала мальчик вспоминал о своем городе, о родителях, понимал, как они волнуются, какие ужасные мысли их одолевают. И только одно его утешало: сейчас, в тридцатом тысячелетии до нашей эры, его родители еще не появились на свет, а на месте его города были непроходимые леса и горы. А раз его мама и папа еще не родились, то они и не могут волноваться.

Но с другой стороны, если его родители еще не родились и их в данный момент вообще нет, то откуда тогда появился он сам? Следовательно, все петли времени, и прошлое, и будущее, должны существовать одновременно и параллельно, иначе выходила какая-то логическая несостыковка, которую Вася чувствовал, но до конца не мог объяснить.

— Через две луны — посвящение в мужчины,— вдруг сказал Агам.— Я бы тоже хотел его пройти, хотя мне еще не хватает двух весен.

— Бывали случаи, когда обряд посвящения происходил и для более молодых,— заметила Роса.— Мой дед стал воином в свою четырнадцатую весну.

— Через две луны Уюк станет воином,— продолжил Агам.— Я бы мог победить его, но, если я появлюсь в племени, меня попытаются убить. Вряд ли за столь короткое время Уа-Аях, Гырка и Медвежий Клык успели забыть о моем изгнании.

— Давай сделаем так,— предложила девочка.— Переправимся через реку выше по течению на плоту, а потом ты спрячешься где-нибудь неподалеку, а я попытаюсь пробраться в племя и предупрежу старейшину своего рода о нападении желтых людей.

— Хорошо,— подумав, согласился юноша.— Так и сделаем. Но если тебя постараются схватить и задержать в племени, то я не завидую тому, кто захочет это устроить. Ты не станешь женой Уюка, или на этот раз острога поцарапает ему не плечо, а вонзится в его сердце.

Вид у подростка был самый решительный, и Вася не сомневался, что Агам так и поступит.

Они поднялись еще примерно на тысячу локтей вверх по течению реки, к тому времени уже почти совсем стемнело, и связали из трех старых бревен подобие плота. Он выглядел весьма неустойчивым, но, чтобы переправиться через реку, был вполне пригоден.

В крошечной темноте, когда видно было только, как черными бликами плещет вода, они оттолкнулись от берега и стали грести руками. Луну заволокли тучи, и река потонула во мраке. Они не видели даже на расстоянии вытянутой руки, просто бревна то и дело подрагивали на волнах. Дул сильный боковой ветер, и Агам уже начал беспокоиться, что их снесет слишком далеко по течению и они окажутся ниже стоянки племени.

Примерно на середине реки они перестали грести и остановились, чтобы постараться определить направление.

Внезапно откуда-то слева, выше по течению, из серого рваного тумана с порывом ветра донеслись едва слышные голоса и всплеск весел. Агам насторожился: он был уверен, что эти звуки ему не померещились. И следующий же порыв ветра подтвердил, что он прав: голоса действительно звучали. Это означало, что те, кто плыл по реке, старались остаться незамеченными, поэтому они и решили напасть в такую темную туманную ночь.

— Это желтые воины! Я слышу их мысли! — прошептала Роса.— Они уже здесь!

— Да, это они,— подтвердил Агам.— Они локтях в пятидесяти отсюда. Желтые люди хотят напасть на наше племя этой ночью. Я должен успеть предупредить Камышовых Котов!

И, сняв защитный жилет, он бесшумно скользнул в воду.

— Береги Росу, мальчик-колдун! — услышал Вася.— Проследи, чтобы она надела мою волшебную шкуру.

— Агам, тебя убьют!

— Я буду осторожен! После того как я предупрежу своих, спрячусь в нашем укромном месте между скалами. Роса, ты помнишь его?

И Агам, нырнув, исчез под водой. В воде он чувствовал себя, как рыба, и Вася не сомневался, что пещерный мальчик доплывет до берега, но успеет ли его племя подготовиться к защите?

Желтые люди были уже совсем близко. Если бы не крошечная тьма и не туман, они давно бы заметили маленький плот, замерший в нескольких десятках локтей ниже по течению.

Вася мгновенно сосредоточился, усталости прошедшей ночи как не бывало: нельзя было терять ни минуты. Он быстро помог Росе натянуть защитный жилет.

— Ты слышишь, что они думают? — спросил он, вспомнив об обруче.

— Да, — прошептала девочка. — У них две ладони плотов, а на каждом плоту по ладони воинов. Они договорились высадиться сразу в двух местах на берегу, одни — выше по течению, другие — ниже, и напасть на спящее племя с двух сторон.

Вася произвел быстрые подсчеты: десять плотов по пять воинов — всего пятьдесят, это не меньше, чем Камышовых Котов. Если желтые люди нападут неожиданно, то племя Агама будет уничтожено. Желтые люди — хорошие воины, их стрелы пропитаны ядом и летят без промаха. Наконечники копий у них не каменные, а бронзовые, и это тоже говорит в их пользу.

— Мы должны задержать желтых людей и не дать им высадиться на берег! — прошептал мальчик, и рука его быстро скользнула в сумку с оставшимися петардами.

Их было чуть больше десятка, и Вася подумал, что если рвануть сразу все петарды, то получится очень красивый салют, который будет виден даже в темноте. Наверняка у Камышовых Котов на берегу выставлена стража, и, когда раздастся грохот, поднимется тревога, а если еще от петард загорится один из просмоленных плотов желтых людей, то вообще будет прекрасно. Среди воинов возникнет паника, в темноте они начнут стрелять друг в друга, и это даст племени Камышовых Котов хоть какой-то шанс. Только бы Агам успел доплыть до берега и разбудить людей!

Но вот уже первый плот желтых людей показался из тумана всего в десятке локтей от них. Вася рассмотрел на нем пять ссутуленных, напряженных фигур с луками и копьями. Один воин стоял у руля, двое гребли, еще двое зорко вглядывались вперед, пытаясь увидеть на берегу красные огоньки костров стойбища.

Когда плоты сблизились на пять локтей, кто-то из желтых воинов заметил чуть впереди маленький плот и удивленно крикнул что-то, показав на него рукой. Не дожидаясь, пока они опомнятся, Вася зажег связку петард и бросил их на вражеский плот.

Несколько мгновений желтые люди были в растерянности, а потом один из них, решив, очевидно, что это клубок ядовитых змей¹, попытался концом копья столкнуть петарды в воду. Но в эту секунду петарды стали взрываться одна за другой, взметнув вверх столб искр. Это был салют, настоящий салют посередине реки, осветивший все вокруг красными, синими и оранжевыми сполохами. Бросая такую связку, Вася грубо нарушил правила пользования петардами, но он достиг цели: просмоленный плот задымился.

С громкими воплями воины с этого плота, оглушенные взрывами и ослепленные огнем, стали прыгать в воду, решив, что они жертвы какого-то колдовства.

Но в эту минуту, вынырнув из тумана откуда-то справа, в маленький плотик ребят врезался второй плот желтых людей. Вероятно, они заметили опасность и решили атаковать врагов неожиданно. Сообразив, что если их столкнут в воду, то защитный костюм может не подействовать, Вася, опережая воинов, прыгнул на их плот.

Желтые люди бросились на него с разных сторон: один заносил копье, другой размахивал топором, третий поспешно натягивал лук... Но тут сработал защитный жилет, и включившееся силовое поле сразу сбросило нападавших в воду, а Вася стал единственным хозяином плота.

Он хотел повторить свой успех и на остальных плотях, но их уже не было видно, только из темноты в отдалении доносился всплеск весел: желтые люди, понимая, что незамеченными им приблизиться уже не удастся, решили атаковать стойбище открыто, спеша как можно скорее добраться до берега.

— Мальчик-колдун! Мы должны спешить! — Роса перескочила с маленького плотика на большой.

¹ Желтые люди нередко собирали в глиняные горшки ядовитых змей, а потом бросали их в пещеры и другие укрытия, заставляя прятавшихся там людей выскакивать наружу под их стрелы.

Они схватили оставшиеся весла и изо всех сил стали грести к берегу, на котором, судя по крикам и глухим ударам деревянных палиц, уже началась битва.

Агама иногда называли Сыном Лосося, потому что он держался на воде, как рыба, а нырял, как утка-гагара, проплывая без дыхания до сорока локтей. И вот теперь он плыл в сплошном густом тумане, только изредка показываясь на поверхности, дыхание его было ровным. Мальчик плыл уже долго, но берега не видел, хотя был уверен, что взял правильное направление — правым боком к течению.

Внезапно он услышал чуть впереди всплеск весел и различил в тумане плот желтых людей. Но почему он оказался так далеко? Должно быть, этот плот с самого начала держался ближе к берегу. Агам нырнул и дальше поплыл под водой совершенно бесшумно. Уже оказавшись у борта плота, он на мгновение высунул из воды голову, набирая воздух для дыхания, а потом резко дернул за весло, которым греб один из воинов.

Пигмей, не удержавшись, упал в реку и стал барахтаться, но мальчик, поднырнув под плот, отплыл от него уже далеко.

— Кайман! — взволнованно крикнул кто-то из желтых людей. — Ли Суна столкнул в воду каймана!

Желтые люди не видели Агама и приписали кайману падение сородича в воду. Это замешательство дало мальчику несколько лишних секунд. Но вот уже из тумана показались очертания берега и кострищ родного племени. Агам выбрался на сушу и помчался прямо к пещере вождя. Сейчас он не боялся за свою жизнь — интересы племени, жизнь матери и сестры были для него важнее.

По пути он заскочил в пещеру, где жил род Куниц и схватил за плечо спящего у входа в пещеру высокого воина со шрамом на лице. Тот сразу вскочил и схватился за копье. Агам увидел, что это Родрах.

— Это ты, мальчишка? — прохрипел он спросонья. — Тебя же изгнали — хочешь лишиться головы?

— Желтые люди на реке! Они напали на двух ладонях плотов! — крикнул Агам.

— Желтые люди? — усомнился воин. — Ты не врешь? Может, ты хотел украсть что-то в нашей пещере?

— Желтые люди напали! Нельзя мешкать!

На лице главы рода Куниц все еще было недоверие, но в этот момент ослепительно полыхнули петарды, и Родрах увидел сквозь туман очертания плотов и фигурки на них. Он испуганно отшатнулся, но ладонь его сомкнулась на копье.

— Дух колдуна помогает нам! — крикнул Агам, сообразивший, что это лучший способ, чтобы Родрах не испугался петард.

Но тот был смелым воином и не терялся перед лицом опасности.

— Тревога! Нападение! — громко закричал он, будя мужчин своего рода. Потом он схватил палицу и, выбегая из пещеры навстречу врагу, обернулся, чтобы посмотреть, где юноша, предупредивший его об опасности. Но Агам уже исчез в соседней пещере вождя.

Родрах послал троих мужчин из своего рода поднимать воинов племени, а сам с остальными бросился к берегу, к которому уже причаливали плоты желтых людей.

Это нападение было не первым в истории Камышовых Котов, и все хорошо знали, что нужно делать. Воины, схватив оружие, бросались на врага, а женщины, дети и подростки спешили укрыться в лесу.

Родрах метнул копье, и один из желтых людей упал с плота в воду. Но тут просвистела стрела, и воин из рода Куниц стал кататься по земле со стрелой в животе. Родрах знал, что стрелы желтых людей отравлены, и единственный способ избежать их — броситься в атаку и сблизиться на такое расстояние, когда луки станут бесполезны.

И с громким боевым кличем, размахивая палицей, он бросился вперед.

Тем временем Агам уже вбежал в пещеру вождя и, перескочив через нескольких еще не проснувшихся женщин и детей, стал трясти спящего хозяина:

— Желтые люди напали! Желтые люди напали! Вставайте все! — громко повторял он.

Медвежий Клык рывком поднялся с места и разглядел в темноте лицо Агама.

— Ты колдун и лжец! Из-за тебя погибли люди Уа-Аяха! — закричал он.

— Желтые люди напали! Говорю же вам!

— Я не верю тебе! Вначале я убью тебя, а потом проверю!

Вождь попытался схватить палицу и размозжить Агаму голову, но, пока он искал ее, мальчик швырнул в него раскаленным углем, заставив того отступить, и метнулся прочь из пещеры. Он должен был еще предупредить свой род, род своего отца, а также Рынну и сестру.

— Убейте его! Убейте! Он хотел зарезать меня спящим! — завопил Медвежий Клык, держась за обожженное углем плечо, но Агам уже был снаружи.

Воины из рода вождя и он сам, схватив оружие, выскочили за ним, собираясь кинуться в погоню за мальчишкой, но, услышав на берегу яростные крики и звуки сражения, помчались туда.

Прибжав в свою пещеру, Агам с облегчением обнаружил, что там уже никто не спит. Один из воинов, спавший у входа, услышав фейерверк и крик Родраха: «Желтые люди!» — немедленно разбудил остальных. А потом почти все воины побежали на берег, оставив только одну ладонь мужчин охранять женщин и детей, которые в спешном порядке собирались отходить к лесу.

В пещере рода Агама ему уже не грозили смертью, хотя кое-кто с опаской поглядывал на изгнанника, боясь навлечь на себя неприятности.

Юноша на мгновение прижал к себе мать и сестру.

— Омра, помнишь наше убежище между скалами, которое мы ото всех скрывали?

— Да-а,— проревела Омра.

— Веди туда маму и женщин рода! Поняла?

— Да-а.

И Агам выскочил наружу, слыша за спиной всхлипания сестренки. Недалеко от пещеры он наткнулся на тело мужчины из их племени со стрелой в горле. Юноша забрал его палицу и лук, оставив в руке погибшего только копье, чтобы тот попал в Верхний мир как воин.

Мужчины племени Камышовых Котов забыли о сне и теперь были готовы к сражению. Во врагов летели копья и стрелы, с ними схватывались в рукопашную. Желтые люди высадились на берег в нескольких местах



и рассыпались за скалами. Туман мешал им целиться, и большая часть выпущенных ими стрел вонзалась в землю. Камышовые Коты хорошо знали здешние места, и это давало им немалое преимущество. Несколько их воинов подкрались к неприятелю по зарослям камыша, а потом неожиданно напали на них с палицами и копьями. Желтые люди ожесточенно сопротивлялись, размахивая отравленными стрелами, как кинжалами, но их удалось выбить за укрытия и оттеснить в лес.

Сражение было жестоким и беспощадным, слышались стоны раненых, раздавались боевые кличи и глухие удары дубин. Желтые люди то отступали, то вновь атаковали, и в некоторых местах теснили оборону Камышовых Котов. Но в целом силы сражающихся были пока равны. Сплошной туман и мрак мешали воинам обеих сторон рассмотреть врага, и часто оказывалось, что они сражаются в темноте со своими. Нередко стрела желтого человека, выпущенная в скользнувшую рядом тень, попадала в другого воина его племени, а палица сражаю-

щегося из племени Камышовых Котов обрушивалась на кого-нибудь из своих.

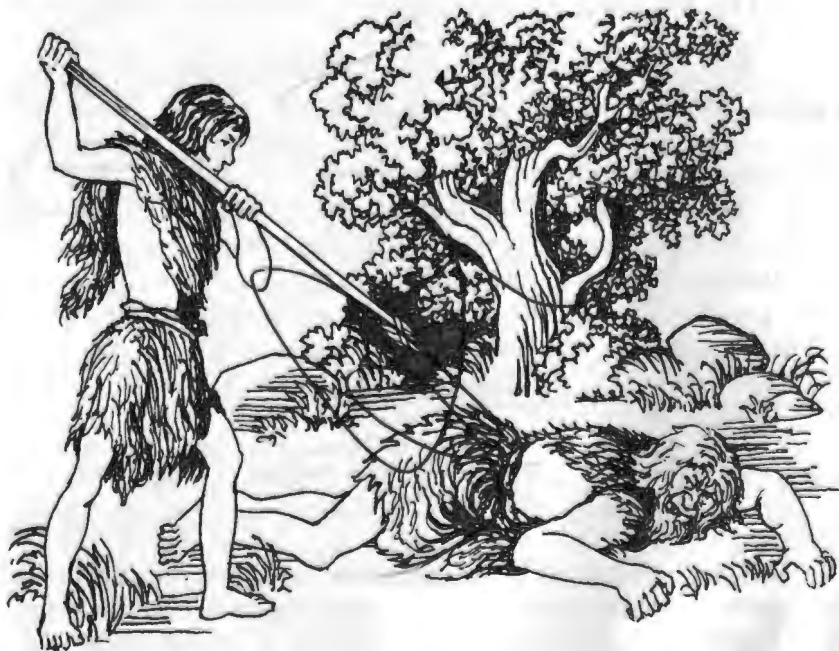
Агам вспомнил, что Роса и мальчик-колдун должны ждать его за скалами, в маленькой бухточке, скрытой камышами.

Пробегая, он вдруг услышал за камнем шорох и, решив, что это желтый воин, прыгнул к обломку скалы, подняв топор. За валуном действительно притаился какой-то человек, он дрожал, закрыв голову руками, и выглядел жалким, как слизняк.

Подросток, чувствуя, что не сможет убить безоружного, приставил каменный нож к его горлу, требуя сдаться. В этот момент прятавшийся поднял голову. Агам узнал его и презрительно опустил копье. Это был Уюк, бедняга был так напуган, что даже не мог говорить, а только стучал от страха зубами.

— Уюк — трус! Он был смел только за спинами мужчин своего рода! — произнес пещерный юноша.

Еще недавно он мечтал, как вырастет и убьет Уюка, но сейчас его презрение к этому слизняку было столь велико, что не стоило даже проливать его кровь.



Агам оттолкнул труса, перескочил через камень и бросился в заросли. Через несколько минут он был уже в бухте, где его ждали Роса и мальчик-колдун. Они причалили на большом плоту желтых людей и сидели на корточках на его краю, прислушиваясь к шуму сражения.

Когда Агам вынырнул из зарослей, Роса резко обернулась к нему и, разглядев его, радостно воскликнула:

— Агам жив! Агам предупредил племя и стал героем!

— Еще рано торжествовать. Желтых людей много, и они одерживают верх. Агам и мальчик-колдун должны вернуться в гущу битвы и сражаться!

Не споря, девочка быстро выскользнула из защитного жилета и протянула его приятелю.

— Я не возьму! — отказался тот. — Он теперь твой! Я не хочу, как трус, скрываться за волшебной шкурой!

— Ты должен! Здесь в зарослях желтые люди не найдут Росу. Роса хорошо знает, как прятаться в камыше. Волшебная шкура теперь больше нужна Агаму!

— А если на Росу кто-нибудь нападет тайно? — все еще сомневался мальчик.

— На Росу нельзя напасть тайно! Роса слышит мысли всех, кто находится поблизости от нее, — уверенно заявила девочка.

— Хорошо. А теперь бежим, мальчик-колдун! — Агам быстро надел на себя защитный жилет и отдал Васе палицу, оставив себе топор и копье, отбитое у Сяомуна.

Понимая, что не может отказаться от палицы, потому что пещерный подросток станет его презирать, Вася взял ее и взмахнул ею над головой. Потом они с Агамом помчались туда, где давно уже шел бой.

Глава тринадцатая

БИТВА ПЕЩЕРНЫХ ВРЕМЕН

Кто умрет без меча в руке, тот никогда не увидит Валгаллы — страны храбрых — и навеки покроет род свой позором.

Предание древних викингов

Это был первый и, возможно, последний случай в истории человечества, когда мальчик, родившийся тридцать тысячелетий спустя, участвовал в настоящем сра-

жении пещерных времен. В сражении, не знаящем пошады, где ценою была жизнь целого племени.

Вначале ребята бежали в полной темноте и тумане, не видя перед собой ни своих, ни чужих. Только хлюпала под ногами вода и стегали по лицам тугие стебли камыша.

За последние дни Вася успел освоить возможности своего защитного жилета и узнал, как настраивать его на разные виды опасности. В первые часы, когда он только надел его, костюм срабатывал даже на капли и ветки, а уж если по тропинке подползал муравей, то подозрительный жилет начинал бить тревогу, и мальчик мгновенно повисал в силовом поле, как будто на него напал крупный хищник.

На груди, чуть сбоку от застежки, Вася нашел синюю кнопку отключения поля. При нажатии на нее костюм переходил как бы в режим ручного управления и уже не реагировал на опасность до повторного нажатия на эту кнопку, когда поле снова начинало работать. Был на жилете датчик массы и материала: костюм можно было настроить на определенный вес атакующего и на материал, из которого сделано оружие,— например, на копье с бронзовым наконечником, на камышовую стрелу, на дубину из железного дерева. Опознающее поле умело определяло характер реальной опасности, скорость приближения объекта и уже не реагировало на хлеставшие ветки или на случайно пробежавшее мимо животное.

Более того, Вася путем экспериментов убедился, что у защитного костюма есть встроенные телепатические датчики, которые позволяли засечь поток импульсных сигналов, исходящих от мозга агрессора. В момент выброса агрессии от мозга исходят волны злобы определенной частоты, и это позволяло жилету включаться, когда враг неслышно и незаметно приближался к спящему ночью, сжимая бронзовый кинжал.

Мальчик старался успеть за Агамом, пробираясь через камыши, но тот вскоре исчез в темноте, и Вася остался один. Через некоторое время он услышал боевой клич желтых людей, а потом звук отреагировавшего защитного поля Агама. Значит, пещерный подросток уже наткнулся на врага. Боевой клич вдруг оборвался, а потом что-то

взлетело над поляной и упало на середину реки. Вася догадался, что «волшебная шкура» юноши помогла ему одолеть первого противника.

Оглядываясь, Вася выскочил на поляну. Там в углях катались, сцепившись, два каких-то воина, а чуть в стороне желтый человек с копьем гнался за старой женщиной. Всего два прыжка отделяли его от жертвы.

Не раздумывая, мальчик швырнул в желтого человека палицей. Сучковатые дубины не предназначены для метания, поэтому Вася промахнулся, и увесистая палица пролетела в нескольких сантиметрах от уха врага.

Забыв о старухе, воин обернулся, гневно зарычал и бросился на мальчика. Он был довольно высоким для пигмея, на его лице и груди была затейливая татуировка в виде каких-то диковинных знаков. Острие его копья тускло поблескивало при свете выглянувшей из-за туч луны.

Вспомнив о тренировках айкидо, Вася постарался уйти с линии атаки, но поскользнулся и упал на спину. В последнюю секунду он понял, что забыл включить защитное поле, поставив его на ручное управление. Нажимать на кнопку было уже поздно — желтый воин занес копье, его глаза-щели еще больше сузились. Инстинктивно мальчик Вася перекатился на левый бок, а когда копье вонзилось в землю рядом с ним, лягнул врага сразу обеими ногами в живот так, что тот выпустил копье.

Пигмей отскочил и, выхватив из-за пояса стрелу с отравленным наконечником, прыгнул на Васю, но тот успел нажать на синюю кнопку своего защитного костюма. Поле сработало, и желтый воин безмолвно пролетел в воздухе метров пятнадцать и упал в тростник.

Женщина, за которой гнался пигмей, остановилась и смотрела на незнакомого юношу. Она видела, как желтый человек, пытавшийся убить его, был подброшен над поляной на немыслимую высоту, и не сомневалась, что обычному человеку такое сделать не по силам.

— Дух колдуна! — бормотала она, плача.— Дух колдуна! Спаси наше племя!

Вася сделал шаг ей навстречу, чтобы успокоить старуху, но, видимо, его мерцающий костюм напугал женщину, и она с визгом убежала в сторону леса.

В этот момент защитный костюм снова сработал, и мальчик, взлетев на полметра над землей, завис в воздухе. Приземлившись после отключения поля, Вася обернулся и увидел рослого пещерного жителя с туповатым лицом, который держал в руках палицу и удивленно посматривал то на дубину, то на чужого подростка, не понимая, отчего он не рухнул замертво.

Потом Камышовый Кот вновь размахнулся, и опять дубина ударилась о какую-то невидимую преграду рядом с головой мальчика. Вася так отрегулировал поле, чтобы оно не отбрасывало нападающего: ему было интересно, что тот предпримет, сообразив, что бессилен против мальчика.

Видя, что и после второго удара незнакомец не упал, дикарь совершенно растерялся. Он некоторое время с сомнением рассматривал свою палицу, проверяя, настоящая ли она. Потом один за другим он нанес чужаку еще с десятков мощных ударов, которые свалили бы даже быка, но они все были остановлены еще в воздухе, а Вася заметил только легкие искорки от включения силового поля.

Тупое лицо первобытного человека после такой неудачи стало мрачным. Но потом, словно ему в голову пришла какая-то гениальная мысль, он размахнулся дубиной и, шарахнув себя по лбу, растянулся во весь рост на земле.

Вася догадался, что дикарь решил, будто палица заколдована и ею теперь нельзя оглушить даже муху, но для полной уверенности захотел проверить это на себе.

Битва с переменным успехом шла в разных частях поляны и в камышах. И с той, и с другой стороны было много раненых и убитых. Раненые старались отползти и спрятаться, а те, кто еще чувствовал в себе силы, снова устремлялись в бой. Число воинов с обеих сторон было примерно равным и уравнивалось еще и тем, что, хотя оружие желтых людей совершеннее и острее, а стрелы пропитаны ядом, Камышовые Коты лучше знали эти места, были значительно выше пигмеев, их воины были сильнее и в рукопашных схватках легче одолевали своих противников.

К тому же, хоть желтые воины и сражались яростно, храбро, они бились на чужой земле и не за жизнь своих

детей, жен и матерей, не за выживание своего племени. Камышовые Коты сознавали, что отступать им некуда, они на своей земле, рядом жены, дети и матери, и если они сейчас проиграют, то все их племя будет вырезано под корень — от седых стариков до малых детей. Это заставляло всех, даже тех, кто был трусоват от природы, становиться мужественными и бросаться с палицами на копья и стрелы желтых людей.

Нередко даже раненный ядовитой стрелой воин из племени Камышовых Котов, чувствуя приближающуюся смерть, бесстрашно кидался на врага, уже не ощущая боли, и сражал неприятеля, заставляя остальных желтых людей спастись паническим бегством.

Даже женщины и старики Камышовых Котов принимали посильное участие в битве, стреляя из луков или собирая брошенное врагами оружие или метательные снаряды и принося его своим воинам. Совсем маленький ребенок, которому едва исполнилось шесть весен, тащил своему старшему брату камень, а один раз даже сам попытался бросить копье во врага, хотя оно не улетело и на метр.

К поляне, на которой шла битва, уже подходили вездесущие шакалы и гиены. Пока они еще не решались высунуться из зарослей, но уже жадно скулили в тростнике и молодой поросли. В лесу то там, то здесь сверкали желтые глаза ягуаров и леопардов, и даже гривастый лев, житель саванн, которого позднее назовут царем зверей, чувствуя запах свежей крови, уже показался вблизи пещер.

Страшна и ужасна была битва пещерного времени! Страшна и беспощадна, как всякая война, уносящая жизни, когда одни народы уничтожали другие или когда брат шел на брата. Позднее о войнах начнут слагать песни и легенды, и тот, кто убьет больше всего врагов, будет назван героем.

Битвы пещерного времени были проще и откровеннее. Вонзить копье в живот или раздробить камнем голову — к этому жившие в то время люди относились спокойнее, чем во все остальные века. Позднее нейтронную бомбу, которая мгновенно убивает миллионы людей, оставляя при этом нетронутыми дома, назовут гуманным оружием. Пока же мозги вышибались с по-

мощью самодельных топоров, что было хоть и менее эстетично, зато надежно.

Кто-то бросил факел, и загорелся сухой тростник у реки, осветив поле брани. На земле было не менее полусотни убитых и раненых с обеих сторон. Часто тела врагов лежали рядом, когда оба противника убили друг друга и вдвоем перешли в Верхний мир.

Агам в своей волшебной шкуре был в центре боя, его видели в разных местах. Несмотря на то, что ему было только четырнадцать весен и его еще не посвятили в воины, копье смельчака не знало промаха, а те из желтых людей, которые налетали на мальчика с близкого расстояния, пытаясь поразить его ядовитой стрелой или кинжалом, подлетали высоко вверх на добрых тридцать локтей, словно подброшенные великаном.

После того как Медвежий Клык погиб в бою, пронзенный сразу двумя копьями, а Родрах был ранен в голову камнем, Агам стал как бы главой племени. Он бросался в самые опасные участки битвы, и желтые люди бежали при одном его появлении, как будто мальчик был самой смертью.

Уже через несколько часов, ближе к рассвету, когда небо понемногу стало сереть, неприятель был оттеснен к реке. Из десяти ладоней желтых воинов в живых осталось не более двух ладоней. Они поспешно прыгали в воду, пытаясь спастись вплавь, но им вслед летели стрелы и копья. Камышовые Коты с каменными ножами в руках бросались в реку, преследуя своих врагов, и расправлялись с ними в воде.

Многие желтые люди тоже были неплохими пловцами, но они не могли сравниться с Камышовыми Котами, вся жизнь которых прошла у реки.

И вот наконец наступил новый день. Тот, Кто Зажигает Костер Солнца развел новый огонь, хотя и без него долина была освещена горящим камышом. Ветер тянул к реке, и пламя не должно было перекинуться на лес.

Боевые кличи смолкли, и стали слышны стоны раненых и рыдания женщин, лишившихся в ту ночь своих близких. У Камышовых Котов погиб каждый третий воин из каждого рода и примерно три ладони женщин, детей и стариков, которых тоже не пощадили стрелы и копья

врагов. Зато из пятидесяти желтых людей хваленного племени победителей, пришедших на эту землю поработить ее, никто не вернулся назад. Одних поглотили ненасытные омуты реки, другие навсегда остались лежать в прибрежном тростнике и на равнине.

Вскоре их тела были сброшены в реку на съедение кайманам и рыбам, а для погребения убитых воинов Камышовых Котов стали складывать большой костер, как того требовали традиции. Для вождя Медвежьего Клыка был сложен отдельный костер из сухих смолистых бревен, и его дух отправился в Верхний мир первым, чтобы предупредить Того, Кто Правит Верхним Миром о прибытии остальных воинов.

А потом был зажжен большой костер и под заунывный плач женщин совершился обряд сожжения. Племя прощалось со своими погибшими. Глядя, как в небо поднимается столб дыма, Камышовые Коты верили, что в нем души их воинов отправляются в Верхний мир. Погода была безветренной, сухие бревна потрескивали, и темный дым поднимался в небо, смешиваясь с облаками.

Агам стоял рядом с Рынной и Омрой, ощущая на себе то враждебные, то сочувственные взгляды своих соплеменников. Недалеко от него стояли Вася и Роса. Мальчик-колдун был для Камышовых Котов чужаком, но так как он не похож на желтых людей и многие видели, как он ночью сражался вместе с пещерными жителями, то в нем не видели врага. К тому же, стоя рядом с Агамом и Рынной, он как бы находился под покровительством их рода, и именно этот род должен был решать, убить ли им чужака или принять его в племя, если он того захочет.

Но сейчас, когда запылал погребальный костер, все смотрели только на поднимавшийся от него дым.

— Дымная дорога прямая и никуда не сворачивает. Это значит, что Тот, Кто Правит Верхним Миром готов принять наших воинов,— сказала Рынна, и Камышовые Коты закивали, соглашаясь с ней.

Как только костер прогорел, Уа-Аях, которому что-то шептала Гырка, подошел к опустевшему камню вождя и резко поднял вверх руку с зажатым в ней огромным каменным топором.

— Слушай меня, племя Камышовых Котов! — крикнул он. — Нас постигло тяжелое испытание, мы потеряли многих воинов. Медвежий Клык, наш вождь, убит сразу двумя копьями, и сейчас он уже в Верхнем мире. Оттуда, несмотря на всю свою мудрость, он не сможет больше управлять нами. Племени нужен новый вождь! Надо сейчас созвать совет племени и выбрать нового вождя!

— Уа-Аях говорит правду! Совет племени должен быть созван! — крикнули несколько воинов из его рода.

Те, кто был поумнее, уже догадывались, что задумал Уа-Аях. Наверняка он предложит в вожди себя, опираясь на поддержку своего многочисленного рода, который даже после потери части воинов остался самым сильным и боеспособным в племени. Но, так или иначе, вождь был нужен.

Все собрались вокруг костра, и главы родов, как это было заведено исстари, направились к двенадцати камням. Четыре камня остались пустыми: четыре главы из двенадцати погибли ночью. Родрах, морщась, подошел к своему камню, с завязанной мхом окровавленной головой, опираясь на палицу. Воину еще повезло, что ранен он был не стрелой, яд которой привел бы его на погребальный костер.

Род Уа-Аяха, поощряемый Гыrkой, выстроился за плечами своего главы рядом с камнем убитого вождя. Все понимали, что это означает. Уюк размахивал копьем желтого человека с бронзовым наконечником, которое он где-то подобрал, и у него был такой торжествующий вид, будто не он ночью трусливо прятался за камнем.

Агам презрительно посмотрел на него, и трус нечаянно придвинулся к взрослым воинам своего рода.

— Не задирайся с Уюком, помни, что ты еще изгнанник! — шепнула приятелю предусмотрительная Роса.

Когда утром она нерешительно заглянула в пещеру своего рода, то ее отец, раненный палицей в плечо и перевязанный ремнями из кожи олененка, не стал ругать дочь, обрадованный тем, что она пережила эту страшную ночь. Глава их рода, настаивавший, чтобы Росу отдали замуж за Уюка, умер на рассвете от тяжелой раны, а новый глава рода не был пока выбран.

Теперь, воспользовавшись тем, что ее сородичи не следят за ней, девочка осторожно подошла к роду Агама, чтобы быть рядом с другом.

— Племени нужен новый вождь! — вновь возвысил голос Уа-Аях, не ставший долго хитрить. — Этим вождем стану я! За мной стоит весь мой род. Если кто-нибудь хочет бросить мне вызов, я готов принять его!

И он угрожающе взмахнул палицей. В пещерные времена люди не знали дипломатии и говорили то, что думали. Позднее они научатся ловко прятать свои мысли и побуждения, хотя желания и цели у них останутся теми же.

Никто в племени не осмелился возразить Уа-Аяху, за которым стоял не только его, но и несколько младших родов. Остальные были значительно слабее и к тому же потеряли много мужчин в битве. Кроме того, все знали, что Уа-Аях — сильный и беспощадный к врагам воин, палица его крушит с одинаковой легкостью как черепа диких зверей, так и головы противников, а брошенное им копье летит без промаха на сорок локтей, немногим ближе, чем стрела.

В другое время Уа-Аяху бросил бы вызов Родрах, он и сейчас хотел это сделать, но рана, полученная им, была слишком тяжелой, и он не мог сейчас сражаться и победить.

Но Родрах все же решился. Он с трудом поднялся со своего камня, опираясь на палицу, и сказал:

— Воины племени! Уа-Аях будет плохим вождем! Он силен, но у него мало ума и опыта. Он будет укреплять свой род и злоупотреблять властью, отнимая у вас все, что вы добудете на охоте. Родрах бросает Уа-Аяху вызов!

Он хотел в подтверждение своих слов поднять палицу, но, оказавшись без опоры, едва удержался на ногах. Уа-Аях расхохотался.

— Родрах едва двигается, как новорожденный олененок! Ум его помутился. Уа-Аях сможет убить его одним ударом, и он это сделает, если Родрах не возьмет назад свой вызов!

Члены рода Родраха, тоже довольно сильного и многочисленного, глухо заворчали и подняли копья. Уа-Аях понимал, что если он сейчас убьет раненого главу рода Куниц, то чести ему это не сделает, но вызовет вражду

других родов, которые, объединившись, способны противостоять ему и его родичам. Но, несмотря на это, властолюбивый Уа-Аях решил покончить с Родрахом, чтобы все видели, что произойдет со всяким, кто осмелится бросить ему вызов.

— Родрах не отступит! — прохрипел раненый воин.— Он готов сражаться!

— Так пусть сражается, если ему надоело жить,— усмехнулся Уа-Аях и поднял боевой топор.— Сегодня же его дух отправится в Верхний мир.

И он шагнул к ослушнику, чтобы разом покончить с ним. За спинами своих предводителей оба рода приготовились к схватке, слышались угрозы и яростные выкрики.

— Пойдите! — крикнула Рынна, выступая вперед.— Люди! Взываю к вашему разуму! Кто бы ни победил сейчас, племя все равно проиграет. Если сейчас начнется новая резня и погибнут наши воины, то, когда желтые люди нападут в другой раз, они найдут легкую добычу и убьют всех ваших детей и жен.

— С каких это пор женщина говорит на совете? — засмеялся Уа-Аях.— К тому же женщина, сын которой был изгнан и теперь вернулся? Возможно, это он привел желтых людей ночью! Агам должен быть убит по законам племени как предатель и вернувшийся изгнанник.

— Это неправда! — крикнула Роса.— Это Агам предупредил племя о желтых людях! Если бы не Агам, вы все были бы перерезаны спящими!

— Кто подтвердит слова девчонки? — визгливо крикнула Гырка, надвигаясь на Росу с растопыренными пальцами, как будто хочет выцарапать ей глаза.— Кто ей поверит? Убейте Агама!

— Стойте! Я ей верю и подтверждаю ее слова! — хрипло сказал Родрах.— Этот юноша разбудил меня ночью и рассказал о нападении желтых людей! А потом я видел, как Агам сражался. Возможно, ему помогало волшебство, но он бился лучше всех этой ночью. Желтые люди бежали от него, как шакалы бегут от тигра! Все это видели?

— Да, мы это видели! — откликнулись несколько воинов.— Агам не должен быть изгнан! Агам — лучший из юношей племени!

— Но он пролил кровь моего сына, нарушив закон! — завизжала Гырка.

— Твой сын цел, женщина! Ты знаешь, что это была всего лишь царапина, которую ты сама растерла брусничным соком! — крикнул старик из рода Агама.

Послышался смех. Племя знало, что старик прав и изгнание Агама было всего лишь мстью вождя и Уа-Аяха, настроенных визгливыми женами.

— Хватит! — взревел Уа-Аях. — Я — вождь племени и мне решать! Сегодня же Агам будет убит, а Роса станет женой моего сына! Уа-Аях так решил и так будет!

— Только вначале тебе придется убить меня! — крикнул Родрах. — Родрах не позволит, чтобы в племени происходило беззаконие!

— Это не беззаконие, а закон силы! — крикнул Уа-Аях и перебросил из одной руки в другую боевой топор так, что его лезвие описало в воздухе полукруг. — Так будет, потому что я хочу! Нападай первым, Родрах! Я дам тебе шанс!

Родрах хотел замахнуться палицей, но рухнул на колени. Голова у него закружилась, и он едва не потерял сознание.

Уа-Аях занес было топор, чтобы проломить ему череп, но тут вперед выступил Норок, старик с длинной белой бородой, доживший до седых волос и пользовавшийся всеобщим уважением.

— Не будет славы тому, кто убьет беззащитного! Родрах — храбрый воин, но он ранен и не может сражаться! Ты должен перенести бой, пока Родрах не поправится, Уа-Аях!

Племя согласно загудело.

— Я не хочу ждать! — зарычал Уа-Аях, и страшный шрам на его лице, пересекавший нос и часть щеки, — след когтя снежного барса, побагровел. — Мне брошен вызов, и я не буду терпеть. Отойди, старик, пока я не убил и тебя!

— Слушай меня, Уа-Аях! Знаешь ли ты закон племени? — возвысил голос Норок.

— Уа-Аях знает закон. Если кто-то бросает вызов, он должен биться или взять свой вызов назад, признав поражение!

— Ты знаешь только половину закона. Есть еще и вторая половина! Вызов, брошенный одному, может быть принят другим, если тот, кто бросил вызов, не может сражаться сам! Только тогда ты сможешь стать вождем, Уа-Аях!

Воин, не знавший поражений, расхохотался. Он поднял вверх боевой топор и крикнул:

— Я согласен! Так в чем же дело? Кто из вас, мужчины племени, осмелится сразиться вместо Родраха? Вы все знаете мою силу! Одним ударом этого топора я убиваю черного медведя! Я пронзаю копьем оленя насквозь! Так кто примет вызов за Родраха? Пусть этот смельчак шагнет вперед, он поплатится головой! Это будет честная схватка, один на один!

— А если твой род будет помогать тебе? — спросил Норок. — Никому не хочется враждовать со всем родом.

— Мой род не будет вмешиваться, даю слово!

Слово главы рода было очень весомо, и все обязаны были соблюдать его, чтобы не покрыть тотем рода позором.

Все мужчины Камышовых Котов молчали. Они знали, что Уа-Аях был самым сильным воином в племени и всегда убивал в поединках своих противников. Около его пещеры на кольях торчали несколько черепов — головы его врагов.

— Бойтесь? — крикнул он. — Неужели вы все трусы? Тогда я убью Родраха и стану вождем! — И, оттолкнув старика, он занес топор.

Но тут раздался спокойный и решительный голос:

— Агам принимает вызов Уа-Аяха! Агам встанет на защиту всего племени!

— Ты? Мальчишка! — засмеялся Уа-Аях. — Ты даже не прошел посвящения в мужчины! Я придавлю тебя одной рукой!

Все члены племени пораженно смотрели, как Агам шагнул в центр круга и взял из ослабевшей руки Родраха палицу. Лицо мальчика выражало решительность.

— Если нет других воинов, которые бы бросили тебе вызов, самец гориллы, то это сделаю я, Агам! — громко сказал подросток.

— Тебе жить надоело? — поинтересовался Уа-Аях. — Ты ведь даже не воин!

— По законам племени, если я одержу над тобой победу, то стану воином без посвящения и смогу жениться на Росе! — заявил мальчик. — Правду ли я говорю, Норок?

— Есть такой закон, — кивнул седой старик, сочувственно глядя на него. — Но Агам уверен, что может бросить вызов Уа-Аяху? Он убьет Агама!

— Так ты боишься, Уа-Аях? — повысил голос подросток. — Боишься меня, мальчишки? Смотри, племя, Уа-Аях дрожит, как выброшенная на берег рыба!

— Хватит, Агам! Ты сам напротился на смерть! — взревел разозленный воин. — Защищайся! И не думай, что твое колдовство спасет тебя!

Оба противника вышли на середину круга: Уа-Аях с боевым топором, Агам с палицей.

И тут Вася вдруг увидел, что защитный жилет Агама померк. Это означало, что в нем закончилась энергия и силового поля больше не будет. Костюм пришельцев тоже нуждался в регулярной подзарядке, иначе ресурсы его иссякали. Агам больше не сможет рассчитывать на волшебную шкуру.

— Пойдите! — крикнул Вася. — Одну секунду!

Он подскочил к Агаму, схватил его за руку и прошептал ему:

— Твоя волшебная шкура не работает!

— Почему?

— Видишь, она потускнела? Значит, волшебство закончилось! Я отдам тебе свою, в моей волшебство еще осталось! — И Вася стал поспешно стягивать с себя защитный жилет.

— Уходи, мальчик-колдун! Я не хочу ждать! — закричал Уа-Аях. — Так ты отказываешься от вызова, Агам, жалкий червяк? Убирайся вон из племени и забудь об Росе.

— Нет, не отказываюсь! — громко и четко сказал Агам. — Только разреши мне снять мою иноземную шкуру и попроситься с родными!

— Прощайся! Только поспеши! Я собираюсь убить тебя очень быстро!

Уюк захихикал, выглядывая из-за спины матери.

Агам стащил с себя ставший бесполезным защитный жилет, который теперь только стеснял его движения, и

бросил его на землю. Потом он подошел к плачущей матери и Омре и обнял их.

— Прощайте! Если я погибну, то буду помогать вам из Верхнего мира!

Роса вытерла слезы:

— Агам, он убьет тебя! Ты можешь еще убежать! Прыгни в воду и плыви!

Но мальчик покачал головой:

— Пусть я погибну, но не покрою своего имени позором!

— Но он сильнее тебя во много раз!

— Зато я ловкий! К тому же я помню те приемы, которым научил меня мальчик-колдун.

Вася действительно как-то показал ему два-три приема айкидо, которые Агам быстро перенял, но не был уверен, что они помогут.

— Тебя долго ждать, Агам? Ты уже попрощался? — крикнул Уа-Аях. — Или ты струсил, лишившись своего колдовства?

— Агам уже идет, Уа-Аях! Готовься к битве! — И, взяв вместо палицы копье, так как с ним он управлялся ловчее, подросток шагнул в круг. Теперь, когда он снял волшебную одежду, было заметно, насколько он меньше ростом и тоньше, чем взрослый воин.

— Сменил оружие, Агам? — Уа-Аях поднял топор. — Но это тебе не поможет, дух твой скоро расстанется с телом! Ну хватит болтать!

И внезапно воин прыгнул вперед, как тигр, намереваясь покончить с Агамом одним ударом.

Глава четырнадцатая

РАССТАВАНИЕ

В конце каждой встречи всегда происходит расставание.

Старинная пословица

— Осторожнее, Агам! — закричала Роса.

Но тот и сам все видел. В последнюю секунду мальчик ловко отскочил, прогнулся, и огромный топор Уа-Аяха

пронесся сантиметрах в десяти от его головы, и острие глубоко вошло в землю.

Агам обежал костер и вновь приготовился к защите, крепко держа копьё.

— Уа-Аях неповоротлив, как носорог. У него много силы, но мало ума! — дразня противника, крикнул мальчик, и услышал из рядов племени смех.

Но Агаму не стоило разжигать огонь злобы в противнике. Глаза Уа-Аяха налились кровью, он почернел от ярости и действительно стал похож на носорога.

— Агам уже покойник! — заревел он, выдернул из земли топор и вновь бросился на мальчика.

Но тот снова увернулся и встал так, что между ним и воином оказался большой костер.

Агам знал, что чем больше распалится Уа-Аях, тем будет лучше для него самого. Ярость поглощает сообразительность, и атака станет менее продуманной.

Еще несколько раз противник пытался настигнуть юношу, но тот ловко уклонялся от его ударов. В своих движениях Агам подражал камышовому коту, за повадками которого часто наблюдал, и использовал приемы айкидо, показанные мальчиком-колдуном.

Он помнил правило: если хочешь победить, будь хитрым, легким и осторожным. Но внезапно Уа-Аях взмахнул топором с такой яростью, что Агам, едва успев отпрыгнуть, споткнулся о камень и упал. С торжествующим криком воин поднял топор, но юноша сумел откатиться и кольнул Уа-Аяха копьем в плечо. Брызнула кровь, и раненый гневно зарычал. Он бросил топор с такой силой, что его острие вонзилось в землю и часть камня откололась.

А мальчик уже вновь приплясывал перед ним, делая ложные выпады.

Теперь Уа-Аях уже жалел, что взял каменный топор, который был хорош только для добивания менее подвижной дичи, но не для внезапных атак. Что-то придумав, воин стал быстро вращать рукой с топором, не приближаясь при этом к Агаму. Подросток удивленно смотрел на него, не понимая, что он собирается сделать.

— Агам, пригнись! Он хочет бросить! — крикнула Роса, услышавшая с помощью своего волшебного обруча мысли гиганта.

И юноша, не раздумывая, бросился на землю. Обычно каменные топоры не метали, но огромная сила Уа-Аях позволяла метать все что угодно. Едва Агам прижался к земле, как тяжелый топор со скоростью стрелы промчался над ним и ударился о ствол старой ивы так сильно, что рукоять его сломалась.

Увидев, что промахнулся, и раздосадованный из-за длительного сопротивления сопливого мальчишки, воин гневно прорычал что-то, а потом подскочил к одному из мужчин своего рода и вырвал у него копье.

— Теперь копье против копья, Агам! — крикнул Уа-Аях. — Держись!

Копье в его руках было куда опаснее каменного топора, и юноша понял, что чаша весов начинает клониться не в его сторону. Агам попробовал сделать еще один выпад, чтобы поразить Уа-Аяха, но тот легко отбил его копье, да так ловко, что выбил оружие из рук у противника. Агам попытался поднять копье, но воин уже наступил на него. Законы племени не запрещали в поединках убивать безоружных, именно это Уа-Аях и собирался теперь сделать.

— Посмотри последний раз на небо, Агам! — издеваясь, крикнул он и, выставив вперед копье, бросился в атаку.

Пятясь, юноша почувствовал сзади жар пламени и сообразил, что стоит спиной к костру. У него блеснула последняя надежда. Подождав, пока Уа-Аях бросится на него, Агам использовал тот прием, который показал ему Вася. Прием этот заключался в том, чтобы внезапно уйти с линии атаки, присесть и поставить атакующему подножку.

Именно это он сейчас и сделал. Разогнавшийся Уа-Аях, который несся на него с копьем наперевес, не смог резко затормозить, споткнулся о ногу подростка и с воплем влетел грудью в раскаленные угли костра.

Раздался дикий вой. Воин бросил копье и, обжигая руки, отполз назад. Волосы его дымились, грудь, лицо и ладони были обожжены, и гигант катался по земле, вопя угрозы.

Агам схватил свое копье и, встав рядом с врагом, высоко поднял его. Теперь, когда его противник был беспомощен, он мог легко убить его. Но гнев юноши

уже прошел, и, видя распростертого на земле воина, сто-
нушего от боли, он отпустил копье.

Кто-то из взрослых сыновей Уа-Аяха хотел броситься
с копьем на Агама, но Норок крикнул:

— Помните о слове главы рода! Никто не должен
вмешиваться в поединок, иначе ваш род будет навеки
опозорен и ни один из его воинов не попадет в Верхний
мир!

И мужчины удержали сына Уа-Аяха.

— Убей его, Агам! Он в твоей власти, тебе решать
его участь! — громко сказал Норок, подходя к камню
племени.

— Убей меня, мальчишка! Я не перенесу позора! —
прорычал Уа-Аях, пытаясь приподняться.— Если бы я
победил, я бы тебя убил!

Но юноша покачал головой.

— Агам щадит Уа-Аяха! — презрительно сказал он.—
Агам не убивает дождевых червей!

— Постой, Агам! — Родрах, опираясь на палицу, шаг-
нул в круг.— Агам не должен щадить Уа-Аяха!

— Но Агам щадит его!

Родрах нахмурился. Он понимал, как это опасно. По-
беда Агама была случайностью, и не сегодня-завтра Уа-
Аях поправится, его ожоги заживут, и он захочет отом-
стить. Был только один шанс остановить воина, не убивая
его, и Норок использовал эту возможность.

— Слушай, род Уа-Аяха! — крикнул он.— Ваш пред-
водитель побежден, но ему будет сохранена жизнь! И
сейчас его род должен дать слово, что ни сам Уа-Аях,
ни Гырка, ни их дети никогда не нападут на Агама и не
попытаются отомстить ему! Ваш род больше не будет
претендовать на власть и обижать других, иначе против
вас выступит все племя и вы будете изгнаны! Правду ли
я говорю, племя?

— Правду! — отозвался хор голосов.— Уа-Аях и никто
из его рода больше не должен поднимать топор на Агама.
Агам проявил великодушие, и, если род Уа-Аяха оплатит
злом за добро, он будет навеки опозорен!

Вперед вышел печальный старик из рода проиграв-
шего бой и твердо сказал:

— От имени своего рода я даю слово! Отныне Агам
больше не наш враг, и, если Уа-Аях нарушит слово, он

станет врагом всех нас! Уа-Аях больше не глава нашего рода, и он не сможет стать вождем племени. Слово, данное родом Росы, возвращается Агаму. Роса должна стать женой Агама, если он этого захочет! Уюк не станет мужем Росы никогда!

— Агам победил Уа-Аяха нечестно! — всхлипнул Уюк. — Агам трус!

Родрах расхохотался:

— Если Агам трус, то почему бы Уюку не бросить Агаму вызов? Кто-нибудь, дайте Уюку топор! Пусть он сражается так же храбро, как сражался вчерашней ночью.

Один из воинов шагнул к Уюку, протягивая ему свой топор.

— Только учти, бой будет смертельным! — предупредил Родрах.

— Не-ет, не надо топора! — взвыл трус и бросился в камыши.

Гырка, защищая сыночка, подбоченившись, шагнула в круг.

— Ну и что, что он не женился? — вызывающе крикнула она племени. — Все равно он у меня самый толстенький, самый румяненький! Эта тощая Роса его и не стоит!

И толстуха засемила вслед за сыном, причитая:

— Уюк! Малютка мой, подожди мамочку!

Уа-Аях кое-как поднялся и с трудом поплелся в пещеру залечивать ожоги.

— Теперь он больше не опасен. Он не нарушит слова, иначе весь его род встанет против него! — сказал Норок.

Родрах помог Агаму забраться на высокий камень и поднял палицу.

— Слушай, племя! — торжественно сказал он. — Отныне Агам воин! Он больше не изгнанник, он снова один из нас, Камышовых Котов! Теперь никто больше не посмеет обидеть его мать и сестру, потому что тогда он станет врагом Агама и всего племени! Подойдите сюда, Рынна и Омра!

Мать и сестра Агама осторожно приблизились к камню. Те женщины и старухи, которые еще вчера бросали им угрозы и оскорбления, теперь поспешно отходили в сторону, трусливо опуская глаза. Рынна чувствовала, что никто и никогда больше не осмелится обидеть ее и теперь

она — полноправный член племени. И мать, преисполненная гордости за сына, остановилась у камня, держа за руку сияющую Омру.

А Родрах подозревал отца Росы — Белого Волка, приходившегося ему двоюродным братом, и что-то негромко сказал ему. Тот, поманив к себе девочку, схватил ее за волосы так сильно, что Роса даже вскрикнула и поморщилась от боли. Все племя, не вмешиваясь, внимательно следило за происходящим древним ритуалом, когда девушку выдают замуж.

Отец грубо толкнул дочь на землю и громко сказал: — Агам! Сегодня ты прошел обряд посвящения в воины, потому что каждый победивший в честном поединке взрослого мужчину, сам становится воином! Я, Белый Волк, отдаю тебе Росу в жены без выкупа. Теперь Роса твоя! Она будет носить за тобой твое копые и растить твоих детей! Возьми же волосы Росы и стань ее мужем!

Агам спустился с камня и крепко ухватил Росу за волосы. Это был старинный обряд, когда отец невесты как бы передавал власть над ней мужу. По обычаю, Агам должен был сейчас дернуть Росу за косу, показывая племени, что принимает над ней власть. Что он и сделал под одобрительные возгласы стариков.

— Попробуй сделать это еще когда-нибудь! — раздраженно прошептала ему Роса и незаметно ткнула нобобрачного кулаком в бок.

Совет племени продолжился. Вождем был избран Норок, хорошо знавший законы племени, но так как Норок был стар, то под защиту его взял Родрах и род Куниц. Все согласились с таким решением. Они знали, что старец мудр, и еще при Медвежьем Клыке люди нередко приходили к нему за советом. Норок умел предугадывать погоду, разрешал все споры и тяжбы и мог погасить костер самой сильной кровной вражды...

Все племя устало, но по закону избрание нового вождя и сожжение павших воинов должны были быть отмечены тризной. Вскоре окорок быка, убитого накануне, уже коптился на огне, а женщины выносили из пещер тыквы с пьянящей водой. Вскоре многие мужчины племени уже прыгали вокруг костра и орали,

размахивая копьями и исполняя ритуальный танец охотников.

Вася решил, что мужчины в его родном городе, выпив, ведут себя очень похоже, разве что копий и дубин у них нет. Впрочем, он припомнил, как однажды после дня рождения дяди, отмеченного у него на даче, виновник торжества, едва держась на ногах, стал демонстрировать свое новое охотничье ружье и разнес из него собачью будку.

С Васиной точки зрения, человечество мало изменилось за тридцать тысячелетий. Мужчины хвастались убитыми хищниками и оленями, явно преувеличивая их число, а женщины сплетничали и прихорашивались. Многие обнимались и клялись друг другу в вечной дружбе, а потом дрались до крови. Пьянящая вода есть пьянящая вода...

Только Агам, Роса и Вася не принимали участия в общем пиршестве. Они стояли на берегу реки, новобрачные держались за руки, а Вася готовился столкнуть на воду большой плот.

— Мальчик-колдун, ты в самом деле хочешь уйти от нас? — спрашивала молодая жена.

Недавно волшебный обруч Росы снова заработал, и она услышала послание Советчика с корабля пришельцев, который сообщал, что может вернуть Васю в его время, потому что в пространстве должна вот-вот открыться какая-то обратная дыра, и он, Советчик, уже подготовил все необходимое для перемещения во времени. Девочка сообщила об этом мальчику-колдуну:

— Каждый должен жить там, где он рожден,— сказал Вася и шагнул на плот.— Я хочу вернуться в свое время. Там меня ждут. Нужно всегда возвращаться туда, где тебя ждут.

— Ты не останешься еще хотя бы на несколько дней? — спросил Агам.

— Я не могу. Если я останусь хотя бы на одну ночь, то уже не успею. Обратная дыра в пространстве, сказал Советчик, откроется ровно через неделю всего на несколько секунд, а я еще должен успеть добраться до звездолета пришельцев. Ведь дорога туда неблизкая.

— А если на мальчика-колдуна нападут звери, сможет ли он защитить себя?

— Звери не страшны мальчику-колдуну. У него в жилете еще осталось много энергии,— с улыбкой сказал Вася.— Мальчик-колдун тратит волшебство более осмотрительно и не разрешает мамонтам играть собой в футбол.

Агам засмеялся, вспомнив об этом, и, подарив мальчику-колдуну в знак дружбы свое копьё, оттолкнул его плот от берега. Массивное бревенчатое сооружение, кружась, стало медленно отплывать, приближаясь к полосе быстрого течения.

— Прощайте! Советчик говорит, что всякое прожитое время остается навсегда и все, что было с нами когда-то, повторяется! Время не проходит, на самом деле оно остается в витке спирали, и каждый миг его вечен.

— То есть меня сейчас где-то в прошлом все еще пинают мамонты? — уточнил Агам.

— Точно. И ты где-то в прошлом сражаешься с Уа-Аяхом, и на нас нападает пещерный медведь, короче говоря, наше прошлое где-то существует! — подтвердил Вася и поднял над головой руку с копьём, зная, что у Камышовых Котов это знак прощания.

— Мы привязались к тебе, мальчик-колдун. Скажи, мы когда-нибудь еще встретимся? — крикнула Роза, когда они с Агамом бежали вдоль берега за медленно удаляющимся плотом.

— Может быть,— донесся голос Васи.— Все может быть! Вдруг откроется новая дыра времени?

Но на самом деле он подумал, что это, конечно, вряд ли произойдет. Тридцать тысячелетий — слишком большая пропасть, чтобы ее можно было просто так перепрыгивать.

По заявлению овала, а он теперь все время разговаривал с Васей, так как Роза отдала мальчику свой телепатический обруч, обратная дыра открылась именно потому, что во времени из-за перемещения объекта из будущего в прошлое образовался парадокс — что-то вроде узла, и время теперь стремилось вытолкнуть мальчика в его пространство, как иголку, которую потянули обратно за нитку.

Вася оттолкнулся веслом, выгребая на быстрое течение.

Пока плот не скрылся за изгибом реки, он долго видел крошечные фигурки Агама и Росы, которые стояли на берегу и смотрели ему вслед. Рука Агама была поднята высоко над головой, и в этой руке он держал копье — так прощаются Камышовые Коты.



Оглавление

От автора 5

Немного из истории 7

Глава первая. Новый гарпун 11

Глава вторая. Пещера колдуна 28

Глава третья. Совет племени 42

Глава четвертая. Пещерный медведь 62

Глава пятая. Лесные Люди 85

Глава шестая. Мамонты 98

Глава седьмая. Разведка 111

Глава восьмая. В лесных дебрях 121

Глава девятая. Неожиданная находка 132

Глава десятая. Внутри корабля пришельцев 144

Глава одиннадцатая. Появление желтого человека 166

Глава двенадцатая. Дорога домой 184

Глава тринадцатая. Битва пещерных времен 210

Глава четырнадцатая. Расставание 223

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

**125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА**

Емец Д. А.

Е 60 **В когтях каменного века: Фантастическая повесть / Худож.
Алексеев А. Г.— М.: АРМАДА, 1998.— 232 с.: ил.— (Замок чу-
дес).**

ISBN 5-7632-0671-1

Новая фантастическая повесть молодого детского писателя Дмитрия Емца рассказывает о приключениях нашего современника в прошлом. О его встречах с обитателями того времени: первобытными людьми, мамонтами, пещерным медведем, саблезубыми тиграми и инопланетной цивилизацией.

**УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445я5**

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Для младшего и среднего школьного возраста

Замок чудес

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕМЕЦ
В КОГТЯХ КАМЕННОГО ВЕКА

Фантастическая повесть

Ответственный редактор
К. А. Залесов

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
И. В. Поддубный

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93.
Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,63. Изд. № 2179.
Тираж 11 000 экз, Заказ № 714.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201



«Замок чудес» знакомит юных любителей фантастики и приключений с книгами замечательного детского писателя



Дмитрия ЕМЕЦА

ВЫШЛИ В СВЕТ:

**ТАЙНА «ЗВЕЗДНОГО СТРАННИКА»
СЕРДЦЕ ПИРАТА
КОМПЬЮТЕР ЗВЕЗДНОЙ ИМПЕРИИ**



ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

◆ **МЕСТЬ КОМПЬЮТЕРА**

Нашей планете грозит смертельная опасность. Капитан Гугль, персонаж книги «Компьютер звездной империи», вместе с героем повести Сережей отправляется в погоню за компьютером-уничтожителем.

◆ **МУТАНТИКИ**

Кто такие мутантики? Оказывается, они бывают трех видов: реакторные карлики, способные превращаться в разные предметы, лобасты-телипаты, сны которых становятся действительностью, и шерстوشки, которые... Впрочем, на Мутатерриториях еще и не такое бывает.

◆ **КОРОЛЕВА МУТАНТИКОВ**

В этой книге продолжаются приключения Пупыря, Мумуни, Бормолотика и Рыжей Карлы. Королева карликов задумала захватить Мутатерриторию. Прочитайте книгу – и узнаете, что из этого вышло.

◆ **ВОЗВРАЩЕНИЕ КОСМИЧЕСКОГО ПИРАТА**

В этой повести любителей фантастики ждет продолжение истории о капитане Кроксе, роботе Грохотуне, Андрее и Лависсе. Ранее вышли первые две книги сериала – «Тайна «Звездного странника» и «Сердце пирата».

◆ **РОБОТ-СЫЩИК**

Сыщик-неудачник Суп – робот устаревшей модели, ни разу ничего не раскрывший, – прибывает на Землю, чтобы расследовать преступление, следы которого ведут в космос.

◆ **ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОМОВЯТ**

Семья Журавлевых – мама, папа и Митя – переезжает на новую квартиру, где начинают происходить странные вещи. Виной всему домовята – маленькие человечки, живущие по соседству.

◆ **ДРАКОНЧИК ПЫХАЛКА**

Пыхалка умеет становиться невидимым и превращаться в разные предметы – это свойство вскоре обнаруживается его друзьями. А еще Пыхалка питается горчицей и именно поэтому «дышит» огнем.

◆ **КУСАЛКИ**

Вам попадались когда-нибудь на улице консервные банки, неловко открытые, будто кем-то прогрызенные? Откроем вам тайну – это дело рук, а точнее, зубов, маленьких вредных человечков – кусалок. Наверное, они настолько досадили писателю Дмитрию Емцу, что он решил написать о них целую книгу.



ЗАМОК
ЧУДЕС

**Всем, кто любит сказки и
фантастические истории!**

★ ★ ПРЕДЛАГАЕМ ★ ★
★ участвовать в конкурсе ★
КРОССВОРДОВ

**«Замок чудес»
приглашает всех желающих принять участие
в увлекательном конкурсе!**

Первые из вас, кто разгадает кроссворд и пришлет правильные ответы, получат призы от «Замка чудес» — книги с автографами писателей. Разгадывая кроссворд, вы вновь встретитесь с персонажами фантастической повести «В когтях каменного века», а также с хорошо известными и любимыми героями произведений отечественных и зарубежных авторов.

Присылайте в редакцию также свои рисунки и кроссворды, составленные по книгам серии «Замок чудес». Авторы лучших из них также ждут призы. Кроме того, наиболее интересные кроссворды будут опубликованы в следующих книгах серии.



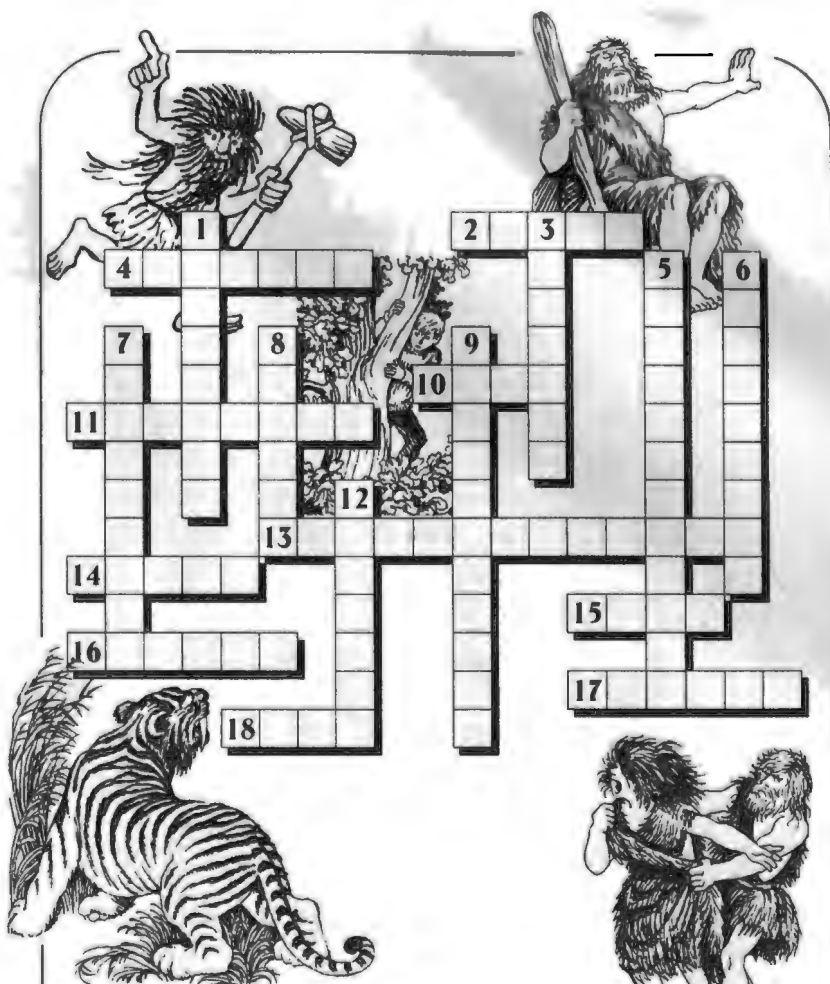
Ребята!

**Очень просим вас не портить
книгу и отправлять свои ответы
на отдельных листах.**

**Читатели, приславшие страницы,
вырванные из книги, не будут
участвовать в конкурсе!**

Мы ждем ваших писем по адресу:
125499, Москва,
Кронштадтский бул., д.37б,
издательство АРМАДА,
с пометкой «Кроссворд»





По горизонтали: 2. Предмет, из которого можно сварить вкусную кашу. 4. Книга с заклинаниями. 10. Полосатый зверь, напугавший Васю. 11. Украшение из клыков льва, отгоняющее злых духов. 13. Существо, очень похожее на обезьяну. 14. Отважная девочка из XXI века. 15. Имя феи Убивающего Домика. 16. Родственник нильского крокодила. 17. Родной город Васи Матвейчикова. 18. Подруга Агама.

По вертикали: 1. Камень — Дух Огня, падающий с неба. 3. Грохочущий камень. 5. Приспособление из кости и рога. 6. Зимние снеготупы неизвестной формы. 7. Волшебная штука, высекавшая огонь. 8. Оружие древнего воина. 9. Научное название «человека выпрямленного». 12. Орудие, с помощью которого добывается крупная рыба.

ЗАМОК  ЧУДЕС

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Гарри КИЛВОРТ

КИБЕРКОШКИ



• ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ РЕБЕНОК •
• КИБЕРКОШКИ •

Фантастические повести

Ты наверняка любишь фантастические приключения?! Так вот, вместе с героями этой книги ты перенесешься в будущее — в 2061 год...

Подростки Искра и Слепыш живут на городской свалке. Им приходится здорово вертеться, чтобы выжить, но они полны решимости ни от кого не зависеть. И в этом ребятам помогают их необыкновенные способности. Однако вскоре удивительные таланты Искры и Слепыша попадают в поле зрения могущественного преступника, контролирующего городской преступный мир. Детей похищают и заставляют работать против закона. Вопрос в том, хватит ли им храбрости и таланта, чтобы сбежать? Фантастические повести Г. Килворта, которые впервые издаются на русском языке, — это не просто захватывающие приключения, но и необыкновенная история о жизни двух бесстрашных друзей.

Ежемесячный иллюстрированный журнал
для мальчиков и девочек

МИША

“Миша” – веселый, увлекательный и познавательный журнал для ребят, которые любят приключения, комиксы, сказки, рассказы, загадки, кроссворды, головоломки, игры, поделки, шутки, анекдоты и многое другое.



Подписка принимается во всех почтовых отделениях с любого месяца.

Подписной индекс:
72847 – на полугодие, 72377 – на год.

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгобай"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Селер"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амिता"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!



Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: **125499, Москва, Кронштадтский бул., д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET:

<http://www.armada.ru>

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня»	тел. 252-28-65
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84	тел. 976-75-09
ул. Абельмановская, д.17а (кинотеатр «Победа»), магазин «Книги»	тел. 270-20-32
проспект Мира, д.41, строение 1, помещение Художественного салона	тел. 280-24-06



ЗАМОРСКОЕ
ЧУДО

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ISBN 5-7632-0671-1

